

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СОБИРАТЕЛЬ
СЛОВ РУССКИХ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

РУССКИЙ МИР

04 Ближневосточный вектор русистики

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

10 Сохраняя свет

ИСТОРИЯ

32 Хроники Древней Руси

ИНТЕРВЬЮ

18 Право оставаться человеком

26 Главный лексикограф Российской империи

40 Париж на троих

48 Сны и будни игумены Таисии

НАСЛЕДИЕ

54 «В нем ум коренной русский»

60 Человек с молоточком

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

68 Высокая печаль

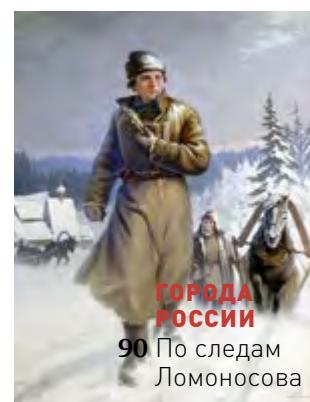
ТРАДИЦИИ

74 Живая нить традиции

люди и время
80 Личный выбор, общее дело

ГОРОДА РОССИИ
90 По следам Ломоносова

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Александр АЛИМОВ

Главный редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:

Артем АРГУНОВ

Александр БУРЫЙ

Сергей ВИНОГРАДОВ

Ольга ДЯТКО

Екатерина ЖИРИЦКАЯ

Наталья ЗОЛОТАРЕВА

Алексей КАРПОВ

Елена МАЧУЛЬСКАЯ

Анастасия НЕЧАЕВА

Елена ПЕТРОВА

Евгений РЕЗЕПОВ

Андрей СЕМАШКО

Наталья ТАНЬШИНА

Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (+7 499) 519-01-68

Сайт журнала:
[https://rusmir.media](http://rusmir.media)

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжели БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ
ВИКТОРОВИЧ**
Министр
иностранных дел
России
(председатель
попечительского
совета фонда)

**КРАВЦОВ
СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ**
Министр
просвещения
России
(заместитель
председателя
попечительского
совета фонда)

**ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА
БОРИСОВНА**
Министр
культуры
России

**ФАЛЬКОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**
Министр науки
и высшего
образования
России

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**АЛИМОВ
АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ**
Директор
Департамента
по многостороннему
гуманитарному
сотрудничеству
и культурным
связям
МИД России
(председатель
правления фонда)

**РАССУХАНОВ
УСМАН
АБДУЛ-АЗИЕВИЧ**
Директор
Департамента
интеграции
национальной
системы
образования
и международного
сотрудничества

**ТРИНЧЕНКО
КСЕНИЯ
ОЛЕГОВНА**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
Минобрнауки
России

**КУЗНЕЦОВ
АНТОН
АНДРЕЕВИЧ**
Заместитель
директора
Департамента
музеев
и внешних связей
Минкультуры
России

**ШЕВЦОВ
ПАВЕЛ
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
руководителя
Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЯМПОЛЬСКАЯ
ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА**
Советник
президента
России
**(председатель
наблюдательного
совета фонда)**

**ПАНКИН
АЛЕКСАНДР
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
иностранных дел
России
**(заместитель
председателя
наблюдательного
совета фонда)**

**КОРНЕЕВ
АНДРЕЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ**
Статс-секретарь,
заместитель
министра
просвещения
России

**КРОПАЧЕВ
НИКОЛАЙ
МИХАЙЛОВИЧ**
Ректор федераль-
ного государствен-
ного бюджетного
образовательного
учреждения высшего
образования «Санкт-
Петербургский
государственный
университет»

**МАЛЫШЕВ
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**
Заместитель
министра
культуры
России

**МАСЛОВ
ИГОРЬ
ВЕНИДИКТОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента
России
по межрегиональ-
ным и культурным
связям
с зарубежными
странами

**МОГИЛЕВСКИЙ
КОНСТАНТИН
ИЛЬИЧ**
Заместитель
министра науки
и высшего
образования
России

**НЕВРОВ
ИГОРЬ
СВЯТОСЛАВОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента
России
по внешней
политике

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Руководитель
Федерального
агентства по делам
Содружества Неза-
висимых Государств,
соотечественников,
проживающих
за рубежом,
и по международ-
ному гуманитарному
сотрудничеству
(Россотрудничество)

**САДОВНИЧИЙ
ВИКТОР
АНТОНОВИЧ**
Ректор
федерального
государственного
бюджетного
образовательного
учреждения
высшего
образования
«Московский
государственный
университет имени
М.В. Ломоносова»

**ТАРАСОВ
СЕРГЕЙ
ВАЛЕНТИНОВИЧ**
Ректор федераль-
ного государствен-
ного бюджетного
образовательного
учреждения выс-
шего образова-
ния «Российский
государственный
педагогический
университет
имени А.И. Герцена»

**ФИЛАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Начальник
Управления
Президента
России
по приграничному
сотрудничеству

**ФИЛИППОВ
ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВИЧ**
Президент
федерального
государственно-
го автономного
образователь-
ного учреждения
высшего образо-
вания «Российский
университет дружбы
народов имени
Патриса Лумумбы»

**ЧЕРКЕСОВА
БЭЛЛА
МУХАРБИЕВНА**
Заместитель
министра
цифрового
развития, связи
и массовых
коммуникаций
России

**ТОРКУНОВ
АНДРЕЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Ректор
Московского
государственного
института
международных
отношений
(университет)

RUMAFRVAL.ORG/PROJECTS/ABU-DABI/2025

Здание
Русской школы
в Абу-Даби

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РУСИСТИКИ

АВТОР

АНАСТАСИЯ НЕЧАЕВА

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ПРОВЕЛА СЕМИНАР «РУССКИЙ ЯЗЫК И СТРАНОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ КУРСОВОГО ОБУЧЕНИЯ». ОН ПРОШЕЛ 22–23 ФЕВРАЛЯ 2025 ГОДА В СТОЛИЦЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ.

В АБУ-ДАБИ СОБРАЛИСЬ лингвисты, филологи и преподаватели русского языка как из Объединенных Арабских Эмиратов, так и из других стран. В течение двух дней участники семинара слушали вы-

ступления и лекции коллег, представивших результаты своих исследований, дискутировали, делились опытом и знакомились на мастер-классах с новыми методиками преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

Семинар прошел в Русской школе в Абу-Даби, действующей с 2022 года. Это совместный проект Администрации Президента ОАЭ и российской Гимназии им. Е.М. Примакова, председателем попечительского совета которой является министр иностранных дел России Сергей Лавров.

На торжественной церемонии открытия семинара директор Русской школы в Абу-Даби Олеся Попенкова подчеркнула, что педагогический коллектив школы стремится объединить в своей работе все лучшее, что есть в российском и эмирятском образовании. «А поскольку традиционные ценности, которых придерживаются Российской Федерацией и Объединенные Арабские Эмираты, очень близки, этот процесс протекает органично», – сказала она.

«Важно, что в рамках программы семинара состоятся лекции и ма-

Исполнительный
директор фонда
«Русский мир»
Татьяна
Шлычкова
приветствовала
участников
семинара

Научную программу семинара открыла вице-президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), проректор МГУ им. М.В. Ломоносова, академик Российской академии образования Татьяна Кортава. Она выступила с докладом «Лингводидактический потенциал трансформативной педагогики». Напомнив, что МАПРЯЛ уже около шестидесяти лет вносит значительный вклад в укрепление позиций русского языка в мире, Татьяна Кортава заметила, что обмен научными достижениями и профессиональным опытом между членами ассоциации расширяет границы познания и служит импульсом для рождения новых идей. Доклад вице-президента МАПРЯЛ был посвящен вопросам разработки новых методик преподавания русского языка в условиях современной глобализации и «суперразнообразия». «Многие страны на пространстве СНГ, где русский язык имеет статус официального или языка межнационального общения, формируют свою языковую и образовательную политику на основе трехъязычия, – сказала Татьяна Кортава. – Свободное владение несколькими иностранными языками приобретает черты «лингвистического капитала» государства и личности. Очевидно, что коммуникативные структуры многоязычия требуют новых подходов. В последние годы в научный оборот вошли новые термины и понятия, отражающие специфику одновременного или последовательного овладения языками и культурами народов, такие как транслингвизм, транслингвальность, транскультурность, трансформативное обучение, эмерджентность». Однако, подчеркнула вице-президент МАПРЯЛ, разрабатывая новые методики преподавания русского языка в современных условиях, «мы понимаем, что глобализация не должна стереть из генетической памяти народа его культурно-языковой код».

В своем выступлении ректор Института русского языка им. А.С. Пушкина Никита Гусев затронул тему диалога культур, обратив внимание аудитории на мотивы «восточного текста» в творчестве выдающихся русских поэтов и писателей: Гавриила Державина, Василия Жуковского,

стер-классы по наиболее актуальным аспектам преподавания русского языка как иностранного. Между специалистами состоится продуктивный обмен мнениями. Мы ждем хорошую отдачу от этого мероприятия», – отметила, выступая перед участниками, исполнительный директор фонда «Русский мир» Татьяна Шлычкова. Она также призвала представителей общественных организаций ОАЭ принять участие в грантовой программе фонда «Русский мир».

Семинар в Абу-Даби станет важным этапом в активизации работы на

Ближнем Востоке российских организаций, занимающихся популяризацией русского языка. Об этом в своем выступлении говорил заместитель министра просвещения России, член наблюдательного совета фонда «Русский мир» Андрей Корнеев. Он подчеркнул, что сотрудничество Российской Федерации и Объединенных Арабских Эмиратов в образовательной сфере динамично развивается. Андрей Корнеев также сказал, что продвижение русского языка в ОАЭ и арабского – в России способствует укреплению двусторонних связей.

Вице-
президент
МАПРЯЛ
Татьяна
Кортава

Ивана Бунина и многих других. Он напомнил о том, что Александр Пушкин, находясь под впечатлением от путешествия по Крыму и знакомства с культурой Востока, создал поэму «Бахчисарайский фонтан» и цикл стихотворений «Подражания Корану».

Преподаванию и изучению русского языка в Турции был посвящен доклад члена президиума МАПРЯЛ, заведующей отделением перевода и переводоведения, профессора Университета социальных наук Анкары Бахар Гюнеш. Рассказав о становлении и развитии русистики в Турции, она сообщила, что в стране наблюдается заметный рост интереса к изучению русского языка. Этому в том числе способствует реализация крупных инфраструктурных проектов, таких, например, как строительство в Турции первой атомной электростанции, «Аккую», которое ведется государственной корпорацией «Росатом». Вместе с тем Бахар Гюнеш призвала обратить внимание на то, что пре-

Перед лингвистами и преподавателями РКИ выступил ректор Института русского языка им. А.С. Пушкина Никита Гусев

RU.MAPRYAL.ORG/PROJECTS/ABU-DHABI/2025

7 СЕНТЯБРЯ 2022 ГОДА В АБУ-ДАБИ ОТКРЫЛАСЬ РУССКАЯ ШКОЛА. ЭТО УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ, ОРИЕНТИРОВАННЫЙ НА ИНТЕГРАЦИЮ РОССИЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ И ПЕРЕДОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОДХОДОВ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ. О ТОМ, КАК РЕАЛИЗУЕТСЯ ЭТЫЙ ПРОЕКТ, ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ДИРЕКТОР РУССКОЙ ШКОЛЫ В АБУ-ДАБИ ОЛЕСЯ ПОПЕНКОВА.

RU.MAPRYAL.ORG/PROJECTS/ABU-DHABI/2025

– Олеся Дамировна, сколько учеников сегодня в Русской школе в Абу-Даби? И каков национальный состав учащихся?

– Сейчас в нашей школе учатся 354 ученика. 80 процентов из них – это русскоязычные ребята. Остальные – представители 22 национальностей, в том числе дети, имеющие гражданство ОАЭ. Есть даже ребята из Монголии. Кстати, это была очаровательная история: устраивать детей в нашу школу пришли представители посольства Монголии в ОАЭ, которые говорили на прекрасном русском языке.

В школе никогда не было никаких проблем с взаимопониманием между ребятами. И это очень перекликается с ценностями ОАЭ: здесь считают, что представители любых национальностей могут мирно сосуществовать на правах толерантности и взаимного уважения. Естественно, в школе мы пропагандируем то же самое. Ребята у нас вместе учатся, отдохивают, дружат.

– Преподавательский коллектив школы состоит только из российских учителей или вы

Регистрация
участников
семинара
«Русский язык
и страноведение
в системе
курсового
обучения»

RU.MAPRVAL.ORG/PROJECTS/ABU-DHABI-2025

привлекает и местных преподавателей? Как вообще происходит отбор кандидатов для работы в Русской школе в Абу-Даби?

– В школе у нас сейчас работают 38 учителей из России. Преподавание ведется по федеральным образовательным стандартам. В подборе кадров нам всегда помогает Гимназия им. Е.М. Прикамова. Иностранных учителей мы привлекаем для преподавания языков. Скажем, английский у нас преподают как российские учителя, так и носители языка из Британии, Ирландии, Южной Африки и Новой Зеландии. Арабскому языку ребят обучают преподаватели из Сирии, Египта и ряда других арабоязычных стран. У нас жесткие требования при отборе соискателей. Обязательно наличие педагогического образования именно по тому

предмету, который будет преподавать учитель. Необходим педагогический опыт не менее трех лет и подтверждение прохождения курсов по повышению квалификации. Кстати, местный Департамент образования строго следит за выполнением собственного требования: ежегодно наши педагоги и административный персонал обязаны проходить не менее ста часов на семинарах профессионального развития.

– Дистанционные курсы повышения квалификации русистов, которые проводит фонд «Русский мир», будут востребованы у ваших учителей?

– Конечно. Я считаю, что они будут очень полезны. Мы ведь находимся за границей и не имеем прямого доступа к курсам, которые проводятся в Россииочно. А специфика преподавания

русского языка как иностранного требует постоянного повышения квалификации педагогов.

– С какого возраста дети могут обучаться в Русской школе в Абу-Даби?

– С 3 лет. Это младшее отделение дошкольной группы. Сейчас у нас ребята могут учиться до десятого класса включительно. Со следующего года появится и одиннадцатый класс.

– Олеся Дамировна, какие семьи выбирают Русскую школу для обучения своих детей?

– Если говорить о русскоязычных ребятах, то это дети из абсолютно разных семей. Это семьи сотрудников российского посольства, семьи бизнесменов, работающих в Абу-Даби, или

подаватели РКИ в разных странах ощущают серьезный дефицит национально ориентированных учебников русского языка.

Актуальным вопросам разработки новых учебников русского языка посвятил свое выступление известный российский методист, профессор кафедры РКИ и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета Леонид Московкин. Его доклад «Современные подходы в разработке учебников русского языка как иностранного» вызвал повышенный интерес участников семинара. Профессор особо подчеркнул, что отбор языкового материала для учебников должен базироваться на строгом научном обосновании. В качестве примера Леонид Московкин привел знаменитое учебное пособие «Русский язык в упражнениях», выдержанное за полвека более сотни переизданий. Его авторами стали Серафима Алексеевна Хавронина и Александра Ивановна Широченская. Московкин напомнил, что Хавронина

RU.MAPROYAL.ORG/PROJECTS/ABU-DHABI-2025

российских граждан, работающих в ОАЭ в разных сферах и отраслях промышленности. То же самое можно сказать и о детях из семей граждан Объединенных Арабских Эмиратов. Например, у нас учатся дети сотрудников Министерства иностранных дел ОАЭ. Есть ребята из эмирских семей, никак не связанных с Россией. Однако родители в таких семьях считают, что знание русского языка в будущем очень пригодится их детям.

– При вашей школе действует Центр русского языка, который могут посещать не только дети, но и взрослые?

– Да. Учить русский язык в наш центр приходят в основном представители бизнеса. Цели у них совершенно разные. Но нередко они объясняют свое желание тем, что хотят удивить российских партнеров. Говорят: «Моим партнерам

будет приятно, если я смогу поддержать какой-то простой диалог на русском языке».

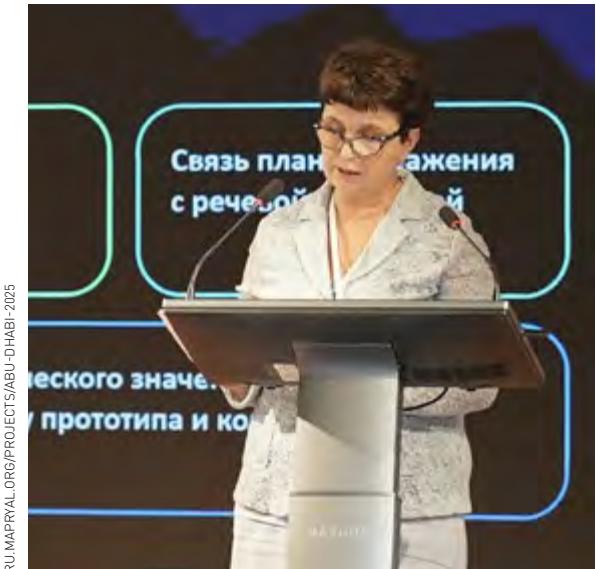
– Есть ли у школы потребность в каких-то дополнительных учебных материалах для изучения русского языка?

– Мы полностью обеспечены учебниками и методической литературой, в этом нам помогают наши партнеры – Гимназия им. Е.М. Примакова и Министерство просвещения России. Но, как говорится, нет предела совершенству. Мы всегда готовы узнавать что-то новое. Чем больше нового опыта мы получим, тем лучше.

– Помимо уроков, на которых ученикам рассказывают об истории России, проводятся ли в школе какие-либо внеклассные занятия или мероприятия,

направленные на популяризацию русского языка и российской культуры?

– Безусловно. Помимо уроков у нас действует программа воспитания, которая полностью соответствует федеральному образовательному стандарту. Все те мероприятия, которые проходят в любой российской школе, проводятся и у нас. Праздники 23 Февраля, 8 Марта, 9 Мая, Новый год и так далее – эти дни мы обязательно отмечаем. Например, на Новый год у нас в детском саду был поставлен прекрасный спектакль, в котором девочки-снежинки приглашали всех посмотреть Москву, подробно рассказывали о столице нашей страны. Проведение Тотального и Географического диктантов – для нас обязательные акции. Кроме того, при малейшей возможности мы приглашаем к нам в гости интересных и известных россиян, приезжающих в Абу-Даби.

RU.MAPRYAL.ORG/PROJECTS/ABU-DHABI-2025

На мастер-классах участники семинара знакомились с новыми методами преподавания РКИ

защитила кандидатскую диссертацию спустя тридцать лет после выхода пособия, и призвал молодых русистов задуматься о написании своего учебника.

Опытом работы в арабских странах поделилась декан Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета Резеда Мухаметшина. Хорошой новостью для участников семинара стала информация о том, что в ближайшее время в Дубае откроется филиал Казанского уни-

верситета, который будет не только готовить специалистов, востребованных в экономике арабских стран, но и предоставит местному населению дополнительные возможности для изучения русского языка.

Профессор Бакинского славянского университета, член президиума МАПРЯЛ Тельман Джагаров высказал мнение о том, что необходимо с большим вниманием относиться к интеграции содержания программ таких предметов, как РКИ и русская литература. А глава Ассоциации учителей русского языка Швеции, член президиума МАПРЯЛ Светлана Парминг заострила внимание слушателей на том, каким должен быть учебник, оптимальный

Декан Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета Резеда Мухаметшина

На семинаре активно обсуждалась тема использования IT-технологий в преподавании РКИ

для билингвального обучения детей в иноязычной среде.

Дискуссии участников семинара продолжились на круглом столе «Положение русского языка на Ближнем Востоке: современное состояние и перспективы».

Также в рамках семинара прошли мастер-классы для арабских русистов, которые провели: декан Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета Резеда Мухаметшина, заведующая лабораторией когнитивных и лингвистических исследований ГИРЯП Мария Лебедева, доцент кафедры РКИ Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета Анна Мезит, начальник Управления образованием Центра международного сотрудничества Министерства просвещения России Елизавета Хамраева и заведующая кафедрой межкультурной коммуникации Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Елена Железнякова.

В финале семинара Русская школа в Абу-Даби получила в дар от МАПРЯЛ партию учебников «МИР – Мы изучаем русский» для носителей арабского языка. Он был подготовлен преподавателями Санкт-Петербургского государственного университета под руководством профессора Московкина. Как подчеркнул сам Леонид Московкин, это первый российский учебник, разработанный для использования в арабских странах.

RU.MAPRYAL.ORG/PROJECTS/ABU-DHABI-2025

СОХРАНЯЯ СВЕТ

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОТКУДА ЭТИ ЛЮДИ БРАЛИ СИЛЫ? КАК ОНИ МОГЛИ ВЫДЕРЖАТЬ 900 ДНЕЙ ЛЮТОЙ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА? И НЕ ПРОСТО ВЫЖИВАТЬ В ТОМ ГОЛОДНОМ АДУ ПОД ПОСТОЯННЫМИ ОБСТРЕЛАМИ ГОРОДА, А ЕЩЕ И РАБОТАТЬ. НЕ ЖАЛЕЯ СЕБЯ, СПАСАТЬ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ СТРАНЫ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ЕГО ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ. О ГРАЖДАНСКОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПОДВИГЕ СОТРУДНИКОВ МУЗЕЕВ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА РАССКАЗЫВАЕТ ВЫСТАВКА «ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...», ОТКРЫВШАЯСЯ В МАРТЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ А.С. ПУШКИНА.

О сновой экспозиции стала одноименная выставка, более двадцати лет работающая в Санкт-Петербурге. В Северной столице она была открыта в январе 2004 года и с тех пор ни разу не покидала стены Исаакиевского собора. Так что экспонаты, представленные в Государственном музее А.С. Пушкина, впервые покинули город на Неве, чтобы жители

и гости Москвы смогли узнать о малоизвестной истории подвига людей, чья профессия считается одной из самых мирных. Мемориальная экспозиция посвящена работе 101 сотрудника и хранителя музеев Ленинграда и Ленинградской области, которые в невероятно тяжелых условиях блокады спасали экспонаты и коллекции, свезенные в подвалы Исаакиевского собора.

Фамилии
музейных
сотрудников,
работавших
в подвалах
Исаакиевского
собора в годы
войны

Бригада
кинохроники
снимает
покрытые
защитной
краской купола
Исаакиевского
собора.
Июль 1941 года

ХРАМ КАК УБЕЖИЩЕ
Первый план эвакуации культурных ценностей из музеев Петергофа, Красногвардейска (ныне – Гатчина), Слуцка (Павловск), Ораниенбаума (Ломоносов), Пушкина (Царское Село) и Ленинграда на случай войны был составлен еще в 1936 году: эвакуационные базы были организованы в удмуртском Сарапуле и Горьком (ныне – Нижний Новгород). А упаковывать картины, гобелены, книги и предметы антиквариата в деревянные ящики музейные работники начали уже вечером 22 июня 1941 года. Но стремительное наступление немецкой армии не позволило вывезти все фонды, немалое количество экспонатов осталось в музеях. Распоряжением Ленгорсовета от 15 июля 1941 года было создано

Объединенное хозяйство музеев (ОХМ), в состав которого вошли сотрудники Антирелигиозного музея (Исаакиевский собор), Музея истории и развития Ленинграда, Летнего дворца и Домика Петра I. Местом хранения фондов дворцов в пригородах города был выбран Исаакиевский собор, чьи надежные, пятиметровой толщины стены и глубокие обширные подвалы превращали храм в надежное убежище. Кроме того, брался в расчет и тот факт, что высокое здание храма представляло в военном отношении удобную реперную точку – ориентир, разрушать который немецким артиллеристам было невыгодно. Сам собор не подвергался целенаправленному обстрелу, но гитлеровцы вели прицельный огонь по расположенной рядом зенитной батарее, и осколки снарядов не щадили памятник архитектуры. К лету 1943 года в здании собора насчитывалось более полусотни сквозных пробоин.

8 сентября 1941 года кольцо блокады Ленинграда сомкнулось. К этому времени тысячи единиц хранения были свезены в подвалы Исаакиевского собора. Сюда же прибыли и сотрудники музеев Ленинградской области. 101 человек. Их имена выбиты на гранитной плите, установленной в подвале собора. Далеко не все из них пережили войну. Люди гибли под бомбёжками и артобстрелами, замерзали на улицах, умирали от голода и болезней, вызванных сквозняками и сыростью в подвалах храма.

«Они почти 900 дней выживали и трудились не покладая рук. Те, кто работал в Исаакиевском соборе в годы войны, заслуживают нашей благодарной памяти. Они остались преданными своему делу до конца. Даже в самые ужасные времена, в зиму 1941/42 года, они думали о том, что будет с городом, с памятниками, с нашей историей», – подчеркнул в видеообращении на церемонии открытия выставки «Чтобы помнили...» директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» Юрий Мудров.

Снятие
защитного
укрытия
с памятника
Петру I.
1945 год

Символ Северной столицы

- Собор Преподобного Исаакия Далматского, который чаще называют Исаакиевским собором, является крупнейшим православным храмом Санкт-Петербурга.
- Современное здание собора – четвертое по счету. Автор его проекта – архитектор Огюст Монферран. Строительство собора курировал император Николай I. Строительство собора и работы по его оформлению тянулись сорок лет – с 1818 по 1858 год.
- Над интерьером собора работали известные художники и скульпторы, в том числе Федор Бруни, Карл Брюллов, Иван Витали, Петр Клодт. Живописными работами руководил ректор Императорской Академии художеств профессор Василий Шебуев.
- Здание собора снаружи украшают более 350 скульптур.
- Днем рождения Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» принято считать 12 апреля 1931 года. В этот день в здании собора был открыт Государственный Антирелигиозный музей. Храм был признан национальным достоянием и избежал судьбы храма Христа Спасителя, который в том же году был взорван в Москве. В 1937 году Исаакиевский собор получил статус памятника. В 1948-м учреждение переименовали в музей «Исаакиевский собор».
- Во время Великой Отечественной войны Исаакиевский собор сильно пострадал от бомбёжек, артобстрелов, холода и сырости. На его стенах в некоторых местах сохранены следы от осколков снарядов.

ПРИКОСНУТЬСЯ К ИСТОРИИ ПОДВИГА

Экспозиция «Чтобы помнили...», открывшаяся в подвалах Исаакиевского собора в январе 2004-го, к 60-летию окончания блокады, сначала была временной. Однако с сентября того же года она стала постоянной. И, как уже было сказано, ни разу до нынешнего момента не покидала Санкт-Петербург. Идея проведения выставки «Чтобы помнили...» в Москве принадлежит Юрию Мудрову и директору Государственного музея А.С. Пушкина Евгению Богатыреву. «К сожалению, москвичи почти ничего не знают о подвиге ленинградских музейщиков. Живя в немыслимых условиях, умирая от голода, болезней и обстрелов, они делали все возможное для спасения ценностей, которые были свезены в подвалы Исаакиевского собора. И об этом почти никто, кроме петербуржцев, не знает. Дай бог, чтобы на нашу выставку пришло как можно больше москвичей, чтобы они окунулись в эту атмосферу невозможности существования, но возможности служения нашей великой национальной культуре, нашему искусству», – сказал Евгений Богатырев, отве-

Обстановка
в кабинете
времен
Великой
Отечественной
войны

чая на вопрос корреспондента журнала «Русский мир.ру» о значении проведения в Москве выставки «Чтобы помнили...». Подвалы Государственного музея А.С. Пушкина гораздо больше по площади, чем подвалы Исаакиевского собора, что

дало сотрудникам музеев возможность продемонстрировать больше экспонатов и обеспечило свободу в работе с организацией выставочного пространства. Немало места удалось отвести для экспозиции фотографий сотрудников музеев,

Директор
Государствен-
ного музея
А.С. Пушкина
Евгений
Богатырев

честно выполнивших свой про-
фессиональный и гражданский
долг. Специально для выстав-
ки в Москве музеи Ленинград-
ской области подготовили фото-
материалы о сотрудниках,
работавших в годы войны в Ле-
нинграде. В формате единой

Организаторы выставки из Государственного музея «Исаакиевский собор»:
Александр Квитковский, Марина Хайретдинова, Анна Голованова

экспозиции эти фотографии, рассказывающие о судьбах людей, представлены впервые.

Параллели с современностью провел выступивший на церемонии открытия первый заместитель председателя комитета Государственной думы по культуре Александр Шолохов. Он напомнил о том, что в курской Судже в марте 2025 года ударом артиллерии ВСУ был разрушен краеведческий музей. Погибла сотрудница этого учреждения, которая работала с экспонатами, еще двое музейных работников были ранены. Здание музея – дом Чупилова, который был построен в конце XIX века и признан памятником архитектуры, – полностью уничтожено. «В 1948 году, через три года после окончания Второй мировой войны, Михаил Шолохов в одной из своих статей писал:

Воссозданы условия работы реставраторов

«Американские империалисты и их друзья за океаном, в Европе, жаждут новой войны, которая нужна им как воздух». Это ужасное предвидение. Но сегодня мы становимся свидетелями того, как потомки тех музейных работников-ленинградцев, наши музейные колле-

ги в Судже, погибают под ударами потомков нацистов, которые осаждали Ленинград», – сказал Александр Шолохов, уточнив, что речь идет об идейных наследниках. Он призвал помнить о событиях 80-летней давности и рассказывать о них следующим поколениям.

Восстановление произведений искусства невозможно без изучения архивных материалов

СИМВОЛ ВОЛИ

Исаакиевский собор – это не просто великолепный архитектурный памятник, это символ города, символ блокадного Ленинграда, символ воли, считает заместитель директора по научной работе Государственного музея «Исаакиевский собор» Анна Голованова. «В нашем музее, как и во многих музеях страны, чтут, с уважением и трепетом относятся к событиям Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Чтят память тех людей, которые, не

щадя себя, работали в те страшные годы», – отметила она.

Анна Голованова поблагодарила за совместную работу коллектива и директора Государственного музея А.С. Пушкина, а также выразила признательность сотрудникам музеев-заповедников «Гатчина», «Петргоф» и «Оранienбаум», «Царское Село», «Павловск», Музея истории Санкт-Петербурга, Русского музея. В начале войны пять позолоченных куполов храма общей площадью 2600 квадратных метров были окрашены защитной

Неотоваренные
продуктовые
карточки
и дневная
норма хлеба

шаровой краской, которой покрывают корпуса военных кораблей. Она отлично маскировала собор, сливаясь с серым ленинградским небом. Эту работу выполнили четыре профессиональных альпиниста под руководством инженера Л.А. Жуковского. После войны много месяцев ушло на то, чтобы смыть эту защитную краску. Реставраторов еще в те годы поразило качество работы мастеров XIX века: купола Исаакиевского собора были покрыты позолотой, нанесенной огневым способом. Благодаря этому методу позолота настолько прочно сцепляется с металлом, что ей не страшна очистка даже с помощью моющего раствора. Она так хорошо пережила и столетия под питерскими снегами и дождями, и масляную краску в годы блокады, и очистку раствором из денатурата, скипидара и щавелевой кислоты, что обновлять позолоту не требуется и в XXI веке.

Но убранство собора, росписи и малые архитектурные формы были сильно повреждены. Главным врагом стала сырость: в холодном ленинградском климате в подвалах скапливалась вода, а после прорыва трубопровода сотрудникам музеев, жившим в этих подвалах, пришлось много недель откачивать ее вручную. Передвигались и переносили ящики с экспонатами в темном подвале они по деревянным настилам.

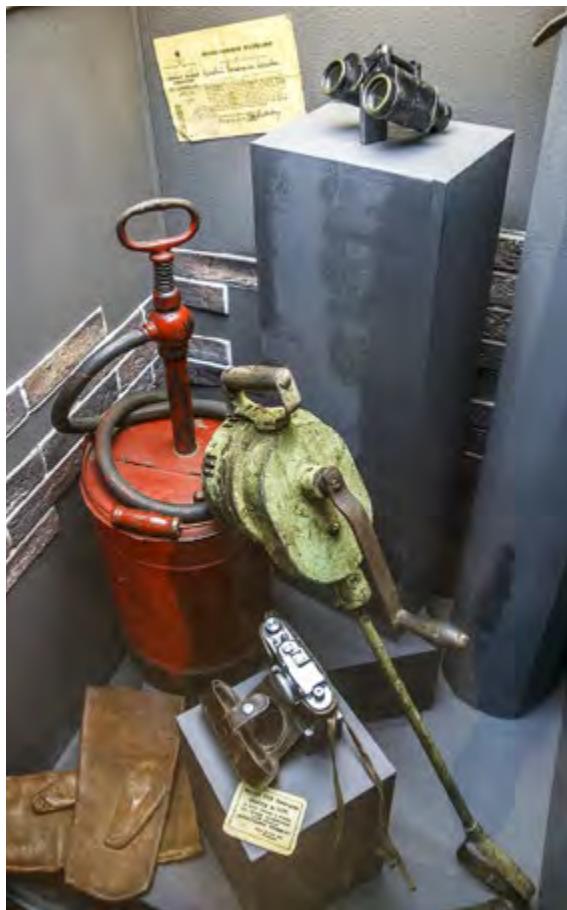
Тяжелые повреждения культурных ценностей требовали новых методов их восстановления и спасения. В результате за несколько лет после окончания Великой Отечественной войны сформировалась уникальная ленинградская школа реставрации: подобного опыта у зарубежных специалистов просто не было. В ход шли и знания по химии и физике материалов, и анализ старых фотографий, эскизов и даже живописного стиля старых мастеров в случаях, когда фрагменты их произведений были утрачены полностью.

Реставрационные карты
произведений живописи

Известны фотографии огородов с капустой на фоне Исаакиевского собора: в блокадные годы каждый подходящий кусок ленинградской земли горожане использовали для выращивания овощей. Однако не сохранились фотографии балконов и портиков собора, заставленных картинами, старой мебелью, статуями, развешанными на веревках книгами, живописными полотнами и гобеленами. Каждый теплый день сотрудники музеев использовали для того, чтобы вынести культурные ценности из сырого подвала и просушить их. Лечить светом, как говорили они. При объявлении воздушной тревоги или во время артобстрела все, что было развешано и разложено для просушки, приходилось в экстренном порядке снова прятать в подвалы. Можно только догадываться о том, сколько сил уходило у истощенных голodom людей на переноску тяжелых предметов – мебели, статуй и прочего...

«Исаакиевский собор – это не только великолепный храм, один из блестящих памятников архитектуры, культуры, духовности. Это еще и вечный памятник мужеству и стойкости ленинградцев, мужеству и стойкости советских людей, которые в годы Великой Отечественной войны не только пережили страшную блокаду, но и успешно работали, сохраняли великое наследие и думали о будущем этого замечательного собора», – считает Юрий Мудров.

Инвентарь военного времени

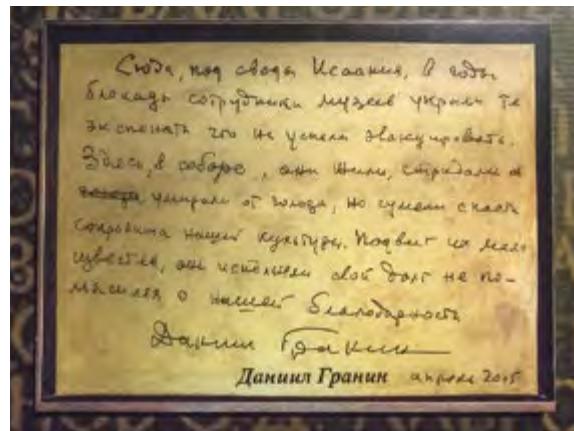
Слова благодарности писателя Даниила Гранина помещены рядом с памятной плитой с именами сотрудников музеев, спасавших ценности в блокаду

ПОМНИТЬ ВСЕХ ПОИМЕННО

В планах петербургских музеев – собрать сведения о судьбах всех своих коллег, работавших в блокадные годы в подвалах Исаакиевского собора. Знать только имена служащих и хранителей коллекций мало, речь идет о подробных биографиях, семейных фотографиях, профессиональных достижениях. «Они должны были выносить тяжелые ящики с вещами, доставать экспонаты, раскладывать, развешивать, просушивать их.

И тратить свою последнюю энергию на то, чтобы спасти какой-то один предмет. Как сказал замечательный петербургский писатель Даниил Гранин, они просто выполняли свой долг, не помышляя о благодарности потомков. И наша задача – подвиг каждого из этих людей изучить, зафиксировать и передать эту информацию новому поколению. Школьники, курсанты, которые приходят на выставку «Чтобы помнили...» в подвалы Исаакиевского собора, уходят с новыми знаниями об истории страны, об истории города. Сегодня – это дети, завтра – народ», – уверен заместитель директора по экскурсионно-методической работе Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» Александр Квятковский.

Главным экспонатом куратор выставки «Чтобы помнили...», заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» Марина Хайретдинова считает фотографию, на которой запечатлены сотрудники музея. Этот снимок сделан в подвале собора в ноябре 1941 года, и он дает нам уникальную возможность взглянуть в глаза этим героям людям, прочувствовать их несгибаемую волю и силу духа. В Исаакиевском соборе проживали и трое детей сотрудников музеев, их, к несчастью, не успели эвакуировать. Оставлять в холодном и голодном городе детей фактически означало обречь их на смерть, но выхода не было. Даже в сырьем темном подвале

О музеях, культурные ценности которых в годы Великой Отечественной войны были перевезены в Исаакиевский собор, читайте в журнале «Русский мир.ру»:

- «Павловск: от радости до утешения» (№7 за 2023 год);
- «Рыцарская Гатчина» (№6 за 2023 год);
- «Самсон и апельсины» (Ораниенбаум; №10 за 2011 год);
- «Непарадный Петергоф» (№12 за 2020 год);
- «Резиденция трех императриц» (Царское Село; №8 за 2023 год).

О потерях культурных ценностей во время Великой Отечественной войны читайте в журнале «Русский мир.ру»:

- «Зияющие пустоты» (№11 за 2020 год).

детей подстерегала опасность: перенося по деревянным настилам тяжелые ящики с экспонатами, взрослые могли просто не заметить ребенка и нечаянно столкнуть его в холодную воду. Подобное «купание» грозило неминуемым воспалением легких, что в условиях блокады практически не оставляло никаких шансов на выживание. Поэтому сотрудники просили детей в под-

вале обязательно давать знать взрослым о своем присутствии: передвигаясь по настилам, ребята громко декламировали стихотворения и пели песни. Судьбам этих детей посвящен фрагмент спектакля «Письма детей блокадного Ленинграда». Во время открытия выставки его представила московская студия классического балета «АкТер» при Государственном академи-

Историческое
фото: музейные
работники
в подвале
Исаакиевского
собора в годы
Великой
Отечественной
войны

ческом театре классического балета Н. Касаткиной и В. Василёва под руководством Оксаны Терещенко. В постановке прозвучала музыка Сергея Рахманинова и Дмитрия Шостаковича, а также стихи Ольги Бергтольц.

О детях блокадного Ленинграда напомнила и выставка «Тем, кто посвятил нам жизнь». В нее вошли 19 детских художественных работ, выполненных в рамках ежегодного мероприятия «Юные художники в музее». Организатором этого мероприятия стал Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор». «Мы – потомки тех самых музейных сотрудников, хранителей, которые, рискуя своей жизнью, находясь на грани исчезновения, умирая, сохраняли музейные ценности. Вряд ли еще где-то, в какой-то стране или в каком-то ином пространстве нашлось бы место такому подвигу сотрудников музеев», – отметил директор Государственного музея А.С. Пушкина Евгений Богатырев. ●

Фрагмент
спектакля
«Письма детей
блокадного
Ленинграда»

ПРАВО ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

О ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ, В КОТОРОМ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СССР СРАЖАЛОСЬ НЕМАЛО НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ЗНАЮТ МНОГИЕ. НО БЫЛО В ГОДЫ ВОЙНЫ ЕЩЕ ОДНО ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ, ХОТЯ ОФИЦИАЛЬНО ОНО НИКОГДА ТАК НЕ НАЗЫВАЛОСЬ. БОЛЬШИНСТВО ЕГО УЧАСТНИКОВ ПОГИБЛИ И НАВЕКИ ОСТАНУТСЯ БЕЗЫМЯННЫМИ. НО ХОЛОДЕЕТ КРОВЬ, КОГДА ВДУМЫВАЕШЬСЯ, КАКОЙ КРЕПОСТИ БЫЛ ИХ ДУХ, КАКОЙ СИЛЫ – МУЖЕСТВО, КАКОЙ БЕЗУСЛОВНОЙ – ВЕРА В ПОБЕДУ. И КАКИМ ВЫСОКИМ БЫЛО ИХ ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА. ПОТОМУ ЧТО ИМЕННО ЭТО УПРЯМОЕ ЖЕЛАНИЕ ОСТАВАТЬСЯ СВОБОДНЫМИ ЛЮДЬМИ ЗАСТАВЛЯЛО ИХ – ИСТОЩЕННЫХ ГОЛОДОМ, ИЗМОЖДЕННЫХ НЕПОСИЛЬНОЙ РАБОТОЙ, НЕ ИМЕЮЩИХ ШАНСОВ ОДОЛЕТЬ ВООРУЖЕННЫХ ОХРАННИКОВ – ПОДНИМАТЬ ВОССТАНИЯ. ИДТИ НА СМЕРТЬ, ПОЧТИ ВСЕГДА ПОГИБАТЬ, НО ИНОГДА – ПОБЕЖДАТЬ. И СТАНОВИТЬСЯ ЛЕГЕНДОЙ.

Речь идет о восстаниях советских узников в нацистских лагерях. Исследованием этой борьбы и увековечением памяти ее малоизвестных героев в нашей стране занимается Фонд Александра Печерского. Мы попросили основателя фонда, Илью Юрьевича Васильева, рассказать об этом явлении.

– *Сопротивление в нацистском концлагере – это героизм высочайшего порядка. С какой машиной уничтожения пришлось иметь дело советским людям?*

– Прежде всего, когда мы говорим о концлагерях, нужно понимать размах преступления. Недавно вышел первый аннотированный указатель нацистских лагерей, действовавших во время Великой Отечественной войны на территории РСФСР. В нем 522 адреса, но список этот очевид-

но не полон. На территории Европы было еще 43 тысячи лагерей – пересыльных, концентрационных, трудовых, лагерей для военнопленных, гетто... Лагеря покрывали всю оккупированную нацистами территорию – от Норвегии до Кавказа, от Южной Франции до Псковской области. В лагерях погибли 12–16 миллионов человек. Это значит, что каждый день войны в них умирало около 10 тысяч человек. Каждый день!

В концентрационные лагеря попадали совершенно разные люди. На оккупированной немцами территории СССР в них содержались советские граждане, а в зарубежных лагерях, таких как Освенцим, Майданек, Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен и пр., находились еще и узники из других стран: политические противники Третьего рейха, коммунисты, военнопленные стран антигитлеровской коалиции, мирное население. Мы с кол-

легами написали монографию, задавшись целью понять, как в концлагерях организовывалось сопротивление, как советские граждане взаимодействовали с другими узниками. И выяснили показательную закономерность: в любом концлагере, в который попадали советские пленные, как правило, именно они становились движущей силой сопротивления. Советский человек и в концлагере оставался носителем единственной в то время силы, которая была способна сломить хребет нацистской машине уничтожения. Такие истории – невероятные и уникальные.

– **Почему?**

– Даже находясь в одиночестве, в полностью враждебном окружении, каждый из них воспринимал себя частью огромной страны, который сражается за правое дело. Каждый понимал: он стремится вырваться из лагеря, чтобы влиться в Красную армию и бить врага. Каждый из них верил, что победа в этой войне будет за ними. Так ощущали себя и военнопленные, и оstarбайтеры. Но военнопленные еще умели обращаться с оружием, были приучены к военной дисциплине, умели подчиняться командиру. Случалось, среди советских узников, попавших в концлагеря, были и высшие офицеры, и сотрудники НКВД, и армейские политруки, и партийные работники. По понятым причинам, они пользовались авторитетом среди узников и зачастую становились во главе сопротивления. Например, генерал Карбышев, прошедший несколько концлагерей и погибший в Маутхаузене, не только проявил огромное личное мужество, но и, как показали обнаруженные нами новые документы, сыграл большую роль в организации подполья в Освенциме.

Все это играло серьезную роль в большинстве известных нам успешных актов массового сопротивления. Очень показательно в этом смысле восстание в лагере смерти Собибор в Польше. Организованное сопротивление в нем, по сути, началось с появления группы советских военнопленных во главе с Александром Печерским. Они сумели объединить уже существовавшие в лагере разрозненные силы в единый кулак, что привело к успеху восстания. Возможно, Собибор – самый результативный пример сопротивления в лагере. Не только потому, что он оказался самым массовым и успешным. Но и потому, что сразу после восстания Собибор был закрыт и газовые камеры, использовавшиеся ежедневно для уничтожения людей, перестали работать.

– **Была ли разница между лагерями, устроенымы на оккупированной советской территории, и действовавшими в Европе?**

– Да, была, и очень существенная. В силу упорного сопротивления, которое оказывалось оккупантам с первых же дней войны на советской территории, немцы не строили здесь больших «фабрик смерти». Понимали, что они тут же станут оче-

редными очагами внутреннего сопротивления и объектами атак партизан ради освобождения узников. На оккупированной советской территории гитлеровцы устраивали либо полевые лагеря, либо приспосабливали строения типа заводов и складов, чтобы удерживать пленных. А в Германии, Австрии, Польше, Франции немцы построили полноценные «фабрики смерти» – центры уничтожения людей и рабского труда заключенных. Неслучайно Освенцим выглядит как настоящий промышленный кластер. На оккупированной советской территории подобного не было. Но это не значит, что здесь заключенным было легче. Напротив, в лагерях Колдычево и Малый Тростенец в Белоруссии, в дулагах Брянска и Гатчины смертность была выше, чем в Дахау и Бухенвальде. Да, 24 самых крупных и известных нацистских лагеря, бывшие в подчинении СС, находились за пределами СССР. Но на оккупированной советской территории, например недалеко от линии фронта, действовали лагеря для военнопленных, которые трудно даже назвать лагерями. Это был просто участок земли, огороженный колючей проволокой. В таких лагерях погибало подавляющее большинство пленных – от холода, голода и болезней. А выжившие вспоминали, что на высоте человеческого роста с деревьев была обглодана вся кора.

– **Как происходило создание подпольных организаций в концлагерях?**

– Увы, наши знания о сопротивлении в концлагерях фрагментарны. В случае провала подполья погибали все его участники и просто не оставалось никого, кто бы мог потом рассказать о его работе. К тому же узники соблюдали конспирацию: многие знали друг друга только по подпольным кличкам. А значит, даже в случае успеха восстания люди после войны не могли разыскать друг друга. Этим объясняются трудности сбора информации об актах сопротивления. Но точно известно, что во всех лагерях – были ли это «фабрики смерти» типа Собибора или «промышленные» типа Дахау и Маутхаузена, – везде, куда попадали советские люди, они начинали борьбу. Об этом свидетельствуют и немецкие документы, и воспоминания свидетелей.

Как начиналось формирование подполья? Люди объединялись вокруг конкретной личности: это мог быть старшина, политрук, офицер или просто человек, обладающий лидерскими качествами. Например, Александр Печерский был единственным офицером в группе, с которой он прибыл в Собибор.

Важно понимать, что у заключенного, если он, грубо говоря, сидел в лагере тихо, были шансы дожить до конца войны. У человека, который сознательно вступал в подполье или организовывал его, шансы выжить стремились к нулю. То есть такие люди действовали вопреки инстинкту самоохранения. Причем, заметьте, подпольное или партизанское движение на оккупированных тер-

риториях СССР все же сохраняло связь с родиной. А человек, оказавшийся в лагере, например в Норвегии, был отделен от родной земли сотнями километров. Более того, он знал, что на родине попавших в плен считают предателями. И тем не менее он организовывал сопротивление. Это очень важный момент. Мы должны всегда помнить о том, как велика была у этих людей воля к победе и способность к самоорганизации даже в самых невыносимых условиях.

– Мужество этих людей невозможно оценить до конца, если не понимать, что охранники и начальство концлагерей по-разному относились к советским пленным и остальным узникам...

– Да, по сравнению с европейцами советским гражданам приходилось тяжелее всего. У них были хуже пайки, их жестоко наказывали за самую мелкую провинность и убивали без повода. А в лагерях на оккупированной советской территории узников просто морили голодом. Это было массовое убийство. И это делает их подвиг особенно важным, ценным и значимым для нас.

– Существовала ли какая-то система или закономерность в организации сопротивления в лагерях?

– Скорее, это зависело от условий конкретного лагеря. Человек, который находился за колючей проволокой и был лишен связи с внешним миром, мог опираться только на тех, кто рядом. Если говорить о закономерностях, то это было стремление опираться на своих. Например, Александр Печерский, планируя восстание, поручил ликвидацию нацистов советским военнопленным. И в воспоминаниях он говорит: «Только в советском военнопленном я был уверен, что у него не дрогнет рука». Да, в подпольных движениях, конечно, участвовали узники из идеологически близких групп, например немецкие коммунисты, социал-демократы, военнопленные других стран. Но самые ответственные задания всегда поручались советским гражданам.

Не стоит забывать, что попавших в лагеря людей, которые не являлись сотрудниками спецслужб, никто заранее не учил организованному сопротивлению. У них не было методичек. Все известные нам серьезные акции сопротивления в лагерях начинались с простых вещей: поиск и изготовление оружия из того, что было под рукой. В ряде случаев делались подкопы, которые вели за пределы лагеря.

Многое также зависело от того, в каком лагере находились узники. Скажем, Александр Печерский примерно представлял, где он находится, куда нужно бежать. А человек, который попал, допустим, в австрийский Маутхаузен, отдавал себе отчет в том, что, даже если побег удастся, он окажется во враждебном окружении без знания языка и местности. Узникам везло, если у них получалось установить контакт с местными партизанами, как, например, в случае с отрядом «Родина».

Его составили узницы концлагеря Эрувиль в Лотарингии. Отряд опирался на помощь маки – французских партизан.

– Почему вы назвали сам факт сопротивления советских граждан в концлагерях невероятным и уникальным?

– Я всегда стараюсь опираться на первоисточники. Александр Печерский потратил вторую часть своей жизни на то, чтобы сохранить память о Собиборе, о сожженных и замученных там людях и о подвиге тех, кому удалось вырваться. Осталось немало его писем. Одно из них было адресовано председателю Совета Министров СССР Алексею Косыгину. В нем Печерский просит дать ему возможность выступить свидетелем на судебном процессе против эсэсовцев из администрации Собибора. И пишет: «Мои показания напомнят о том, что безнаказанно убивать безоружных людей нацисты могли только до тех пор, пока в лагере смерти не появились советские люди, которые в неслыханно тяжелых условиях сумели подготовить и осуществить вооруженное восстание». Понимаете? Каждое восстание и массовый побег из концлагеря – это нечто удивительное, поскольку противоречит инстинкту самосохранения. Какие шансы выжить были у Александра Печерского? Лагерь был окружен колючей проволокой, по периметру – вооруженные до зубов эсэсовцы, охранники... И тем не менее он, как и многие другие наши граждане, выбрал сопротивление. У всех героев лагерного сопротивления изначально не было никаких шансов выжить, они все должны были умереть, а их попытки освободиться должны были провалиться. Но им удавалось совершить невероятное! Поэтому мы и говорим, что сопротивление в концлагерях – это нечто уникальное и невероятное.

– В чем еще, на ваш взгляд, была причина этой решимости сопротивляться?

– Советский человек ощущал себя представителем передовой страны, некоего авангарда человечества. Страны, которая противостояла чуме фашизма. Советские люди сражались за свою родину, за правое дело. Это чувство усиливал варварский характер войны, которую вели гитлеровцы против СССР. Несомненно, что советский человек – и это проявлялось не только в концлагерях – ощущал себя частью передового общества. И другие люди воспринимали их так же, потому что видели: есть нацистская Германия и есть люди, пусть непонятные и чужие, но представляющие единственную страну, которая в состоянии победить Гитлера. Узники концлагерей понимали, что перед ними граждане страны, которая борется и побеждает.

– Александр Печерский прибыл в лагерь смерти Собибор 23 сентября 1943 года. И уже 14 октября там началось восстание...

– Это был один из пяти так называемых центров уничтожения на территории Польши: Собибор,

Треблинка, Белжец, Освенцим, Хелмно. В этих лагерях было умерщвлено несколько миллионов человек. Меньше всего погибло в Собиборе, потому что восстание под руководством Александра Печерского поставило точку в работе лагеря.

Собибор находился недалеко от городка Хелм Люблинского воеводства, в лесистом глухом месте. К нему специально была проложена железнодорожная ветка, по ней в Собибор привозили узников. Когда прибывал очередной эшелон, людей выстраивали на плацу, отделяли женщин от мужчин. Отбирали из обеих групп самых крепких для работы в лагере. Остальным объясняли, что их отведут на дезинфекцию. После нее никто не возвращался. То есть их сразу отправляли в газовые камеры.

Александр Печерский попал в Собибор в группе советских военнопленных, часть из них оставили для работы в лагере. И в течение трех недель Печерскому удалось создать эффективное подполье, в состав которого также вошли польские, голландские, чешские узники-евреи. Александр Аронович разработал дерзкий план восстания: предполагался захват оружейного склада, затем

всего лагеря и освобождение всех заключенных. Восставшие ликвидировали 12 эсэсовцев, однако захватить оружейный склад им не удалось. Охрана открыла огонь, но узники вырвались из лагеря. Те, кто не рискнул уйти в прорыв, были уничтожены на следующий день. Бежать смогла почти половина заключенных. По разным данным, до конца войны дожили 55–65 человек.

После этого Собибор был закрыт: то, что безоружные люди смогли поднять восстание и сбежать из лагеря, нацисты посчитали позорным для себя фактом.

Александру Печерскому вместе с товарищами удалось выжить. Они смогли вернуться в Белоруссию и влиться в партизанские отряды Брестской области. После воссоединения с частями Красной армии Печерского для проверки отправили сначала в фильтрационный лагерь НКВД, а затем в штурмовой батальон – разновидность штрафбата. В боях на территории Латвийской ССР он был ранен, попал в госпиталь, вернулся в Ростов и демобилизовался в июне 1945 года. Оставшуюся часть жизни Александр Аронович посвятил тому, чтобы до нас дошла память о жертвах и героях Собибора.

– Ваш фонд занимается сохранением памяти и о других героях лагерного сопротивления?

– Случаев сопротивления в концлагерях было много, наш фонд занимается их исследованием,увековечением и популяризацией. В том числе мы снимали документальные фильмы о самых поразительных акциях. Вот, например, история летчика Михаила Девятаева. Он попал в плен в июле 1944 года, оказался в лагере на острове Узедом в Балтийском море, там располагался ракетный центр Пенемюнде, где шли разработки ракет «Фау-1» и «Фау-2». Чтобы было понятно, в каких условиях там содержались заключенные, отмечу, что к моменту побега Девятаев – крупный сильный мужчина – весил всего 40 килограммов. То есть был предельно истощен. В феврале 1945 года 10 советских военнопленных захватили бомбардировщик Heinkel и совершили побег из концлагеря. Пилотировал самолет Михаил Девятаев. Несмотря на то, что он был пилотом истребителя, ему удалось завести немецкий бомбардировщик, взлететь, уйти от погони и без карт и навигации приземлиться в Польше – на территории, контролировавшейся к тому времени нашими войсками. Или история массового побега советских военнопленных из концлагеря Маутхаузен в Австрии. 2 февраля 1945 года оттуда вырвалось более 400 человек, на которых была тут же объявлена охота. Это чудовищный даже по меркам Вто-

рой мировой войны случай, когда большинство местных жителей помогали нацистам и убивали безоружных и обессиленных людей. Спасти удалось только 11 советским военнопленным, которых, рискуя жизнью, спрятали местные крестьяне («Русский мир.ру» разыскал одну из этих семей в Австрии: см.: №2 за 2020 год, статья «Ценить жизнь»). Благодаря Институту развития интернета нам удалось снять об этой трагической истории четырехсерийный документальный фильм.

Была еще удивительная история массового побега – из лагеря Эрудиль в Лотарингии. С помощью участников французского Сопротивления 64 узникам, в том числе 37 женщинам, удалось бежать из лагеря. Отважные беглянки, в основном советские гражданки, создали единственный в истории войны партизанский отряд «Родина», состоящий только из женщин. Его руководительницы – Надежда Лисовец и Розалия Фридзон – были в прошлом участницами минского подполья.

Два года назад, когда мы работали над монографией о сопротивлении в лагерях, нам удалось обнаружить корпус воспоминаний, свидетельствующих, что в Освенциме действовала советская подпольная группа. Она готовила восстание, в ходе которого удалось взорвать один из крематориев. В создании группы участвовал генерал Карбышев, до перевода в Маутхаузен находившийся в Освенциме. Также мы смогли установить ранее

неизвестное имя руководителя подполья в Освенциме – это уроженец Самарской губернии Валентин Филатов. Наш фонд уже второй год разыскивает его потомков. Если они есть среди читателей «Русского мира.ru», прошу их отозваться. Также мы разыскиваем потомков руководительницы сопротивления в женском лагере Освенцима – Анны Федоровны Тринды (Шульман).

И уж совсем невероятная история – деятельность Братского союза военнопленных (БСВ). Наш фонд много лет занимается ее популяризацией. Это была самая крупная подпольная организация советских военнопленных в годы войны. Она возникла в Мюнхене, в лагере для военнопленных офицеров, так называемом оффлаге. Идейным руководителем и одним из создателей БСВ был служивший в НКВД Иосиф Фельдман. С помощью немецких коммунистов, социал-демократов и военнопленных из стран антигитлеровской коалиции БСВ удалось создать в Южной Германии, Австрии и Чехии огромную подпольную группу, которая не только работала в концлагерях и в лагерях для военнопленных, но и имела агентов на свободе. БСВ организовал ряд диверсий и планировал захват Мюнхена! Но гестапо удалось внедрить в подполье своего агента, группу раскрыли. Чтобы был понятен масштаб деятельности БСВ, добавлю, что гестапо казнило 93 участника союза в Дахау и еще около 70 человек в Маутхаузене.

Эта история, к сожалению, малоизвестна в нашей стране. О ней бы вообще никто не знал, если бы историк Ефим Бродский, служивший в Группе советских войск в Германии, не раскопал ее. К счастью, он успел сделать это в то время, когда еще были живы свидетели этой уникальной истории. Наш фонд старается продолжать его дело. Мы сняли документальный фильм о работе БСВ и раз в пять лет проводим памятные церемонии в Мюнхене. 4 сентября 2023 года мы провели памятную церемонию в Дахау – это было первое за последние годы подобное мероприятие, проведенное российской общественной организацией в недружественной стране.

Всем героям таких историй удалось совершить невероятное. И мы должны помнить об их трагических судьбах. Истории сопротивления в лагерях должны занять достойное место в школьных учебниках, как это уже произошло с подвигом Печерского.

– Как появился Фонд Александра Печерского?

– Инициативная группа начинала с популяризации истории Александра Печерского. Нам повезло, нас услышали. Позже Печерский посмертно был награжден орденом Мужества, а еще позднее, благодаря содействию министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова, этой же награды был удостоен его заместитель, польский гражданин Леон Фельдгендер. В 2018 году вышел художественный фильм «Собибор», режиссером которого выступил Константин Хабенский. Он же сыграл и роль Александра Печерского. А потом мы поняли, что есть много героических историй о сопротивлении в лагерях. И нужно помнить об этих отважных людях. И не просто помнить. Необходимо, чтобы их именами называли улицы, ставили им памятники, снимали о них фильмы. Важно, чтобы та информация, которую собрал наш фонд, была доступна любому человеку. У нас есть портал, созданный благодаря Фонду президентских грантов, где мы публикуем информацию об участниках сопротивления. Сейчас там содержатся данные о 1600 героях. И этот список пополняется.

– С какими сложностями пришлось столкнуться при сборе информации?

– Помимо объективных сложностей, о которых я говорил раньше – многие участники восстаний не дожили до Победы, в подполье люди знали друг друга только по кличкам, – есть и другие проблемы. Во-первых, значительная часть немецких архивов была уничтожена. Во-вторых, сохранившиеся документы не все изучены. Например, огромный массив информации хранится в Вашингтоне: после войны американцы вывезли немецкий архив, он до сих пор не разобран. Далеко не все архивы изучены и у нас. Они разрозненны. Что-то хранится в архиве ФСБ, что-то – в Государственном архиве РФ, что-то – в Российском госу-

дарственном военном архиве. Огромный массив документов находится в ведомственных и региональных архивах. Кроме того, документы могут храниться в частных архивах, и мы пока о них не знаем. Так, года четыре назад потомки высокопоставленного эсэсовца, убитого во время восстания в Собиборе, передали историкам фотографии, которые он делал во время службы в этом лагере. Этот материал издали отдельной книгой, поскольку до этого просто не было фотографий Собибора. Понимаете, какой массив неизвестной нам информации может находиться в семейных архивах?

– **А немецкие архивы уничтожались сознательно?**
 – Да, в последние дни Третьего рейха немцы сознательно уничтожали некоторые свои архивы. Часть их сгорела во время боев и после бомбардировок. Но не исключено, что немецкие архивы, которые сейчас считаются уничтоженными, рано или поздно обнаружатся где-нибудь в зарубежных хранилищах. Дело в том, что для западных историков исследование сопротивления в лагерях не является главной задачей. Во всей Европе есть лишь один небольшой центр во французском регионе Эльзас, который изучает историю сопротивления нацизму, но в основном только во Франции. Почему нет монографий о сопротивлении в лагерях? Потому что в западном нарративе разговор о концлагерях сводится только к жертвам. Об

этом написаны тысячи книг. В Маутхаузене я зашел в книжный магазин и увидел, что там продают даже книгу «Музыка в концлагерях». И ни одной книги о сопротивлении! Западные исследователи – продукты своей информационной системы, в которой нас как победителей во Второй мировой войне практически нет. Мы брали интервью для серии документальных фильмов у одного известного немецкого историка. И я спросил его: почему вы никогда не говорите о сопротивлении в концлагерях? А он мне ответил: «Я никогда об этом не думал». У них другая матрица, понимаете? И изменить ее можно только одним способом: вытеснить ее нашей матрицей. А для этого нужно, чтобы каждый школьник знал про Печерского, Девятаева и других героев, чтобы мы уверенно транслировали наш взгляд на историю войны вовне. Только тогда мы начнем конкурировать с картиной мира, сложившейся на Западе. Так что нам есть куда стремиться.

– **Какова сегодня ситуация с мемориализацией подвигов героев лагерного сопротивления?**
 – Есть значительный прогресс, но не все еще сделано. Единой государственной программы по мемориализации подвигов узников лагерей нет, как и в советское время, когда были награждены несколько героев сопротивления – Карбышев, Джалиль, Девятаев. А первый памятник на месте

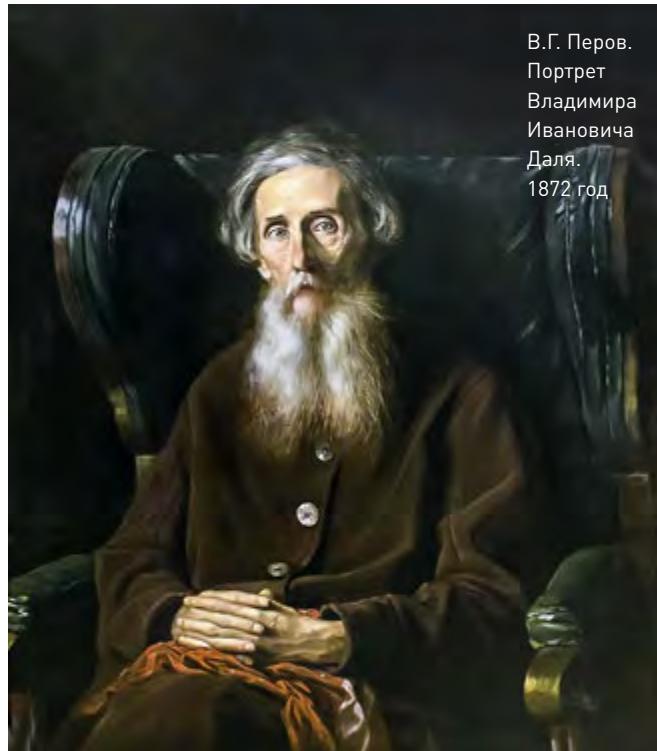
концлагеря в белорусском Малом Тростенце был поставлен в 1963 году, через четыре года в Латвии открылся Саласпилсский мемориальный комплекс. В 1984 году под Могилевом был построен мемориал «Луполовский лагерь военнопленных». Сегодня ситуация улучшилась, ставятся памятники и создаются мемориалы, но процесс идет медленно. Под Порховом, где действовал концлагерь, открылся мемориал. В Вязьме на месте немецкого Дулага-184 появился памятник. В Брянске, где сохранилась инфраструктура лагеря, устроенного немцами на территории военного завода, возможно, будет создан большой мемориальный центр. Но на территории России, Белоруссии и Украины были многие сотни лагерей! Да, многие из них, в отличие от Маутхаузена или Освенцима, не сохранились, поскольку это были просто участки земли, огороженные проволокой. Если бы удалось поставить во всех этих местах хотя бы информационные стенды, это уже было бы большой победой. Схожая ситуация и с подпольными организациями, действовавшими на оккупированных территориях. Должной мемориализации, как и фундаментальных исследований этого вопроса, пока не хватает. Впрочем, как и в случае с сопротивлением в концлагерях. Насколько я знаю, наша монография, посвященная этой теме, единственная. При этом и на местном, и на федеральном уровне делается очень многое. Благодаря ходатайствам

МИДа, Российского исторического общества, общественных организаций были награждены герои сопротивления, ставятся памятники, их именами называют улицы, а их подвиги включаются в школьные программы...

– *Что уже удалось сделать Фонду Александра Печерского?*

– Мы создали два портала: один посвящен истории лагеря Собибор, он разработан совместно с Государственным архивом РФ, другой – это база данных по участникам сопротивления в концлагерях. Выпустили монографию о сопротивлении и несколько книг о Собибore, в том числе на иностранных языках. Мы сняли 10 документальных фильмов о сопротивлении в концлагерях. Подготовили три выставки: «Герои Собибора», «Полет из ада» (о группе Девятаева) и «Герои сопротивления». Эти выставки в совокупности были показаны более чем в ста музеях в России, Белоруссии и десятках других стран. Провели памятные церемонии в Дахау, Маутхаузене и Пенемюнде. Мы добились установки бюста Александра Печерского в Ростове-на-Дону, присвоения его имени улицам в том же Ростове, Москве, Коломне, открыли мемориальные доски героям собиборского восстания в Хасавюрте и Самаре.

Но работы еще – непечатый край. Подвиги героев сопротивления не должны быть забыты.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ГЛАВНЫЙ ЛЕКСИКОГРАФ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

БЕСЕДОВАЛ

АРТЕМ АРГУНОВ

ОН СТРАДАЛ МОРСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ, БЫЛ ОТЛИЧНЫМ ХИРУРГОМ-АМБИДЕКСТРОМ, ЗНАЛ 12 ЯЗЫКОВ И СОСТАВИЛ СЛОВАРЬ, КОТОРЫМ ВСЕ МЫ ПОЛЬЗУЕМСЯ ДО СИХ ПОР. КОНЕЧНО, РЕЧЬ ИДЕТ О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ ДАЛЕ. О ВЫДАЮЩЕМСЯ РУССКОМ ЛЕКСИКОГРАФЕ, ПИСАТЕЛЕ, ЭТНОГРАФЕ И АВТОРЕ САМОГО ИЗВЕСТНОГО «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» МЫ БЕСЕДУЕМ С ЗАВЕДУЮЩЕЙ ЛИТЕРАТУРНЫМ МУЗЕЕМ В.И. ДАЛЯ В ЛУГАНСКЕ ЕЛЕНОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ ХРОМОВОЙ.

— **Е**

ЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, да-
вайте начнем с родителей
Владимира Даля. Кем они
были?

— Иоганн Христиан Даль, которого в России называли Иваном Матвеевичем, был выходцем из Дании. В конце XVIII века он приехал в Санкт-Петербург по приглашению императрицы Екатерины II работать придворным библиотекарем. В столице Иоганн Христиан познакомился с Юлией Марии Фрейтаг, наполовину немкой, наполовину француженкой из рода гугенотов де Мальи.

Но отец Юлии не хотел отдавать свою дочь за библиотекаря и намекнул будущему зятю, что ему стоит приобрести более солидную профессию. Поэтому Иоганн Христиан отправился в Германию и окончил медицинский факультет Йенского университета. Молодые люди поженились. В семье родились две дочери и четверо сыновей.

— А как родители Даля оказались в Луганске?

— В 1795 году вышел указ Екатерины II о строительстве на юге России литейного завода, шотландскому инженеру Карлу Гаскойну было поруче-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Литературный музей В.И. Даля в Луганске

но найти подходящее для него место. Он отыскал его на реке Лугань: здесь добывали и уголь, и железную руду, служившую основным сырьем для литейных заводов. То есть не нужно было ничего привозить издалека. Гаскойн пригласил на завод иностранных специалистов. В их числе оказался Иоганн Христиан Даль, получивший должность старшего лекаря Луганского литейного завода.

– *И поселилась семья на Английской улице, которая сегодня носит имя Владимира Даля?*

– Да, ведь она была первой улицей нашего города. Известно, что, когда строительство завода было завершено, рядом возвели 12 каменных коттеджей для мастеровых. В одном из них и поселили семью Иоганна Христиана Даля.

– *Владимир Иванович прожил в Луганске всего четыре года?*

– Если быть совсем точным, то семья переехала в Николаев, когда Владимиру Даю было 3 года и 7 месяцев.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Елена Хромова,
заведующая
музеем

– *И сюда он больше не возвращался?*

– К сожалению, нет фактов, свидетельствующих об этом. Мы знаем, что на территорию Украины он приезжал к своим друзьям, но заезжал ли в Луганск – неизвестно. Владимир Иванович дневников не вел. Но все-таки помнил о месте, где он родился – города тогда еще не было, это был поселок Луганский Завод, – поэтому и взял себе псевдоним Казак Луганский.

– *С Луганским понятно, а почему – казак?*

– Луганск ведь где размещен? На реке Лугань. Вокруг луга, степи – вольная территория. Отсюда и пошло: казак – человек вольный, никому не подчиняющийся.

– *Почему семья Даля переехала из Луганска в Николаев?*

– Иван Матвеевич получил там должность главного доктора и инспектора Черноморского флота. Николаев был большим городом-верфью. Так что неудивительно, что впоследствии Владимира Ивановича и его младшего брата, Карла, определили учиться в Санкт-Петербургский военно-морской кадетский корпус. После пяти лет обучения Владимир Даль вернулся в Николаев, где началась его служба во флоте. Она давалась Даю крайне тяжело, он страдал морской болезнью. Но после обучения в Морском кадетском корпусе нужно было обязательно отслужить во флоте семь лет. Владимир Иванович служил как на Черном, так и на Балтийском море, а по прошествии положенного срока сразу же покинул флот.

– *А когда выяснилось, что у Даля морская болезнь?*

– Еще во время учебы, когда в числе двенадцати лучших учеников кадетского корпуса Владимир Даль участвовал в морском походе к берегам Швеции и Дании. К слову, в этом походе всем кадетам было положено вести дневной журнал, и в своем журнале Даль записал: «Когда я ступил на берег Дании, то окончательно понял, что Отечество мое – Россия. Нет и не было у меня другой Родины».

– *Получается, во флоте Даляр боролся с морской болезнью, а став врачом, как об этом пишут в интернете, с боязнью крови?*

– С таким фактом я не сталкивалась ни в одной биографии Даля. После Морского кадетского корпуса и службы во флоте он отправился в 1826 году учиться в Дерптский университет. Даляр не успел его окончить, потому что в 1828-м началась Русско-турецкая война и казенномкоштных студентов, в том числе и Владимира Ивановича, призвали в армию. Но поскольку Даляр был способным студентом, ему разрешили досрочно сдать экзамены, после чего он был допущен к защите докторской диссертации. Успешно защитившись, Даляр сразу же отправился на фронт – ординато-

ром в подвижной военный госпиталь Второй действующей армии. Непосредственно на поле боя он и зашивал раны, и доставал пули. Сначала Даль отличился при взятии крепостей Силистрия и Шумла, а после отметился при взятии городов Сливно и Адрианополь. Таким был его боевой путь.

— *После войны Даль решил окончательно связать свою жизнь с медициной?*

— Именно. После Русско-турецкой войны, а затем участия в подавлении Польского восстания 1830–1831 годов Даль вернулся в столицу, где получил должность ординатора в Санкт-Петербургском военно-сухопутном госпитале. В то время Владимир Иванович уже был опытным хирургом, умел хорошо оперировать и правой, и левой рукой. Особенно удачно он проводил операции по удалению катаракты. Известно, что при этом госпитале он провел около тридцати таких успешных операций. Тогда ведь еще не существовало анестезии в современном понимании, поэтому хирурги должны были оттачивать свое мастерство. Тем более когда речь шла об операциях на глазах. Их нужно было делать очень быстро, чтобы человек не умер от болевого шока. Владимир Иванович отточил владение обеими руками, чтобы одновременно делать тончайшие манипуляции.

— *А гомеопатией он позднее увлекся?*

— Сначала он не воспринимал гомеопатию, был закоренелым аллопатом. Этим направлением альтернативной медицины Даль увлекся в Оренбурге, куда его перевели в 1833 году чиновником особых поручений при военном губернаторе. Он создавал гомеопатические крупинки, которые пробовал на себе, на своей семье, раздавал крестьянам, нуждавшимся в лечении. Вообще, медицинскую деятельность он не забывал на протяжении всей жизни. Помогал нуждающимся и в Оренбурге, и в Нижнем Новгороде, где по ходатайству Дала была отстроена двухэтажная каменная больница, в которой лечили простой народ, готовили акушеров и фельдшеров для сельской местности. И когда у Владимира Ивановича выдавалось свободное время, он также принимал пациентов в этой больнице.

— *Получается, в медицине Владимир Иванович пошел по стопам своего отца?*

— И не только в медицине. Отец владел семью языками, мать — пятью. В семье Далей вообще очень трепетно относились к языкам, любовь к которым передалась и Владимиру Ивановичу. Известно, что он владел двенадцатью языками.

— *А что побудило Владимира Дала заняться этнографией и фольклором?*

— В марте 1819 года Владимир Иванович только окончил Морской кадетский корпус и направлялся к месту своей службы. Ехал он в санях по за-

В.Г. Скубак.
Первое слово.
1986 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

несенному снегом полю. Стоял сильный мороз, дул пронизывающий ветер. Новенькая шинель совершенно не грела. В очередной раз остановившись, чтобы Даль мог хоть немного согреться, ямщик указал кнутом на небо и произнес: «Что, барин, замолаживает?» Владимир Иванович удивился: что же это за слово такое — «замолаживает»? Ямщик объяснил: теплеет, пасмурнеет, значит, мороз должен отступить. Владимир Даль дрожащими руками достал записную книжку, в которой записал: «Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии означает заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью, к теплу». Этим словом, по собственному признанию Дала, он положил бессознательное начало своему толковому собранию.

Осознанно собирать слова Даль начал во время Русско-турецкой войны. В армии служили солдаты из разных уголков Российской империи, и Владимир Иванович в моменты привалов любил подсаживаться к ним и слушать незнакомые песни, сказки, пословицы, поговорки. Он уточнял толкования незнакомых слов и старательно

Экспонаты музея
рассказывают
о жизни и работе
В.И. Даля

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Пианино,
переданное
О.В. Станишевой –
правнучкой
В.И. Даля

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

записывал их в тетради. Вскоре этих записей накопилось столько, что пришлось их возить в двух больших тюках на верблюде. Однажды на отряд, с которым шел Владимир Иванович, напали турки. Во время схватки верблюд, груженный тюками с записями Даля, потерялся. Несколько дней Владимир Иванович очень горевал: ведь столько материала пропало зря, такая работа утрачена! Солдаты, видя, как расстроен их любимый доктор, догнали турок и отбили у них этого верблюда. Записки были спасены.

Потом, где бы он ни служил и куда бы судьба его ни забрасывала, Даль продолжал собирать слова. Очень много слов, пословиц и поговорок было собрано в Нижегородской губернии, где Владимир Иванович служил управляющим Нижегородской уделной конторой, ведавшей более чем 37 тысячами государственных крестьян.

Там же, в Нижнем Новгороде, он начал формировать словарь. Каждое слово и его значение Владимир Иванович выписывал на отдельные полосочки и приклеивал их к листу бумаги. Готовые листы складывал в отдельные ящики – у каждой буквы был свой.

В 1859 году Даля систематизировал свое словарное собрание, которое собирал на протяжении 53 лет.

Правда, средств на издание словаря у Владимира Ивановича не было. Помог богатый меценат Александр Кошелев, вручивший Даля 3 тысячи рублей. На эти деньги Владимир Иванович выпускает восемь тетрадей (изначально он планировал издать словарь в виде брошюры)

и первый том четырехтомника. А когда деньги закончились, министр народного просвещения Александр Головнин обратился с просьбой к императору Александру II. Царь пожаловал недостающую сумму на издание словаря. Поэтому на титульных листах второго, третьего и четвертого томов Владимир Иванович поставил такую надпись: «Печатано на счет всемилостивейше пожалованных средств». Таким образом он отблагодарил императора за помощь. Первое издание «Толкового словаря живого великорусского языка» является уникальным, потому что оно никогда не переиздавалось. Классическим мы считаем второе издание словаря. Оно хоть и вышло уже после смерти Владимира Ивановича – в 1880–1882 годах, – но с его поправками и добавлениями.

– *Сказки стали еще одним увлечением Владимира Ивановича?*

– Первая книга под названием «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту жителей приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый» увидела свет в 1832 году. Она надела много шума и послужила поводом для знакомства Владимира Даля с Александром Пушкиным. Поэту очень понравились сказки, он высоко их оценил.

– *И о чем были эти сказки?*

– Это было пять произведений, которые рассказывали о жизни простого люда, о жизни солдат. За эти сказки по доносу управляющего Третьим отделением Александра Мордвинова на имя императора Николая I Даля в 1832 году был арестован. Цензурный комитетглядел в них насмешку над правительством. Посчитали, что книжка может привести к бунту в обществе. Но царю напомнили, что речь идет о том самом Даля, который отличился при Польском восстании, и вскоре Владимира Ивановича освободили. Однако Цензурный комитет изъял из продажи «Русские сказки», весь тираж был уничтожен. Поэтому до сих пор эта книга считается библиографической редкостью.

– *Пушкин ведь не только хвалил сказки Даля, но и подарил Владимиру Ивановичу сюжет для одной из них?*

– Это произошло в Оренбурге. Александр Сергеевич в 1833 году приехал собирать материал для своей истории Пугачевского бунта. Владимир Иванович, служивший чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе Василии Перовском, был отправлен в помощь Пушкину и путешествовал с ним по местам, связанным с Емельяном Пугачевым. В одной из таких поездок Пушкин рассказал Даля сказку о Георгии Храбром и волке. Она очень понравилась Владимиру Ивановичу, и впоследствии он ее

напечатал. А когда поэт умер, то в следующем издании Даля дописал: «Сказка, подаренная Александром Сергеевичем Пушкиным во время его пребывания в Оренбурге». Кстати, во время поездок с Пушкиным, чтобы не оставаться в долгу у поэта, Даляр подарил ему сюжет известной всем нам «Сказки о рыбаке и рыбке». «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому. Сказочник Александр Пушкин» – так впоследствии Александр Сергеевич написал на рукописи сказки, которую прислал Владимиру Даля.

– Даляр ведь в какой-то степени и словарный запас Пушкина обогащал?

– Накануне смерти поэта Даляр встретился с Пушкиным. Александр Сергеевич был в новом сюртуке. А Владимир Иванович незадолго до этой встречи рассказал ему о слове «выползина» – так в Оренбургской губернии называли кожу, которую сбрасывают с себя змеи. Пушкин показал на свой только что сшитый сюртук и сказал: «Посмотри, Даляр, какова на мне выползина! Из этой выползины я теперь не скоро выползу. Я в ней такое напишу!..» Но, к сожалению, планам Александра Сергеевича не суждено было сбыться.

– Печальный опыт общения с Третьим отделением не отвадил Владимира Ивановича от занятий литературой?

– Да, он продолжил свою литературную деятельность. В 1840-х годах Даляр стоял у истоков так называемой натуральной школы русской литературы, основателем которой считается Николай Васильевич Гоголь. Это течение примечательно тем, что его участники стремились показать без прикрас жизнь простых людей. В 1850-е годы Владимир Иванович занимался написанием книг для народного чтения. Тогда это стало весьма популярно – создавать книги для того, чтобы простые люди могли обучаться грамоте. Даляр выпустил сборники рассказов «Два сорока бывальщиков для крестьян», «Картины из русского быта» и «Новые картины из быта русских детей».

– А как же заявление Даля против образования крестьян?

– На самом деле это очень спорный момент. Во второй половине 1850-х годов остро встал вопрос о народном образовании. В «Морском сборнике» вышла статья об образовании, и некоторые писатели откликнулись на нее своими публикациями. Владимир Иванович не остался в стороне. Его статья была позитивно воспринята в литературном сообществе. Позднее Даляр написал открытое письмо Александру Кошелеву, в котором заявил о важности понимания, для чего крестьянам образование, что им необходимо подавать наглядный пример использования полученных знаний, иначе, научившись грамоте, они лишь начнут писать друг на друга кляузы и доносы. К сожалению, эта статья была неправильно по-

Предполагается, что в доме, где сегодня располагается музей, проживала семья автора «Толкового словаря живого великорусского языка»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

нята и раскритикована. Даля посчитали противником народного образования, и он долгое время вел публичную переписку в газетах, где отстаивал свою точку зрения.

– Какой характер был у Владимира Даля?

– В работе Даляр был очень строг, педантичен, никаких попустительств не разрешал ни себе, ни окружающим его людям. Если же говорить о семье, то и с первой, и со второй женой в доме царили лад и покой. Первый брак Владимира Ивановича, с Юлией Егоровной Андре, к сожалению, был коротким. Они прожили вместе всего лишь пять лет. Юлия скончалась от сердечного приступа, и на руках у Даля остались двое маленьких детей: сын Лев и дочь Юлия. Второй раз Владимир Иванович женился на Екатерине Львовне Соколовой. Этот брак также оказался очень счастливым. Супруги были родственными душами, жена во всем поддерживала мужа.

– Правда, что Александр Аксаков приобщил Владимира Даля к спиритизму?

– Да, это произошло уже в московский период жизни Владимира Ивановича – в 1860-е годы. Он продолжал проводить свои четверги, начало которым было положено еще в Оренбурге. На эти вечера собирались известные люди – писатели, ученые, государственные служащие. Кстати, благодаря четвергам Владимира Даля в Петербурге возникла идея создания Русского географического общества. Первое заседание общества, одним из

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Творческое
наследие
В.И. Даля

основателей которого является Владимир Иванович, прошло на квартире Даля. Так вот, на четвергах у Даля проводились и спиритические сеансы. Это увлечение пришло в Россию из Европы и в то время пользовалось большой популярностью.

– *Насколько серьезно Даляр относился к подобным занятиям?*

– Скорее всего, это была лишь дань моде.

– *В итоге Владимир Иванович отказался от заигрывания с духами. А незадолго до смерти перешел из лютеранства в православие?*

– Да. С ним случился первый удар. Он уже практически не вставал с постели и попросил сво-

их родных, чтобы к нему привели священника. Даляр покрестился и причастился. Когда Владимир Иванович в 1872 году скончался, его похоронили рядом с православной женой, Екатериной Соколовой. Даже после смерти они остались неразлучны.

– *Давайте вернемся к Луганску. Вы сказали, что семья Даля жила на бывшей Английской улице. Здесь же расположен его музей. Владимир Иванович жил непосредственно в этом доме?*

– Это единственный однотипный коттедж, который достоял до нашего времени. Старожилы утверждают, что в этом доме действительно жила семья Иоганна Христиана Даля. Вплоть до 1940-х годов это был жилой дом. Потом его передали под управление лесного хозяйства. В 1960-е здесь находилась организация Облмежколхозпроект. А в 1970-е годы здание досталось Луганскому отделению Союза писателей СССР. На тот момент ее председателем был Тарас Михайлович Рыбас. Благодаря его усилиям в здании провели капитальный ремонт. В 1984-м его передали под будущий музей. И снова здесь была проведена реконструкция, создана первая экспозиция. В 1986 году музей открыл свои двери для посетителей. Это первый и на сегодня единственный на всем постсоветском пространстве государственный музей, посвященный Владимиру Ивановичу Даля. В Москве на Большой Грузинской, в последнем доме, где жил Владимир Иванович, также в 1986 году открылся музей, но он был создан на общественных началах и до сих пор остается таким.

– *Что стало основой фонда луганского музея?*

– Основу нашего собрания составляют, естественно, книги. Это литературный музей, и наша коллекция гордится собранием сочинений Владимира Ивановича Даля – от прижизненных изданий до посмертных и современных. Также в нашем музее можно проследить полную эволюцию «Толкового словаря» Даля – от первого издания и брошюрового, каким изначально Владимир Иванович его задумывал, до второго, классического издания и последующих переизданий. В число редких экспонатов нашего музея входит также том «Толкового словаря живого великорусского языка» 1934 года, вышедший в токийском издательстве «Тачибана».

Луганские далеведы нашли в Москве правнучку Владимира Ивановича – бывшую балерину Ольгу Владимировну Станишеву (Даляр), связались с ней и неоднократно ездили в гости. А когда Ольга Владимировна узнала, что в нашем городе будет открыт музей Даля, то передала в дар уникальные семейные фотографии и старинное пианино, которое принадлежало семье Владимира Ивановича. Сама Ольга Владимировна была в преклонном возрасте и, к сожалению, умерла буквально накануне открытия нашего музея.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Первое издание
словаря в виде
брошюра

АЛЕКСАНДР БУРГИЙ

ХРОНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ПРОЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ИЛИ, ТЕМ БОЛЕЕ, КУРСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЭТО ИМЕННО ХРОНИКА ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ХРОНИКИ – АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОДА. ПРИЧЕМ АВТОР САМ ВЫБИРАЛ ТО СОБЫТИЕ ИЛИ ТЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ИНТЕРЕСНЫМИ ИЛИ ЗНАЧИМЫМИ: ИНОГДА – НЕ САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД; ИНОГДА – ОЧЕНЬ ЗАМЕТНЫЕ И, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ И НАРОДА.

ГОД 1015-Й (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Между тем Ярослав по-прежнему пребывал в Новгороде, собирая войско и улаживая конфликт с новгородским вечем. По свидетельству Новгородской летописи, ко времени наступления на Киев он располагал войском в 4 тысячи человек: «Варягов была тысяча, а новгородцев три тысячи» (эта цифра представляется более правдоподобной, нежели 40 тысяч, названная в «Повести временных лет»).

Как видим, скандинавские наемники пребывали в явном меньшинстве. Но зато они имели славу лучших воителей Европы, перед которыми трепетали и Восток, и Запад тогдашнего мира. И Ярослав, готовясь к войне, по-прежнему делал на них ставку.

Надо сказать, что обстановка, складывавшаяся в Скандинав-

Хирд –
дружины
варягов
(викингов).
Реконструкторы
из Норвегии.
Фестиваль
«Времена
и эпохи»
в Москве

ских странах, во многом благоприятствовала ему. В начале XI века Скандинавия переживала бурный процесс образования национальных государств, а этот период в истории любой страны чреват острыми столкновениями противоборствующих сторон. Укрепление центральной власти всегда приходится не по нутру тем из местных вождей, кто привык действовать на свой страх и риск, не желая подчиняться кому бы то ни было. Что уж говорить о Скандинавии, где всякий взрослый мужчина был прирожденным воином и где вековые традиции дальних заморских походов взрастили немало отважных вождей, кичившихся званием ярла или конунга!

Швецией в то время круто за правлял Олав Шётконунг, объединивший страну и подчинивший своей власти более мелких правителей. В Норвегии же как раз в 1015 году развернулась кровопролитная внутренняя война, которая привела к установлению жесткого единовластия конунга Олава Харальдсона (известного также под именем Олава Толстого, впоследствии получившего имя Олава Святого и канонизированного Западной церковью). Эта война привела к массовому оттоку из страны вооруженных людей. Многие из них устремились на Русь.

3 апреля 1015 года у мыса Несъяр произошло морское сражение между конунгом Олавом и прежним правителем, ярлом Свейном Хаконарсоном. Ярл Свейн потерпел сокрушительное поражение и вынужден был бежать из страны.

Из «Легендарной саги об Олаве Святом»:
«...И осенью он (Свейн. –
Прим. авт.) уже был на востоке
в Кирьялланде (Карелии. –
Прим. авт.), отправился [он]
тогда вверх в Гардарики
(на Русь. – Прим. авт.), опусто-
шая страну. Заболел он там
и умер там осенью».
(Перевод Т.Н. Джексон)

Зная политическую ситуацию на Руси осенью 1015 года, трудно удержаться от предположения, что Свейн и его воины решили воспользоваться внутренними раздорами между русскими князьями. Удар скандинавской дружины должен был прийтись по северо-западным областям Новгородской земли, прежде всего по Ладоге, а это, в свою очередь, не могло не вызвать ответных действий со стороны Ярослава. Вполне возможно, что именно вторжение скандинавов объясняет промедление новгородского князя в войне с братом: волей-неволей ему приходилось думать о защите северных рубежей своего княжества.

Реконструкция по черепу облика князя Ярослава Мудрого, выполненная академиком М.М. Герасимовым в 1939 году

Набег норманнов на Русь закончился бесславно для их предводителя. Последующие же беглецы из Норвегии действовали на Руси уже по-другому, найдя гораздо более выгодным для себя не участие в разбойничьих набегах на те или иные пограничные русские крепости, а поступление на службу к одному из русских князей – участникам междоусобной войны. И надо ли говорить, что первым из князей, кому они могли предложить свои услуги, был Ярослав Новгородский.

Сохранился уникальный рассказ о приключениях на Руси одного такого отряда. Рассказ этот читается в так называемой «Пряди» (саге) об Эймунде Хригссоне.

Вернувшись в Норвегию из заморского похода, рассказывает сага, Эймунд узнал об изменениях, которые произошли там после прихода к власти Олава Харальдсона. Последний «покорил себе всю страну и истребил в ней всех областных конунгов». Среди жертв политики Олава оказались отец и братья Эймунда. Эймунд вместе со своим родичем и побратимом Рагнаром собрал тинг (собрание свободных людей), на котором было принято решение покинуть страну.

«Эймунд сказал: «Если вы хотите поступить по-моему, то я скажу вам... что я задумал. Я слышал о смерти Вальдимара конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну – одному теперь досталось больше, чем тем двум. И зовется Бурицлав тот, который получил большую долю отцовского наследия, и он – старший из них (очевидно, имеется в виду князь Святополк Окаянный. – Прим. авт.). Другого зовут Ярицлав, а третьего Вартилав (Брячислав Изяславич, внук Владимира. – Прим. авт.). Бурицлав держит Кэнугард (Киев. – Прим. авт.),

а это – лучшее княжество во всем Гардарики. Ярицлейв держит Хольмгард (Новгород. – Прим. авт.), а третий – Палтескью (Полоцк. – Прим. авт.) и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений, и всех более недоволен тот, чья доля по разделу больше и лучше: он видит урон своей власти в том, что его владения меньше отцовских, и считает, что он потому ниже своих предков. И пришло мне теперь на мысль, если вы согласны, отправиться туда и побывать у каждого из этих конунгов, а больше у тех, которые хотят держать свои владения и довольствоваться тем, чем наделил их отец».

(Перевод Е.А. Рыдзевской)

Люди, бывшие на тинге, согласились с этим предложением. Так отряд Эймунда и Рагнара оказался в Новгороде при дворе князя Ярослава. Источники не позволяют определить точное время их появления здесь; во всяком случае, это произошло не ранее лета 1016 года. Для нас, однако, не столь важно, был или не был Эймунд в числе тех наемников-скандинавов, которые приняли участие уже в первом походе Ярослава на Киев. Сага сохранила уникальные сведения о том, как и на каких условиях русские князья нанимали варяжскую дружины, а эти условия были одинаковыми для всех северных отрядов.

Ярослав с готовностью согласился принять отряд Эймунда в свое войско:

«Нам очень нужна от вас помощь и совет, потому что вы, норманны, – мудрые мужи и храбрые. Но я не знаю, сколько вы просите наших денег за вашу службу». Эймунд отвечает: «Прежде всего ты должен дать нам дом и всей нашей дружине и сделать так, чтобы у нас не было недостатка ни в каких ваших лучших припасах,

Святополк
Окайяный.
Литография
Б.А. Чорикова
к книге
«Живописный
Карамзин, или
Русская история
в картинках».
1836 год

Варяги
в Византии.
Миниатюра
из «Хроники»
Иоанна Скилицы.
XII–XIII века.
Национальная
библиотека
Испании.
Мадрид

какие нам нужны... (Ярослав согласился на это. – Прим. авт.) Тогда ты будешь иметь право на эту дружину, чтобы быть вождем ее и чтобы она была впереди в твоем войске и княжестве. С этим ты должен платить каждому нашему воину эйрир серебра, а каждому рулевому на корабле – еще, кроме того, половину эйрира».

Эйрир серебра в Скандинавии в XI веке равнялся 27 граммам и примерно соответствовал половине северорусской гривны. Размер платы, которую потребовал от князя Эймунд, оказывается вполне реальным. Однако Ярослав не готов выполнить

требуемые условия и отвечает отказом.

Саги вообще изображают князя Ярослава чрезвычайно скучным человеком: «Конунг Ярицлейв не слыл щедрым», хотя «был хорошим правителем и властным». Споры относительно выплаты денег будут постоянно осложнять его отношения с норманнами. Но отсутствие показной щедрости не всегда характеризует правителя только с отрицательной стороны. Помимо прочего Ярослав должен был думать о соответствии платы варяжским наемникам и новгородцам, вошедшим в состав его войска. Есть основания полагать, что в ходе заключенного им соглашения с новгородцами он обещал им денежное вознаграждение не меньшее, чем пришлым варягам.

Скупость Ярослава имела и другую объективную причину. К началу XI века Русь испытывала затруднения с монетным серебром (что объяснялось в первую очередь прекращением поступления серебряных монет из стран Арабского халифата). И хотя Новгород того времени превосходил запасами серебра прочие русские города, Ярослав попросту не имел возможности полностью расплатиться с наемниками драгоценными металлами.

Эймунд, кажется, учел это обстоятельство:

«...Мы будем брать (причитающуюся нам сумму. – Прим. авт.) бобрами и соболями и другими вещами, которые легко добыть в вашей стране, и будем мерить это мы, а не наши воины. И если будет какая-нибудь военная добыча, вы нам выплатите эти деньги, а если мы будем сидеть спокойно, то наша доля станет меньше».

Такое предложение вполне устроило новгородского князя, и договор был заключен на двенадцать месяцев. Срок договора, разумеется, не слушен. Он объяснялся сезонностью пла-

ваний по Балтийскому морю: только летом и в первой половине осени скандинавы могли уплыть из страны и наняться на службу к другому правителю или вернуться на родину. Да и Ярослав, по-видимому, не хотел брать на себя слишком большие обязательства. Через год ему предстояло самому решать, нуждается ли он еще в помощи варягов или в состоянии обойтись собственными силами. А это зависело от результатов его борьбы с братом. Но и Святополк готовился к войне. И тоже сумел найти могущественных союзников – печенегов.

Стояние на Днепре войск Ярослава Владимиоровича против войск Святополка Владимиоровича. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV век

Храм апостола Филиппа и Николая Чудотворца в Великом Новгороде. Сюда из Софийского собора были перенесены мощи, предположительно принадлежащие супруге Ярослава Мудрого, которая в схиме приняла имя Анна. Канонизирована как Анна Новгородская

ГОД 1016-Й

Из «Повести временных лет»: «...Собрал Ярослав варягов тысячу, а прочих воинов 40 тысяч (в Новгородской летописи, напомню, 3 тысячи. – Прим. авт.), и пошел на Святополка, призвав Бога, сказал:

– Не я начал избивать братию, но он! Да будет Бог мстителем за кровь братии моей!..

...Услышал же Святополк, что идет Ярослав, собрал без числа воинов, русь и печенегов, и выступил против него к Любечу – по ту сторону Днепра, а Ярослав – по эту.

...В лето 1016. Пришел Ярослав на Святополка. И встали по обе стороны Днепра, и не смеши ни эти на тех, ни те на этих напасть. И стояли три месяца друг против друга...»

По летописи, почти всю осень войска Ярослава и Святополка простояли в бездействии, ограничиваясь лишь перестрелками и легкими стычками отдельных отрядов, переправлявшихся через Днепр выше и ниже Любеча. По-видимому, оба полководца всерьез опасались друг друга, а может быть, надеялись на развал противостоящей коалиции: Ярослав – на неизбежный конфликт между русским войском Святополка и печенегами, Святополк – на возобновление вражды между новгородцами и варягами.

Между тем время приближалось к зиме. Вот-вот должен был встать лед на Днепре. Наверное, Святополк ожидал морозов, чтобы по льду замерзшей реки двинуться на новгородско-варяжскую дружины и смять ее. На его стороне помимо численного превосходства было еще одно важное преимущество: военные действия проходили на подвластной ему территории, а значит, он мог беспрепятственно пополнять свое войско людьми и припасами.

В русских летописях сохранились два ярких описания Любечской битвы. Одно из них

АЛЕКСАНДР БУРДЫ

принадлежит киевскому летописцу, автору «Повести временных лет», другое – новгородцу, составителю Новгородской Первой летописи. Два этих рассказа хорошо дополняют друг друга.

Из «Повести временных лет»:
«...И начал воевода Святополков, разъезжая вдоль берега, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим? Эй вы, плотники, вот приставим вас хоромы рубить нам!» Услыхав это, новгородцы сказали Ярославу так: «Завтра переправимся к ним; если кто не пойдет с нами, сами ударим по нему!»

Были уже заморозки. Святополк расположился между двумя озерами и всю ночь пил со своей дружиной. Ярослав же, исполнчив дружины свою, переправился на рассвете. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега. И двинулись друг против друга, и схватились на месте. Была злая сеча, и нельзя было печенегам из-за озера помочь. И прижали Святополка с дружиной к озеру, и вступили [они] на лед, и обломился лед под ними. И стал одолевать Ярослав. Святополк же бежал в Польшу. Ярослав же сел в Киеве на столе отцом и дедовом...»

Из Новгородской Первой летописи младшего извода:
«... И начал Днепр замерзать. А был у Святополка муж в приязни (приательстве. – Прим. авт.) к Ярославу, и послал к нему Ярослав отрока своего ночью, спрашивая: «Что ты велишь делать: меду мало варено, а дружины много?»

И отвечал тот муж: «Так скажи Ярославу: если меду мало, а дружины много, то к вечеру дать». И уразумел Ярослав, что ночью велит биться. И вскоре, тем же вечером, переправился Ярослав на эту сторону Днепра, и оттолкнули (новгородцы. – Прим. авт.) ладьи от берега; и той [же] ночью вступили в битву.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Считается, что Юрьев монастырь в Великом Новгороде был основан Ярославом Мудрым в 1030 году

И сказал Ярослав дружине: «Повяжите себе в знак отлиния головы убрусом (то есть платком, начальной повязкой. – Прим. авт.)».

И была жестокая битва, так что, за руки хватаясь, рубились, и по удолиям (низинам. – Прим. авт.) кровь текла. И многие правоверные видели ангелов Божиих, помогающих Ярославу. И до рассвета победили Святополка. И бежал Святополк...»

Возможно, некоторые сведения о разгроме Святополка войска под Любечем отразились и в скандинавской «Пряди об

Эймунде». Сага рассказывает о том, что Ярослав предпринял обходной маневр: скандинавы отвели свои корабли вверх по реке, скрытно переправились на другой берег и обошли лагерь Святополка. Инициатива этого маневра, что естественно для саги, приписана Эймунду:

«Мы пойдем отсюда с нашей дружиной и зайдем им в тыл, а шатры пусть стоят пустыми; вы же с вашей дружиной как можно скорее готовьтесь к бою». Так и было сделано; затрубили к бою, подняли знамена, и обе стороны начали готовиться к битве. Полки сошлись, и начался самый жестокий бой, и вскоре пало много людей. Эймунд и Рагнар предприняли сильный натиск на Бурицлава (здесь: Святополка. – Прим. авт.) и напали на него в открытый щит. Был тогда жесточайший бой, и много людей погибло, и после этого был прорван строй Бурицлава, и люди его побежали...»

(Перевод Е.А. Рыдзевской)

Так новгородский князь в первый раз овладел столицей Киевом, «матерью городам русским». Правда, не очень надолго.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Двусторонняя подвеска со знаками Рюриковичей. Бронза, литье. X-XI века. Псковский государственный музей-заповедник (ПГМЗ)

ГОД 1017-Й

Из «Повести временных лет»:
«Ярослав вошел в Киев,
и погорели церкви».

Стал ли пожар в Киеве следствием жестокости Ярослава? Думаю, оснований считать так у нас нет. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский (а он основывался на информации людей, побывавших в Киеве) говорил о каком-то «несчастном случае», произшедшем в стольном городе Руси. А мы хорошо знаем, сколь бесчисленное множество пожаров в средневековых деревянных русских городах было вызвано именно неосторожным обращением с огнем!

Тем более что никакого сопротивления Ярославу киевляне, кажется, не оказали. Святополк так стремительно бежал от Любеча, что не успел не только укрепить Киев, но и вывезти из него свою семью. Супруга турковского князя на время оказалась в руках киевлян. Наверное, те имели возможность отправить ее восвояси, к отцу и мужу, но предпочли не ссориться с Ярославом и выдали ему княгиню. Так Болеславна во второй раз оказалась в русском плена.

Но удержать Киев в своих руках было немногим проще, чем занять его. Ярославу приходилось думать о возможном отражении врага сразу на нескольких направлениях. Его западным гра-

Я. Матейко.
Свадьба
Святополка.
1892 год

ницам угрожал тесть Святополка, польский князь Болеслав. С юга же Киев подвергся нападению печенегов – давних противников Руси и недавних союзников Болеслава, а теперь уже и Святополка.

Из Софийской Первой летописи (XV век):
«Пришли печенеги к Киеву,
и сразились у Киева, и едва
к вечеру одолел Ярослав
печенегов, и бежали
посрамлены».

И это все, что сообщает летопись об очередном нашествии печенегов. Насколько масштаб-

ным оно было, неизвестно. Но Ярослав справился с ним. Наступательными поначалу были его действия и на западе.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода: «В лето 1017. Ярослав ходил к Берестью...»

Поход этот стал частью большой европейской войны. О ней надо сказать несколько слов.

Новый киевский князь предпринимал отчаянные попытки найти себе союзников в Европе и создать коалицию, с помощью которой он смог бы окончательно устранить с политической сцены своего главного противника, нашедшего прибежище в Польше.

Поначалу покровитель Святополка, польский князь Болеслав, готов был даже заключить союз с Ярославом. Именно так надо понимать известие источников – как немецких, так и польских – о его сватовстве к сестре нового киевского князя – Предславе. Очевидно, Болеслав предлагал Ярославу союз на тех же условиях, на которых он прежде сотрудничал со Святополком (естественно, имея в виду возвращение домой своей дочери). Продолжавшаяся война с Германской империей делала мир на его восточных границах крайне желательным. Святополк же, бросивший свою жену в Киеве, вышел из его доверия, и Болеслав готов был пожертвовать им. По большому счету, для Болеслава не имело значения, кто из русских князей правит в Киеве, лишь бы киевский князь был послушен его воле. При этом с «лисым коварством» (выражение Титмара Мерзебургского) Болеслав нащупывал возможность заключения мира и династического союза и с Германской империей: примерно в то же время – в первой половине или середине 1017 года – он засыпал сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккхарда в Саксонии.

Говорят: за двумя зайцами погонишься – ни одного не пой-

Дротик,
деталь остроги,
височные
кольца,
ожерелья,
витой браслет,
перстень,
бубенцы
(слева направо).
Х–XIII века.
ПГМЗ

маешь. Однако не всегда эта поговорка оказывается верной. Пройдет немного времени – и на супружеском ложе у Болеслава практически одновременно окажутся и немка Ода (в качестве законной супруги), и киевлянка Предслава (в качестве наложницы). Но пока что ни Ярослав, ни германский император Генрих II не приняли его предложения.

Почему Ярослав ответил польскому князю отказом? Может быть, причина крылась в нежелании самой Предславы выходить замуж за известного своим распутством Болеслава? Все-таки она оставалась любимой сестрой Ярослава, и ее воля вполне могла повлиять на его окончательный ответ. И все же более вероятно, что отказ Ярослава объяснялся в первую очередь чисто политическими соображениями. Киевский князь предпочел союзу с Болеславом союз с его злейшим в то время врагом – Генрихом II.

Не было ли это ошибкой? Трудно сказать.

О переговорах между Ярославом и Генрихом мы знаем лишь из случайной обмолвки Титмара Мерзебургского. Оказывается, в ноябре того же, 1017 года император Генрих неожиданно для всех (и для Ярослава в первую очередь) пошел на мир с Болеславом. И, уже согласившись заключить договор, получил сведения о том, что произошло чуть ранее:

«...цезарь выразил согласие (с мирными предложениями Болеслава. – Прим. авт.) и только тогда узнал, что король Руси, как обещал ему через своего посла, напал на Болеслава, но, овладев [неким] городом, ничего [более] там не добился».

(Перевод А.В. Назаренко; курсив мой.)

Историки давно уже предположили, что упомянутый немецким хронистом и согласованный с немецким императором поход Ярослава на «некий город» есть не что иное, как поход к Берестью, о котором сообщалось в «Слово о полку Игореве».

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Ярослав Мудрый и его внук Владимир Мономах (сидит) на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде

щает новгородский летописец. Берестье (нынешний Брест) на правом, русском берегу по-граничного с Польшей Буга представлял собой западный форпост Туровского княжества Святополка. После своего бегства в Польшу Святополк, очевидно, сумел удержать этот город – может быть, с помощью дружин Болеслава. Таким обра-

зом, поход Ярослава преследовал сразу две цели: во-первых, выбить своего противника из последнего остающегося в его руках русского города, а во-вторых, нанести урон покровителю Святополка. Наверное, предполагалось, что этот поход совпадет по времени с наступлением немцев в Силезии. Однако этого как раз и не произошло.

В войне с Германией Польша оказалась приблизительно в таком же положении, в каком столетия спустя будет пребывать сама Германия, которой неоднократно приходилось воевать на два фронта – на западе и на востоке. Болеслав и стремился действовать примерно так же, как впоследствии будут действовать немецкие генералы, упавшие на блицкриг – молниеносное выведение из войны одного из противников. Польскому князю было сделать это тем проще, что в его время войска передвигались медленно, а взаимодействие между различными армиями, разворачивавшимися на самостоятельных и удаленных друг от друга театрах военных действий, отсутствовало.

Болеславу удалось помириться с Генрихом (причем помириться с позиции силы!) еще до того, как последний сумел со-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Остромирово Евангелие. Написано в Великом Новгороде в середине XI века.

Реплика. Музей письменности Новгородского государственного музея-заповедника

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

гласовать свои действия с Ярославом. Как полководец Болеслав, несомненно, превосходил и императора Генриха, и князя Ярослава. Недаром уже современники стали именовать его Великим и Храбрым!

Вот и на этот раз польский князь продемонстрировал блестящее полководческое дарование. Его сын Мешко, пользуясь отсутствием в Чехии князя Олдржиха (союзника Генриха), разорил страну. А 19 сентября поляки начали наступление между реками Эльбой и Мульдой; Генрих отошел к Майсену.

Подробности о ходе польско-германской войны известны нам почти исключительно благодаря «Хронике» Титмара Мерзебургского. Он же сообщает о том, что осенью 1017 года Болеслав выступил инициатором примирения с Генрихом.

«...Тогда же через прибывшего сюда посла Болеслав обещал выдать давно находившегося у него в плену юного Людольфа (по другим источникам, кажется, неизвестного. – Прим. авт.), а за его освобождение просил отпустить своих рыцарей, задерживавшихся у нас под строгой стражей. Кроме

того, он настойчиво расспрашивал императора, позволено ли ему будет прислать посла, чтобы снискать его (Генриха. – Прим. авт.) благорасположение. После того как его князья решительно поддержали все эти [предложения], цезарь выразил согласие...».

Предложенные Генриху условия были более чем выгодны для Польши и в то же время вполне приемлемы для Германа

Георгиевский собор Юрьева монастыря в Великом Новгороде

нии. Начались переговоры, результатом которых стало подписание 30 января 1018 года в городе Будишине (Баутцене) мира между Германской империей и Польшей.

Вероятно, к этому времени Болеслав окончательно определился в своих планах относительно Руси и вновь сделал ставку на Святополка, вознамерившись силой вернуть зятя на киевский престол. Заодно Болеславу предстояло решить важнейшую внешнеполитическую задачу, стоявшую перед Польшей еще с начала 90-х годов X века, – закрепить переход под ее власть Червенских городов, которые были присоединены к Киевскому государству Владимиром Святым около 979 года. Болеславу удалось заручиться поддержкой германского императора. Генрих не только разорвал союзнические отношения с Ярославом, но и пообещал оказать польскому князю помошь в его походе на Русь. Он дал согласие и на брак Болеслава с упомянутой выше Одой. Брак этот был совершен с просто-таки неприличной поспешностью и при полном нарушении церковных канонов. Спустя всего четыре дня после заключения мира, 3 февраля 1018 года, Ода отбыла в Польшу, где без церковного благословения после начала Великого поста (что специально подчеркнул Титмар!) сочеталась браком с польским князем.

Генрих с легкостью пожертвовал союзом с Русью ради дружбы со вчерашним врагом. Его ждали уже иные заботы, в том числе война в Италии, где традиционным противником Германии была Византийская империя. Теперь мир на восточной границе показался Генриху выгоднее, нежели дальнейшее продолжение войны. Конечно, подобное поведение можно было бы назвать предательским по отношению к Ярославу, но в истории дипломатии оно настолько обыденно и заурядно, что бросаться такими громкими обвинениями даже как-то неловко. ●

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Гребень с птичьими головками и рисунками, схожими с изображениями на скандинавских рунических камнях. ПГМЗ

Париж при
Луи-Филиппе.
Парижане
у кафе «Тортони»
на Итальянском
бульваре.
1835 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПАРИЖ НА ТРОИХ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

В 1838–1839 ГОДАХ В ПАРИЖЕ ОКАЗАЛИСЬ ТРОЕ НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ: КНЯЗЬ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ, ПИСАТЕЛЬ И ЖУРНАЛИСТ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ СТРОЕВ И ИСТОРИК МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН. ВСЕ – ЛЮДИ ПИШУЩИЕ. НЕУДИВИТЕЛЬНО, ЧТО В ПАРИЖЕ ОНИ ИНТЕРЕСОВАЛИСЬ НЕ ТОЛЬКО ПОЛИТИКОЙ И РАЗВЛЕЧЕНИЯМИ. ИХ ВЛЕКЛА ЖИЗНЬ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ КОТОРЫХ ЗАЧИТЫВАЛАСЬ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПУБЛИКА: СТЕНДАЛЬ, БАЛЬЗАК, ДЮМА, ГЮГО, САНД, МЕРИМЕ.

ЖИЗНЬЮ ФРАНЦУЗСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ ОСОБЕННО ХОТЕЛОСЬ ПОЗНАКОМИТЬСЯ ВЛАДИМИРУ МИХАЙЛОВИЧУ СТРОЕВУ – НЕ ТОЛЬКО ПИСАТЕЛЮ, Но И САМОМУ ИЗВЕСТНОМУ В ТО ВРЕМЯ В РОССИИ ПЕРЕВОДЧИКУ ФРАНЦУЗСКИХ И НЕМЕЦКИХ РОМАНОВ. «ТЕПЕРЬ ФРАНЦИЯ НАВОДНЕНА ПИСАТЕЛЯМИ. КОГО НИ УВИДИШЬ В КАФЕ, В ТЕАТРЕ, В ПАЛАТЕ, В ГОСТИНОЙ, – ВСЯК НАПИСАЛ ЧТО-НИБУДЬ, ИЛИ ПОВЕСТЬ, ИЛИ БРОШЮРУ, И НАЗЫВАЕТ СЕБЯ *homme de lettres* (литератором)» – Так описывал Стреев свои впечатления. Однако в целом Франция, по его словам, «не богата прозаиками; есть человек двадцать замечательных, остальные умрут вместе с поколением, для которого пишут, принаршиваясь к его привычкам, льстя его страстям и порокам». Во многом Владимир Михайлович был прав, и эта блестящая двадцатка – гордость мировой литературы.

Французские литераторы привлекали Стреева не просто как мастера художественного слова. Ему было интересно наблюдать за ними в повседневной жизни. Он составил блестящий парный портрет Виктора Гюго и Александра Дюма: «Виктор Гюго и Александр Дюма – два соперника; им тесно во французской литературе. Успех одного вредит успеху другого. По личному характеру Гюго более уважаем, чем Дюма <...> Дюма – франт, весь в цепочках, в бархате, в белом, которому позавидует любой английский турист. Видно, что он хочет нравиться женщинам, чтоб о нем говорили, считали его законодателем вкуса и моды. Виктор Гюго – совсем противное: одет скромно и просто, говорит тихо и несмело, держит себя по старине, т.е. пристойно и прилично». Если верить Стрееву, Гюго «очень любит Россию и чрезвы-

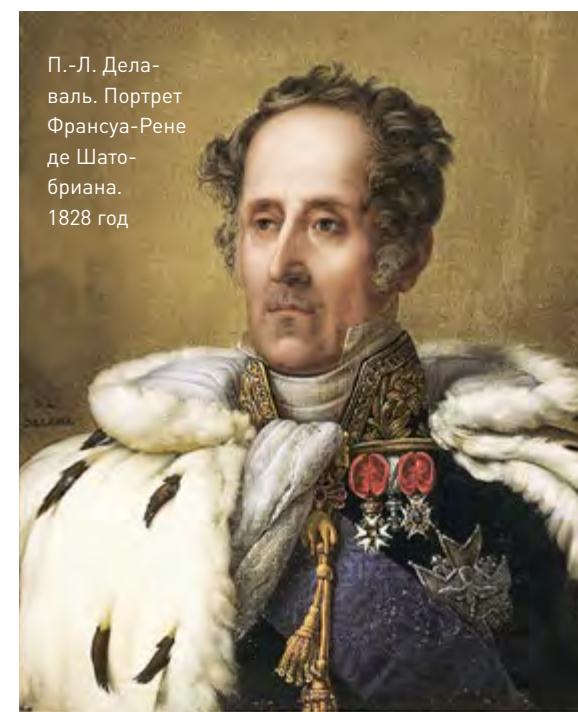
чайно желает видеть Кремль; долгое путешествие его пугает; жаль оставить жену и детей». Вероятно, Строев, относясь к писателю с определенным трепетом, принимал за любовь всего лишь любопытство по отношению к загадочной России. Возможно, Гюго и желал увидеть Кремль, но вот к нашей стране он относился весьма неоднозначно, поскольку был вовлечен в пучину политической борьбы и находился во власти поленофильских настроений, столь популярных во Франции (см.: «Русский мир.ru» №12 за 2022 год, статья «Русский взгляд Виктора Гюго»).

«Лучшим французским прозаиком» Стroeв называл писателя, политика и дипломата Франсуа-Рене де Шатобриана. Правда, по словам русского путешественника, к концу 1830-х годов Шатобриан «уже сошел с литературного и политического поприща»: «Величественная развалина, свидетель новой истории Франции, лицо гомерическое, современный Нестор... он ездил с Людовиком XVI на охоту, видел ужасы революции, ссорился с Наполеоном за академические речи, встречал Бурбонов при возвращении их, потом провожал их в изгнание и теперь смотрит на бедное свое отчество, раздираемое партиями, бабуистами, фурьеристами, фанатиками всех сортов и видов». Как мы знаем, в эти годы Шатобриан работал над своими «Замогильными записками», читал их в салоне мадам Рекамье, заявив опубликовать только после его смерти.

«Другой руиной французской литературы» именует Строев Оноре де Бальзака, необычайно популярного в те годы в России, а во Франции «почти забытого и развенчанного». По мысли Строева, «литературная его участь может быть объяснена только непостоянством парижан, которые беспрестанно ищут новых идолов, новых имен. Бальзак славился пять лет; это надоело парижанам.

Все Бальзак да Бальзак, скучно! В отставку его!» Можно сказать, наш соотечественник весьма тонко подметил особенность местного национального характера, которую французский литератор и политик Альфонс

Александр Дюма
за работой.
Гравюра
конца XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Литография Оноре Домье,
изображающая Виктора Юго.
Опубликована в газете *Le Charivari*

Ламартин в конце 1830-х годов выразил лаконично: «Франция скучает». Безусловно, Строев увидел Бальзака в то время, когда житейская борьба выбила из него все остатки раннего дендизма. Давно миновала пора его модных фраков с точеными золотыми пуговицами, тонкого полотняного белья, шелковых чулок и легендарной трости с набалдашником, осыпанным драгоценными камнями. Он много писал и был во власти своего жесткого рабочего графика: ложился спать в семь часов вечера, сразу же после обеда, и вставал в три часа утра, намереваясь работать шестнадцать часов без перерыва. «Большую часть времени я не слежу за своим телом, — писал Бальзак. — У меня нет времени принимать ванны, купаться или бриться. А сколько людей хотят меня видеть наряженным как денди, который тратит столько же времени на свой туалет, сколько я на писание».

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Именно таким и застал великого романиста Строев: «Со времени падения своего, Бальзак переменился, одевается неопрятно и нечисто. Я видел его в старом синем сюртуке и желтых нанковых панталонах. Шляпа его была помята, как будто на ней просидел кто-нибудь в продолжение целого дня. Он уже не носит той знаменитой, исторической трости, о которой написан целый роман, а заменил ее тоненькою тросточкою, которую играет, без всякого уважения к проходящим. У себя, дома, он сибарит: у него высокие комнаты, великолепные ковры, мраморные камини, дорогие картины в золотых рамках. Письменный его стол похож на выставку изящных безделушек и может быть сравнен только с роскошным туалетом самой причудливой кокетки. Бальзак очень богат и может удовлетворять прихотям, покупать все, что ему нравится... Чистота, опрятность, богатство его комнаты составляют странную противоположность с его простым, почти бедным нарядом...»

Оноре
де Бальзак.
1838 год.
Карандашный
рисунок

О. Шарпантье.
Портрет
Жорж Санд.
1838 год

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В Доме-музее Оноре де Бальзака в Париже воссоздан кабинет писателя

ЖЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Особенно Строева интересовал такой феномен, как женская литература. Относился к этому явлению он явно неоднозначно, хотя и отмечал несомненный успех дам-писательниц: «С тех пор, как

политика завладела парижским обществом, как все стали судить и рядить о государственных делах и действиях правительства, женщины покорились общему направлению и захотели участвовать в судьбе государства <...> Вторжение их было удачно, и теперь многие мужчины принимают женские псевдонимы, чтобы поймать и оковать парижское внимание».

Однако, по словам Строева, «польза, приносимая женскими литературными трудами, едва ли превосходит вред, терпимый обществом от страсти женщин к литературе. Писательница пренебрегает занятиями своего пола: бросает мужа, не заботится о детях, небрежет хозяйством. Исключения из общего правила редки».

Аврора Дюпен, в замужестве баронесса Дюдеван, известная читателям под мужским псевдонимом Жорж Санд, ему во все не симпатична, как и ее романы: «Пристрастие к женщинам и отвращение к мужчинам – вот характер сандовских романов. Освобождение женщины от всех законов, кроме естественного закона любви – вот основная их мысль. Нелепость такой мысли очевидна». Об образе жизни писа-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Л. Эрсан.
Портрет
Дельфина
де Жирарден.
1824 год

тельницы Строев отзывался в аналогичном духе: «С некоторого времени г-жа Санд преобразилась в мужчину; носит сюртук, жилет; курит цигары, говорит о том, чего женщина знать не должна. В ее гостиной нет женщины, нет туалета; все мужчины, табашный дым и другие принадлежности мужской беседы».

Еще одна знаменитая дама – писательница Дельфина де Жирарден, супруга влиятельного журналиста и издателя газеты *La Presse* Эмиля Жирардена, по словам Строева, «журналист-спекулятора, пользующегося в Париже самою дурною репутациею», тоже не удостоилась его похвалы. Более того, она, как считал русский писатель, «спустилась на болото жизни и утонула в нем». Безусловно, Владимир Михайлович сгущает краски. Дельфина де Жирарден ни в каком «болоте жизни» не утонула. Напротив, ее очерки, публиковавшиеся в газете мужа еженедельно в 1836–1848 годах, известные как «Парижские письма виконта де Лоне», стали блестящей иллюстрацией повседневной жизни Парижа тех лет. А сама Дельфина предстала перед читателями как остроумная и внимательная наблюдательница.

О. Домье.
Продавцы газет
в Париже.
1848 год

СИЛА ПАРИЖСКИХ ЖУРНАЛОВ

Князь Вяземский, Строев и Погодин – профессиональные журналисты и публицисты. Отсюда – пристальное внимание к французской прессе. Всех их поражало огромное количество выходивших газет, а также влияние прессы на жизнь в стране. Она – настоящая четвертая власть. «Сила парижских журналов во Франции невообразима <...> При легкомысленности, при смешении мнений, если журналы захотят повторять одну и ту же мысль в продолжение трех месяцев, нет сомнения, что она укоренится во французском народе и удержится до тех пор, пока те же журналы не заменят ее другою», – писал Строев.

Важная черта, подмеченная нашими соотечественниками, – партийный характер прессы. Русских раздражали отсутствие объективности, продажность парижских газет. «Парижский журналист – человек продажный, – отмечал Строев. – Торговля журнальною совестью так обыкновенна в Париже, что не почтается за стыд или преступное дело <...> наглые продавцы торгуют своим убеждением, как лавочники мылом, или слесари замками». Как писал Владимир Михайлович, «в политике журналы не стыдятся сообщать ложные фак-

Номер газеты *Le Charivari* от 27 февраля 1834 года. Суд приговорил редактора «Шаривари» Крюше к месяцу тюрьмы и 5 тысячам франков штрафа. Издатель еженедельника Филиппон напечатал это решение суда на первой странице «Шаривари», придав тексту форму груши (карикатурный образ короля Луи-Филиппа)

ты, когда на таких фактах можно основать рассуждения, подкрепляющие систему журнала. Сообщая речи палаты, журнал передает вполне только речи своих депутатов, а из речей противников выпускает весь смысл, всю сущность, оставляя самые незначительные фразы». «Одна и та же речь хороша и дурна, и глупа и умна, смотря по журналу, в котором вы ее прочли. С некоторого времени вошло в привычку печатать в самих речах и действия палаты, т.е. ее одобрение, согласие или смех. И что же вышло? После речи Гизо, журнал Преный ставит: *палата рукоплескает*, а *National*, после той же речи, печатает: *палата шикает*. Сравните два журнала: вам покажется, что вы читаете отчет о двух разных заседаниях...! Аналогичное мнение высказывал Погодин, проглядывая за завтраком вчерашие речи в палате депутатов: «Всякой журналист передает их по-своему, смотря по видам партии, под покровительством ко-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

торой издает свою газету <...> даже действие речи на слушателей передается различно. Тихий смех в одних журналах представляется хохотом, а в других чуть ли не слезами».

А князь Вяземский подчеркивал, что именно пресса являлась источником социальной напряженности во Франции: «Здешний народ не беспокойнее другого, но ему подливают каждое утро чашку дурмана: журналы, вот что мутит народ».

Особое негодование русских вызывала сатирическая газета *Charivari*, традиции которой уже в наше время плодотворно продолжает скандальное издание *Charlie Hebdo*. Как писал Строев, «у Шаривари нет друзей, нет приятелей: все его враги, на всех он нападает, начиная с короля до последнего водоноса». Погодин и вовсе возмущался, говоря об этой газете: «Вещи непозволительные! Что останется священного в государстве после таких выходок».

Г. Опиц. Карнавал в Париже. 1831 год. Гравюра

Июльская революция, бой на улице Сент-Антуан в 1830 году. Картина неизвестного художника

БУНТЫ И БЕСПОРЯДКИ

Какая Франция без мятежей и бунтов? Оказаться в Париже, в этом эпицентре революций, и не увидеть хоть какой-нибудь заварушки – практически понапрасну съездить! Нашим соотечественникам так хотелось стать свидетелями «бунта», что они готовы были увидеть его там, где ничего подобного не было и в помине. Например, князь Вяземский, оказавшийся в Париже в разгар карнавала, поначалу принял ночной шум за беспорядки: «Карнавал бесится: ночью по улицам такой шум, вой, что подумаешь, не [дни] гlorиозные затеваются? (имеются в виду «Три славных дня», как французы именуют события Июльской революции. – Прим. авт.). Нет, ничуть. Маски изволят забав-

ляться <...> Когда эти дьяволы успевают бунтовать, помышлять о ниспровержении престолов, и ставить все вверх дном?» Хотя однажды Петру Андреевичу все-таки удалось увидеть нечто, похожее на бунт. В письме от 29 ноября 1838 года он сообщал, что теперь мог со спокойной совестью оставить Париж, ибо видел главное – бунт, «émeute, не большую, но порядочную»: выступление студентов против своего профессора.

Свидетелемочных беспорядков с перестрелкой оказался и историк Погодин. Наутро из газет он узнал, что «какая-то толпа негодяев, человек 400, разграбила вчера в 4 часа оружейный магазин Лепажа, напала на присутственные места, убила офицера, и устремилась в префектуру полиции и городскую думу с криком: да здравствует Республика!..»

КАК СТАТЬ ПАРИЖАНКОЙ

И, конечно, какой Париж без парижанок! Однако они не произвели на наших путешественников ожидаемого впечатления. По мнению князя Вяземского, в Париже вообще мало красивых женщин: «На улице красивых хорошеных женщин очень мало, этих картинных гризеток нет, следовательно, глазам заглядываться нечего». Если красивая – значит, иностранка.

Ему вторит Строев: «Разберите парижанку по частям: в ней нет ничего особенно прекрасного. Нет огненных, жгучих итальянских глаз; нет русской сладострастной полноты; ни английской благородной белизны тела; ни немецкой очаровательной свежести лица». Однако, продолжает он, «отчего же парижанка производит такое магическое действие, покоряет самых холодных, самых разочарованных байронов, и оставляет глубокое впечатление на всех, кто имеет случай с ней поговорить или потанцевать?»

Секрет, по мнению журналиста, заключается в том, что парижанка «рождена кокеткой; умеет пользоваться малыми сво-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Иллюстрация из журнала мод «Маленький дамский вестник». Март 1839 года. Гравюра, раскрашенная акварелью

ими средствами; умом, одушевлением, чувством, часто притворным, заменяет и белизну, и румянец <...> Надобно родиться, вырасти и воспитываться в Париже, чтобы стать парижанкой...».

А вот историк Погодин свои впечатления о парижских дамах не оставил; возможно, потому, что путешествовал с женой.

Страница из журнала «Мода за сорок лет с 1830 по 1870 год». Париж. 1900 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

«В ПАРИЖЕ ТЕАТР НЕ СРЕДСТВО, А ЦЕЛЬ»

Что безумно нравилось всем – так это театры и театральная жизнь. Главная прелесть Парижа для князя Вяземского – именно спектакли и актрисы. И Вяземский, и Строев без ума от «упоительной» Фанни Эльслер (в 1848–1851 годах она выступала в Санкт-Петербурге и Москве с исключительным триумфом) и ее «сумасводительной» качуки, от знаменитой балерины Марии Тальони: именно Тальони в 1832 году на сцене Парижской оперы на премьере балета «Сильфида» впервые станцевала в пуантах и юбке-пачке.

Кстати, Строев весьма тонко подметил суть французского театра: «У нас театр служит средством убить время, повидаться с знакомыми, посмотреть на ту или на другую. В Париже театр не средство, а цель...» По его словам, «с утра до вечера, за завтраком и обедом, в гостиной и мастерской – парижане говорят о театре <...> театр там не шутка, а необходимая потребность, дополнение к жизни. В Петербурге едва достает зрителей на три театра; в Париже двадцать пять театров едва могут привлечь любителей сценических представлений».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Образ Сильфиды в исполнении Марии Тальони

У Погодина восприятие театра несколько иное: «Французы хотели там, где мы только что улыбались <...> Парижане смотрят и хлопают. Смотрим и мы, а на сердце кошки скребут». Однако таланты Фанни Эльслер и Марии Тальони он оценил по достоинству, особенно выделяя последнюю: «Тальони танцует для меня стихами, а Фанни прошу, хотя и изящно».

ПАРИЖ ЖИЛ «СТАРОЮ СЛАВОЮ СВОЕЮ»

Каковы же были итоги путешествия в Париж и впечатления от Франции? Очень неоднозначные. Вроде бы не разочарование, но и не эйфория. Князь Вяземский, понимая, что его письма получаются весьма критическими, так и писал: «Довольно ли наблюдал я желчи на Париж?» В то же время, по его словам, он все-таки питал «какое-то тайное, внутреннее убеждение, что здесь со временем можно ужиться и хорошо устроиться», хотя в целом, по словам Петра Андреевича, Париж жил «старою славою свою».

Вероятно, князь Вяземский, глубокий мыслитель, рассуждавший о судьбах России, думал и о будущем Франции, причем без особого оптимизма. По его мнению, полагать, что ситуация во Франции нормализуется, значит «не знать Франции и мечтать о золотом веке, когда чугунный век так и несется по железной дороге и мнет и сокрушает все, что ему навстречу ни попадается». Он был убежден, что «французы еще долго будут безумствовать и пакостить. Унять же нельзя <...> а сами они не уймутся. Разве два три поколения передиригируют эту кашу, а не прежде».

Главная причина социальной нестабильности Франции, по мнению Вяземского, заключалась в том, что «представительное правление не годится для французов». Петр Андреевич верно подметил, что французы «не умеют обходиться с свободою: свобода должна быть религия, а французы или фанатики, или кощуны. Французы болту-

Мария Тальони
в роли Лауретты
в балете
La Gitana
(«Гитана»)
в постановке
Ф. Тальони

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Фанни Эльслер
исполняет качуу

ны и краснобаи: трибуна для них театр, а не судилище, не святынище. Из представительного правления взяли они одну театральную, декоративную представительность». Как и император Николай Павлович, князь Вяземский опасался, что Франция будет постоянным источником нестабильности для Европы, и сравнивал ее с больницей, «в которой содержатся бешеные без присмотра: они могут разбежаться и наделать много шума и бед, но скоро сами перебесятся и перепадают в изнеможении. Нельзя предвидеть, чем все это окончится, но так устоять не может». В то же время, не испытывая никаких симпатий к представительному правлению, режим

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Июльской монархии Вяземский рассматривал как меньшее из зол: «Если французы неспособны к представительной монархии, то еще менее способны они к республике...» Он справедливо отмечал, что «после революции, после Наполеона Франции нельзя возвратиться к тому же и сознаться, что она попусту проливала кровь свою, бесилась и страдала четверть века».

Если князь Вяземский причины нестабильности усматривал в представительном правлении, то для Владимира Строева они курились в менталитете и нравах французов, в их честолюбии и жажде обогащения: «Много вредит парижанам их непомерное честолюбие. Пути к почестям, к высшим достоинствам открыты для всех <...> Всяк хочет быть первым, начальствовать, управлять, забывая, что на такое огромное число начальников не достанет наконец подчиненных». Причину честолюбия Строев усматривал в «бесконечных переворотах, потрясавших Францию, и доставивших известность таким людям, которые, казалось, родились для горького забвения. Давно ли Тьер жил бедняком в маленьком провинциальном городе? Давно ли знаменитая Рашиль (Элиза Рашиль – известная французская трагическая актриса, родилась в семье странствующих артистов и торговцев. – Прим. авт.) сбирала милостыню, с гитарою в руках? Такие примеры сильно действуют на французов <...> Все они мечтят в маршалы, в министры; от этого французская молодежь живет в вечном беспокойстве, в нервическом движении...». Непомерное честолюбие, по мнению Строева, влекло за собой и другое зло – чрезвычайную жажду золота: «Кратчайший путь в министры идет через депутатство; нельзя быть министром, не быв депутатом, а нельзя быть депутатом, не быв богатым человеком <...> Стало быть, парижские честолюбцы, стремящиеся в депутаты, непременно должны начать свое поприще обогащением».

ПРЕЛЕСТЬ ПРИВЫЧКИ

Как видим, и на уровне быта, и на уровне политической системы, и на уровне нравов Париж и парижане оставили весьма противоречивые впечатления у наших соотечественников. Вяземскому и «бороду долго бреют», и «белый хлеб не хорош», и «муроженое снеговато», и «портные здешние мучители», но все это, по-видимому, мелкие придирки. Скорее всего, на восприятие французской столицы князем Петром Андреевичем наложили отпечаток его личные проблемы, смерть детей – поэтому у него нет такой радости от Парижа. Хотя, подводя «общий итог здешней недели», князь делает такой вывод: «...я далеко не обворожен, хотя многое и нравится. Но по уму и соображениям полагаю, что здешнее житье должно со временем иметь большую и непобедимую прелесть привычки... Чувствуешь, что здесь можно жить как хочешь». Однако общее впечатление – скорее, разочарование, несоответствие «книжному идеалу». В письме жене Вяземский писал: «Англия – рай человеческий, рай рукотворный, умоторвный, как Италия – рай небесный. Только эти две страны и стоят чего-нибудь, а все прочее хоть потопом залей». Франция, как «земля обетованная», для Вяземского больше не существовала.

Владимир Михайлович Стровев, обвиняя парижан в честолюбии и корыстолюбии, в то же время именно Париж выделял из европейских столиц за его способность соединять материальное и духовное: «В Лондоне люди слишком заражены меркантильностью и не умеют переноситься от дел к наслаждению. В Вене жизнь материальна, как в Москве. Париж соединяет материальную жизнь с умственную, и мастерски находит наслаждения, как в той, так и в другой». После Парижа он отправился путешествовать дальше: его ожидали Англия, Бельгия, Голландия, Швейцария и Италия.

У Михаила Петровича Погодина был схожий маршрут. 19 мая

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫЙ

1839 года он писал: «...мы не можем оставаться здесь больше двух недель, чтобы поспеть на воды по крайней мере к половине июня, заглянув на неделю в Англию, и неделю посвятив Бельгии, Голландии, Рейну. Надо хоть взглянуть на все». О Париже он вспоминал легко и непринужденно: «Кончил покупки, расчеты, и сказал прости любезному, умному, веселому, буйному и развратному Парижу!» Что касается князя Вяземского, то он еще вернется в Париж.

Ф. Жерар.
Чтение
прокламации
депутатов
в парижской
мэрии 31 июля
1830 года.
1836 год

Портрет
князя Петра
Андреевича
Вяземского.
1835 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫЙ

Утром 5 сентября 1838 года вместе с Александром Ивановичем Тургеневым он выехал через Булонь в Англию, где пробыл в Лондоне и Брайтоне до середины ноября. На обратном пути он вновь заехал в Париж, предполагая задержаться там всего на четыре дня, но пробыл около двух недель.

Следующее посещение Парижа состоялось очень скоро. Встретившись во Франкфурте-на-Майне с женой и дочерью и прожив там два месяца, в конце января 1839 года князь вместе с семьей направился в Париж, где доктора посоветовали ему продолжить лечение.

Однако пребывание в столице Франции окончилось для него служебной неприятностью. Его длительный отпуск подходил к концу, нужно было хлопотать о его продлении. Между тем в Петербурге стали смотреть на пребывание Вяземского в Париже как на развлечение и забаву, а не как на лечение. Непосредственный начальник Петра Андреевича, министр финансов граф Егор Францевич Канкрин, отказался хлопотать перед императором Николаем I о продолжении отпуска князя. В результате в начале апреля 1839 года Вяземский был вынужден спешно выехать из Парижа.

Надо сказать, что наши соотечественники успели побывать в Париже вовремя. В 1839–1840 годах обострился Восточный вопрос, спровоцировав осложнение российско-французских отношений и подняв русофобскую волну во Франции. Россия пошла на еще большее ограничение контактов с Европой: в 1840 году была повышена пошлина на оформление паспортов. Однако вряд ли это серьезно повлияло на отношение россиян к Франции и ее столице. И вовсе не важно, каков он, реальный Париж. Он давно уже живет в сознании людей как некий идеальный образ. Поэтому фраза «увидеть Париж и умереть» – бессмертна. А что ожидает путешественников на самом деле, что они увидят в Париже – зависит от них самих.

СНЫ И БУДНИ ИГУМЕНЬИ ТАИСИИ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ [ФОТО АВТОРА]

«ИДУ Я ГДЕ-ТО И ПОДХОЖУ К РЖАНОМУ ПОЛЮ; <...> РАЗДВИНУВ ПОСЛЕДНЮЮ ДОЛЮ РЖИ, ОСТАВАВШУЮСЯ ПЕРЕДО МНОЙ, РУКАМИ, Я УВИДЕЛА, ЧТО ПОЛЕ УЖЕ КОНЧИЛОСЬ, И ТУТ ЖЕ, СРЯДУ, НАЧИНАЕТСЯ ОГРОМНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОДЫ, КОТОРОМУ И КОНЦА НЕ ВИДНО; НО Я ПОЧЕМУ-ТО ЗНАЛА, ЧТО ЭТО ВОДА НАЛИВНАЯ, А НЕ САМОБЫТНАЯ».

ТАКОЙ СОН ПРИСНИЛСЯ будущей игуменье Леушинского монастыря Таисии за месяц до назначения на этот пост. Через четверть века после смерти настоятельницы обитель затопили водами Рыбинского водохра-

нилища. Плоды многолетних трудов игумены и, вероятно, ее могила остались на дне рукотворного моря. Возглавив в 1881 году Леушинскую женскую общину, располагавшуюся неподалеку от Череповца (в то время город входил

в состав Новгородской губернии, сегодня – в составе Вологодской области. – Прим. ред.), Таисия превратила ее в один из трех крупнейших женских монастырей в России. Судьбой обители интересовались император Николай II и его супруга, неоднократно встречавшиеся с игуменьей. Монастырю покровительствовал известный священник и проповедник Иоанн Кронштадтский. Обитель снимал пионер цветной фотографии Сергей Прокудин-Горский. В 2025 году исполнилось 110 лет со дня смерти игумены Таисии, в честь чего в Череповце и селе Мякса на берегу Рыбинского водохранилища, где возрождается Леушинская обитель, прошли церковные службы, конференции и концерты.

«ПЕРЕВОРОТ БЫЛ СДЕЛАН НА ВСЮ ЖИЗНЬ»

Таисия (в миру – Мария Васильевна Соловьева) родилась в Санкт-Петербурге в 1842 году. Отец ее, Василий Васильевич, был потомственным дворянином Боровичского уезда Новгородской области, а мать, Виктория Дмитриевна, происходила из рода Пушкиных. В своих записках Таисия называла себя «счастливой Марией, Богом дарованной на утешение скорбной матери»: рождавшиеся в семье до нее дети умирали во младенчестве. Воспоминания Таисии почти в равной степени перемежаются повествованием о реальной жизни и пересказом снов и прозрений, которые повлияли практически на все важные

решения в ее жизни. В 13 лет ученице Павловского женского сиротского института случились два видения, которые совершили переворот в ее душе и подсказали жизненный путь. Рассказать об этих божественных снах она решилась только священнику. «Он поцеловал меня в голову и сказал: «Это твое призвание, храни эту тайну, а Господь сам довершил свое дело», – вспоминала она позднее. – После этого мне стало как-то легче вращаться с людьми; но переворот уже был сделан на всю жизнь. Я чувствовала какую-то тесноту души, сознавала, что не могу жить общепринятым образом жизни». Этот особенный склад души замечали и подруги по институту. Однокурсница будущей игумении, Надежда Байкова (в замужестве Лухманова), вспоминала, что Мария Солопова вызывала насмешки других девочек, ее называли «Салопихой», «монахиней», «святошей», кривобокой и подслеповатой. Удивлялись ее странным речам на возвышенные темы, болезненности, частым обморокам и слезам. Однако, пишет однокурсница, когда «Салопиха» заболела надолго, все девочки в классе вдруг ощутили, как им

Духовный путь Мария Солопова, родившаяся в светской семье, выбрала в юности

ее не хватает, и отправились на вестить больную подругу. Незадолго до окончания института Мария призналась однокурсницам, что отправляется в монастырь. «Я как подумаю, что там звонит колокол! – приводит ее слова Надежда Лухманова. – Рано, в четыре часа, уже звонит к заутрене. Как только глаза откроешь, уже кругом все крестятся, молитву творят. А службы долгие, поют там хорошо. Я ведь убогонькая: ни шить, ни работать не могу, вот я и буду целый день молиться». Мать не сразу согласилась с желанием Марии уйти в мо-

Главный
леушинский
храм поражал
архитектурой
и иконостасом

настырь, но дочь настояла на своем. Распродав свое имущество, она поступила в 1860-х годах в Тихвинский Введенский монастырь. В 1870-м Мария была пострижена в рясофор с именем Аркадия. А через два года она перешла в Зверин-Покровский монастырь в Великом Новгороде, где подвизалась шесть лет, исполняя послушание регента.

В 1878 году инокиня Аркадия была переведена на должность казначеи в Званский Знаменский монастырь (село Званка, в 55 верстах от Великого Новгорода. – Прим. ред.). В этой обители 10 мая 1879 года инокиня Аркадия была пострижена в мантию (малую схиму) с наречением имени Таисия.

«УЗРЕТЬ ТЕБЯ, НАШ ЦАРЬ, ПОМАЗАННИК СВЯТОЙ»

В 1881 году, когда игуменья Таисия возглавила Леушинскую женскую общину, в ней действовали два храма. В 1885-м община была преобразована в монастырь, в 1903 году его причислили к 1-му классу. К этому времени обитель имела пять храмов, два скита и девять подворий.

Труды и заботы игумении распространялись не только на Леушину. Одиннадцать монастырей, три скита, пятнадцать подворий прямо или опосредованно были обязаны настоятельнице Таисии своим сущес-

За тридцать лет
до затопления
Леушину
посетил
пioner цветной
фотографии
Сергей
Прокудин-
Горский

ствованием и процветанием. Речь идет об обителях в Архангельской, Псковской, Новгородской, Ярославской и других областях России. «Ниццей храмоздательницей» назовет она себя в духовном завещании.

Уникален вклад игумены Таисии в развитие образования, в особенности среди крестьян. Спустя несколько месяцев после назначения настоятельницей она открыла в одном из монастырских корпусов школу для детей деревни Леушино. Впоследствии ее трудами было создано несколько учебных заведений, включая гремевшую на всю Россию Леушинскую церковно-учительскую школу. Игуменья Таисия стремилась дать образование и востребованную профессию детям из малоимущих семей и сиротам.

Были у нее и недруги – в основном помещики, недовольные активностью игуменьи и уважением, которым она пользовалась у крестьян. Построенные школы жгли и разрушали. Но дело шло. В немалой степени в этом Таисии помогало знакомство с императором и императрицей.

Комнатной девушкой при царской семье состояла череповчанка Анна Демидова. Она была выпускницей Леушинской школы, так что об этом месте и его уникальных традициях рукоделия императорская семья знала. Игуменья Таисия семь раз встречалась с императором и его супругой, получала финансирование для воссоздания того или иного монастыря, а также личные подарки. Во время одной из встреч, в 1912 году, игуменью посадили между императором и императрицей, и она поднесла Николаю II свое стихотворение, которое, по воспоминаниям Таисии, заставило его прослезиться.

Давно уже, давно всем сердцем
я стремилась

Узреть Тебя, наш Царь,
Помазанник святой...

И вот, под старость лет,
желанное свершилось,

И я, раба Твоя, стою перед Тобой!

Игуменью Таисию называют духовной дочерью легендарного Иоанна Кронштадтского

«ИЗВЕДАЛА ВЕСЬ ТРУД НИЦЦЕЙ ХРАМОЗДАТЕЛЬНИЦЫ»

Игуменья Таисия скончалась в 1915 году после продолжительной болезни. По ее распоряжению при погребении было прочитано духовное завещание настоятельницы.

«Не плачте обо мне, дорогие мои сестры, чада моя, радосте и венче мой! не расстаюсь я с вами духом, не расстаюсь, но только временно отлучаюсь от вас и то только телом, души же наши всегда будут в общении, вы будете поминать меня, о чем усердно молю вас. [...] Не погрешу, сказав, что все храмы оби-

тели, все подворья ее и здания пропитаны обильно слезами моими. Я, в буквальном смысле, изведала весь труд ниццей храмоздательницы, всю скорбь основательницы монастыря. Но, видно, такова была воля Божия!»

Немалую часть духовного завещания игуменья Таисия посвящает финансовому вопросу и наследству, указывая на то, что возможные упреки в корысти для нее, вершившей большие дела, одни из самых болезненных. «Сотни и тысячи проходили через мои руки на созидание величественных наших храмов и других построек, но меня хранил Господь от казенной копейки, чиста в ней рука моя, чиста и душа моя, и «мне да не будет хвалиться токмо о кресте», понесенном во имя Господа моего, о кресте нищеты, скудости, труда и терпения, как неразлучных спутников моих по делам устройства обители», – написала она.

Таисия назвала себя нестяжательной инокиней, не скопившей материального наследства, но кое-какие распоряжения в духовном завещании сделала.

«Денег себе не собирала, не хранила, напротив – последнюю копейку отдавала; правда – трудно

Леушинская
женская школа
при жизни
игумены Таисии
гремела на всю
Россию

На протяжении десяти лет в селе Мякса на берегу Рыбинского водохранилища восстанавливают монастырь

иногда бывало в нужде, но за то легко готовиться к исходу в вечность, – ничто не удерживает, – пишет игуменья. – Деньги, какие я имела при поступлении

в монастырь, какие я приобретала рукодельем или книгами, или какие мне давали благодетели, – все употребляла на общую потребу. Остались у меня

2 выигрышных билета, я нарочно хранила их для Леушинской и Ферапонтовской обители по билету, если Господу угодно оказать им через то милость. Единственное стяжение мое – иконы и книги. Книги – полную библиотеку – завещаю Леушинскому монастырю на общую пользу. Иконы, если не успею раздать сама между сестрами, то представляю сделать это монахине Агнии: лучшие поместить в церковь, а остальные раздать в молитвенную память сестрам». Игуменью волнует не только судьба библиотеки и выигрышных билетов. В ее завещании нетрудно разглядеть и беспокойство о судьбе обители и всей страны. «И сам Господь и все апостолы многообразно предупреждают нас, что в последнее время восстанут вольцы хищницы, чтобы прельстить, «аще возможно и избранныя», но не слушайте никого, будьте тверды в вере и любви ко Господу нашему Сладчайшему Иисусу, коего

За 34 года
Таисия
превратила
женскую общину
в первоклассный
монастырь.
1909 год

вы носите в сердцах своих», — призывала она своих монахинь и всех верующих.

А что с могилой игумены Таисии? После смерти она была похоронена в склепе в соборе Похвалы Богородицы Леушинского монастыря, в правом приделе — так гласят документы. Остался ли склеп на дне водохранилища? Да, вероятно. Но есть и другие версии. Например, одна из них говорит о том, что останки настоятельницы были перезахоронены сестрами монастыря в другом месте. Время на это у монахинь было, храмы обители окончательно закрыли лишь в 1941 году.

«Не исключено, что последний покой многострадальная настоятельница обрела на монастырском кладбище в Успенском скиту, — пишет автор фундаментального исследования, посвященного игуменье Таисии, Михаил Мальцев. — Есть и другое мнение. Рассказывают, что леушинские инокини, проживавшие в деревне Романово Череповецкого района, многие годы прятали у себя нетленные мощи какой-то монахини, возможно, игумены Таисии, и не задолго до своей кончины попросили похоронить их в сенях одного из домов».

«ВОДА СТАЛА МЕЛЕТЬ...»

Предсказания настоятельницы сбылись. «Волцы» пришли и закрыли Леушинскую обитель, а спустя десятилетия монастырь был затоплен при строительстве Рыбинского водохранилища. В год 100-летия преставления игумены в селе Мякса, на берегу этого самого водохранилища, возник Новолеушинский Иоанно-Предтеченский женский монастырь. Вскоре в нем началась монашеская жизнь.

Масштабом и великолепием Леушинского монастыря новая обитель пока похвастаться не может. Помимо двух храмов, в одном из которых располагается воскресная школа, здесь имеются келейный корпус, гаражи и два непригодных для проживания дома. Игуменьей

Новолеушинским монастырем в Мяксе руководит матушка Кирилла (крайняя слева)

с момента возникновения монастыря стала матушка Кирилла (Червова), приехавшая в Вологодский край из Карелии. Деньги на жизнь монастыря собираются по крупиночке, как когда-то собирала их игуменья Таисия. Несмотря на трудности с обустройством быта, уже в первый год существования новой обители здесь было 10 насельниц, сегодня их число продолжает расти.

Монахини и трудницы ведут хозяйство, занимаются огородом и теплицей, делают заготовки. Игуменью Таисию ежедневно поминают в молитвах, стараются жить по ее заветам, содержащимся в «Письмах к новоначальной инокине». Подъем в половине шестого утра, в шесть

часов начинаются молитвы — читают монашеское правило. С половины девятого — Божественная литургия, потом трапеза, а после этого послушание, труды и прочее.

«Сподобиться монашеского — ангельского — чина, подражать ангелам сложно, ответственно и трудно, — говорит настоятельница, отвечая на наш вопрос о том, что побуждает людей уходить в монастырь. — Это только кажется, что за монастырской оградой тихо, спокойно и сюда бегут от проблем. В монастыре как на передовой, постоянно идет невидимая брань с врагом рода человеческого».

Община монастыря старается как может возрождать объекты и традиции Леушинского мона-

К 110-летию со дня кончины Таисии в Череповце прошла череда мероприятий с участием духовенства, ученых, педагогов

стыря. Два года назад отстроили заново чайный домик, в котором при Таисии находили отдых паломники. Он в точности повторяет облик монастырского строения, которое можно увидеть на старых фотографиях. В нем размещен музей Леушинской обители, среди экспонатов – образцы удивительного монастырского ткачества и стеганых одеял. Это искусство возрождается и в Новолеушинском монастыре, мастерицы проводят занятия для всех желающих. Экспонаты в музей передают потомки местных жителей, которые находят леушинские вещи на чердаках домов своих предков. Пополняет коллекцию и Рыбинское водохранилище: в период обмеления можно добраться до того места, где когда-то стоял Леушинский монастырь. Один из музеиных экспонатов – настоящий леушинский изразец – не под стеклом лежит, а использован в облицовке печки наряду с изразцами-новоделами.

Об игуменье Таисии помнят не только в Мяксе. В Санкт-Петербурге продолжает действовать подворье Леушинского женского монастыря. В Череповце на трех зданиях размещены мемориальные доски, посвященные игуменье. В том числе на доме, где произошла ее первая встреча с Иоанном Кронштадтским, а также на привокзальной церкви, которую они

Раз в несколько лет водохранилище мелеет, допуская людей к местам, где стоял монастырь

В последние годы игуменью Таисию открывают как духовную писательницу

освящали вместе. Череповецкая епархия продолжает работу по канонизации игуменьи Таисии, ведутся разговоры об установке памятника настоятельнице.

«Если пребудете в вере и любви к Господу, то Господь пребудет с вами и сохранит обитель вашу, как хранил доселе», – напутствовала она тех, кто остался в монастыре после нее. И правда, ведь в вещем сне будущей игумены так и было: ржаное поле, потом наливное море, а следом – снова твердая земля...

«Чем дальше, тем глубже, и я стала бояться утонуть, так как плавать не умею, а вода покрывала меня по шею, – вспоминала она свое видение. – Вдруг сверху, как бы с неба, упал прямо мне в руку (правую) настоятельский посох <...> С помощью этого посоха я шла далее водой, и, наконец, вода стала мелеть, скоро показался луг зеленый и невдалеке белокаменная ограда, в которой виднелись храмы и корпуса, то-есть монастырь».

«В НЕМ УМ КОРЕННОЙ РУССКИЙ»

АВТОР

ОЛЬГА ДЯТКО

НЕЗАДОЛГО ДО СМЕРТИ ДЕНИС ИВАНОВИЧ ФОНВИЗИН НАЧАЛ ПИСАТЬ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ТРУД – «ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ДЕЛАХ МОИХ И ПОМЫШЛЕНИЯХ». В ЭТОЙ НЕОКОНЧЕННОЙ ИСПОВЕДИ «СЕВЕРНОГО МОЛЬЕРА» ЕСТЬ ОЧЕНЬ ГОРЬКИЕ СТРОКИ: «МОЛОДЫЕ ЛЮДИ! НЕ ДУМАЙТЕ, ЧТОБ ОСТРЫЕ СЛОВА ВАШИ СОСТАВИЛИ ВАШУ ИСТИННУЮ СЛАВУ; ОСТАНОВИТЕ ДЕРЗОСТЬ УМА ВАШЕГО И ЗНАЙТЕ, ЧТО ПОХВАЛА, ВАМ ПРИПИСЫВАЕМАЯ, ЕСТЬ ДЛЯ ВАС СУЩДЯ ОТРАВА; А ОСОБЛИВО, ЕСЛИ ЧУВСТВУЕТЕ СКЛОННОСТЬ К САТИРЕ, УКРОЩАЙТЕ ЕЕ ВСЕМИ СИЛАМИ ВАШИМИ: ИБО И ВЫ, БЕЗ СОМНЕНИЯ, ПОДВЕРЖЕНЫ БУДЕТЕ ОДИНАКОЙ СУДЬБЕ СО МНОЮ. МЕНЯ СТАЛИ СКОРО БОЯТЬСЯ, ПОТОМ НЕНАВИДЕТЬ; И Я, ВМЕСТО ТОГО ЧТОБ ПРИВЛЕЧЬ К СЕБЕ ЛЮДЕЙ, ОТГОНЯЛ ИХ ОТ СЕБЯ И СЛОВАМИ И ПЕРОМ».

СУДЬБА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО не раз испытывала Фонвизина на прочность, но в последние три года его жизни несчастья сыпались со всех сторон. Тяжело больной драматург остро переживал гонения, обрушившиеся на его друзей и коллег. В 1790 году Александра Радищева сослали в Сибирь, а тираж «Путешествия из Петербурга в Москву» почти полностью уничтожили. В январе следующего года скончался автор «Вадима Новгородского» Яков Княжнин: по Петербургу ползли темные слухи, что умер он под розгами в Тайной канцелярии. Летом 1792-го однокашника литератора – Николая Новикова – отправили в Шлиссельбургскую крепость, а в доме директора Московского университета Павла Фонвизина (родного брата сатирика) провели обыск. Сам же Денис Иванович пережил в 1791 году четыре апоплексических удара. Правая сторона его тела была парализована, говорил Фонвизин невнятно и с трудом, но, к счастью, до последних дней сохранил ясный ум и способность работать...

ПОТОМOK РЫЦАРЯ

До середины XIX века фамилия рода писалась Фон-Визен или Фон-Визин. Так, князь Петр Андреевич Вяземский, закончивший в 1830 году первое серьезное жизнеописание драматурга, писал фамилию Дениса Ивановича «Фон-Визин». А вот Пушкин еще в ноябре 1824 года напоминал брату Льву: «Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин. Что он за нехрист? Он русский, из перепрussких русский».

Предок Фонвизиных, рыцарь Ливонского ордена барон Петр фон Визин, попал в русский плен во время Ливонской войны. Он остался на службе у Ивана Грозного, но не отказался от лютеранства. В православную веру перешел служивший царю Алексею Михайловичу внук барона, принявший в крещении имя Афанасий.

Денис Фонвизин родился в Москве 3 апреля 1745 года. Отец его,

Иван Андреевич, служил в Ревизион-коллегии (аналог современной Счетной палаты. – Прим. ред.). Как писал драматург в «Чистосердечном признании», отец был человеком «большого здравого рассудка, но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя ученьем». Он много читал, особенно любил труды по древней и римской истории, «мнения Цицероновы и прочие хорошие переводы нравоучительных книг». Иван Андреевич взял отец не брал, был человек «добродетельный и истинный христианин, любил правду и так не терпел лжи, что всегда краснел, когда кто-то лгать при нем не устыжался». Литератор Семен Брилиант, издавший в 1892 году очерк «Фон-Визин: его жизнь и литературная деятельность» (ознакомиться с ним можно на сайте Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина. – Прим. ред.), отмечал, что Иван Андреевич «был одним из тех, которые ревностно шли и вели своих детей по пути, указанному великим преобразователем (Петром I. – Прим. ред.). Служба отца, его характер и семейная жизнь – все свидетельствует о том, что и прошлый век, который привыкли считать вконец

Мундир профессоров Московского университета времен Екатерины II

А.А. Барсов.
Собрание
4291 древних
российских
пословиц.
1770 год.
Титульный лист

испорченным, сохранял свои здоровые элементы». Фонвизин пишет, что «не помнил себя неграмотным»: в 4 года отец научил его читать. «Как скоро я выучился читать, так отец мой у крестов заставлял меня читать. Сему обязан я, если имею в российском языке некоторое знание. Ибо, читая церковные книги, ознакомился я с славянским языком, без чего россий-

ского языка и знать невозможно. Я должен благодарить родителя моего за то, что он весьма применял мое чтение, и бывало, когда я стану читать бегло: «Перестань молоть, – кричал он мне, – или ты думаешь, что Богу приятно твое бормотанье?»

В 1755 году отец записал Дениса и его брата-погодка Павла в гимназию при Московском университете, только что открывшем свои двери для обучения дворян и разночинцев. Вместе с Фонвизиным за парты сели будущие издатель и публицист Николай Новиков, генерал-фельдмаршал Григорий Потемкин, дипломаты Яков Булгаков и Аркадий Морков. Ученикам преподавали иностранные языки, арифметику, алгебру, географию, геометрию, философию, риторику, историю, Закон Божий и военные науки. Желающие могли обучаться фехтованию, музыке и танцам. Через четыре года Фонвизина «зачислили в студенты» философского факультета.

В «Чистосердечном признании» Денис Иванович с благодарностью вспоминал преподавателей университета, прививавших воспитанникам «вкус к словесным наукам». Среди них в первую очередь стоит назвать профессора красноречия, магистра философии, поэта и переводчика Николая Никитича Поповского. Он, кстати, настаивал на преподавании философии не на латыни, как тогда было принято, а на русском языке. Скончавшегося в 32 года Поповского сменил талантливый лингвист и переводчик Антон Алексеевич Барсов. Ученики любили, но побаивались этого острого на язык знатока фольклора (в 1770 году Барсов издал «Собрание 4291 древних российских пословиц»). Нужно вспомнить и поэта, писателя и драматурга Михаила Матвеевича Хераскова, работавшего в университете с 1756 года сначала асессором, а позже директором. Он возглавлял университетскую библиотеку, руководил студенческим театром, был попечителем типографии при этом учебном заведении.

Вид Воскресенских ворот и здания Главной аптеки в XVIII веке, где первоначально располагались Московский университет и гимназия, в которой учился Денис Фонвизин. Теперь на этом месте Исторический музей

ВЫБОР ПУТИ

Денис и Павел Фонвизины учились прекрасно. В 1760 году оба брата оказались в числе лучших учеников, награжденных поездкой в столицу. В Петербург они отправились вместе с директором университета Иваном Мелиссино. Здесь их принял куратор и покровитель Московского университета Иван Иванович Шувалов. Воспоминания об этом приеме остались у Фонвизина на всю жизнь. Взял его за руку, Шувалов подвел Дениса к человеку, вид которого сразу обратил на себя «почтительное внимание» юноши. Это был сам Михаил Васильевич Ломоносов! Он спросил у студента, чему тот научился, и «красноречиво стал говорить о пользе латинского языка». Еще одним потрясением в Петербурге стало посещение придворного театра. «Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно, — вспоминал Фонвизин. — Комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров — великими людьми...». В столице юноша также познакомился с основоположником русского профессионального театра Федором Волковым и известным актером Иваном Дмитревским, ставшим ему верным другом.

Вернувшись в Москву, Фонвизин становится активным участником студенческого театра и пробует свои силы в переводах. Уже летом 1761 года вышли переведенные им «Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Гольберга» (Людвиг Хольберг — основоположник новой датской и норвежской литературы. Именно его комедия «Генрих и Пернила» восхитила юношу в Петербурге. — Прим. ред.). «Басни» пользовались популярностью и позже дважды переиздавались. На талантливого юношу обратил внимание Херасков и привлек его к работе в университетских изданиях.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ф.С. Рокотов.
Портрет
Ивана
Ивановича
Шувалова.
Конец 1750-х —
начало 1760-х
годов

Отучившись два года на философском факультете, Фонвизин, которого не привлекала военная стезя, решает стать дипломатом. Осенью 1762 года после «испытания» на знание иностранных языков вице-канцлер князь Александр Голицын отправил в университет промеморию (официальную бумагу. — Прим. ред.), в которой предписывалось направить Фонвизина для службы в Иностранную коллегию. Денис Иванович быстро зарекомендовал себя как хороший переводчик и расторопный чиновник. Уже в декабре 1762 года ему поручили небольшую дипломатическую миссию: отправиться в Германию, чтобы вручить орден герцогине Мекленбург-Шверинской. Так началась служба Фонвизина в Петербурге, а вместе с ней завязывались литературные знакомства и появлялись новые связи.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

И.-К. Майр.
Портрет
Михаила
Матвеевича
Хераскова.
1790-е годы

УСПЕХ «БРИГАДИРА»

Службу в коллегии Фонвизин совмещал с литературной работой. Готовил к изданию перевод романа Жан-Жака Бартелеми «Любовь Кариты и Полидора», трудился над переводом «Геройской добродетели, или Жизни Сифа, царя египетского» Жана Террасона, закончил переводить трагедию Вольтера «Альзира». Последнюю он преподнес фавориту императрицы графу Григорию Орлову. Слух о новом талантливом переводчике быстро разлетелся по светским салонам. Фонвизином заинтересовался влиятельный вельможа, кабинет-министр императрицы Иван Перфильевич Елагин. Дело решилось быстро: в октябре 1763 года указом Екатерины II Фонвизин был назначен «состоять при кабинет-министре».

Интерес Елагина к молодому чиновнику был неслучайен: просвещенный аристократ, масон, поэт и философ живо интересовался театральным искусством, сам писал комедии и в 1766 году получил пост директора Императорских театров. В то время практически все российские пьесы являлись переводами или переработкой западных комедий и трагедий. Елагин же стремился найти новые пути развития отечественного театра и привечал талантливую молодежь, пробовавшую силы в литературе. Так сложился елагинский кружок: секретари кабинет-министра Денис Фонвизин и Владимир Лукин, переводчики Федор Козловский и Богдан Ельчанинов. На первых порах «елагинцы» шли по проторенной дорожке: перерабатывали иностранные пьесы. Так, в 1764 году на сцене появилась комедия Фонвизина «Корион» (перевожение «Сиднея и Силли» Жана-Батиста-Луи Грессе). Денис Иванович представлял «на суд Елагина все свои произведения, а во время отлучек в Москву, к родным, переписывался с ним и посыпал рукописи на просмотр». Службой вельможа его особо не утруждал. Омрачали положение лишь трения с Лукиным, отношения с ко-

торым стали настолько враждебными, что Фонвизин всерьез подумывал об отставке. Но это не входило в планы Елагина: в 1768 году он предоставил своему секретарю полугодичный отпуск. Фонвизин уехал в Москву. Здесь он завершил работу над «Бригадиром» – первой истинно русской комедией. Правда, на театральную сцену она попала не сразу.

Сначала «Бригадир» завоевал популярность благодаря авторскому чтению в московских и петербургских салонах и домах друзей Фонвизина. Наконец слухи о комедии дошли и до двора. В июне 1769 года в Петергофе Денис Иванович читал «Бригадира» императрице Екатерине II и ее приближенным, в числе которых был воспитатель наследника, глава Иностранный коллегии граф Никита Иванович Панин. Молодой человек заинтересовал графа и уже в конце 1769 года Фонвизин стал его секретарем. Как вспоминал Денис Иванович, его новый начальник был человеком «большого ума и характера, он был терпелив, благороден, тверд в своих мнениях и руководствовался благородными правилами как в политике, так и в личной жизни».

Что же до «Бригадира», то в августе 1772 года комедию поставили на сцене придворного театра в Царском Селе, в качестве актеров и актрис выступали «придворные фрейлины и кавалеры». Была ли это премь-

«Северный Мольер»

- Денис Иванович Фонвизин страдал близорукостью и пользовался лорнетом.
- Писатель любил музыку и неплохо играл на скрипке.
- Фонвизин был известен своим пристрастием к хорошей еде и изящным вещам. В своих письмах из-за границы он с юмором писал о том, как окружающих поражают его соболий сюртук с золотыми петлями, горностаевая муфта и перстень с крупным бриллиантом.
- Над первым словарем русского языка («Словарь Академии Российской») Фонвизин работал вместе с Г.Р. Державиным, М.М. Херасковым и другими известными литераторами и учеными.
- Создателю «Бригадира» и «Недоросля» Александр Пушкин посвятил стихотворение «Тень Фонвизина» и строфи в поэме «Евгений Онегин».
- Любопытно, что известен так называемый ранний «Недоросль». Текст этот, который относят к 1760-м годам, сильно отличается от пьесы Фонвизина. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, написан ли ранний «Недоросль» Фонвизиным или принадлежит перу неизвестного автора.
- Фигура Д.И. Фонвизина изображена на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде.

ра «Бригадира»? У исследователей нет однозначного ответа на этот вопрос. Зато известно, что позже комедия, которая довольно часто ставилась русскими театрами, неизменно пользовалась успехом у публики.

Д.И. Фонвизин читает «Бригадира». Силуэтный рисунок того времени

Иван Перфильевич Елагин. Портрет работы неизвестного художника

Работа у Панина увлекла Фонвизина: помимо дипломатической рутины он, сделавшись доверенным лицом графа, принимал участие в разработке государственных реформ. Панин был сторонником ограничения самодержавной власти, Фонвизин разделял его взгляды. Об этом в том числе свидетельствует так называемая Конституция Панина – Фонвизина («Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления и от того о зыблом состоянии как империи, так и самих государей»). О настроениях и идеях Панина императрица была осведомлена. Дождавшись совершеннолетия сына, она отстранила графа от воспитания цесаревича Павла, не поскупившись на щедре вознаграждение. Эту награду Никита Иванович разделил между своими ближайшими сотрудниками. Так Фонвизин в 1773 году стал помещиком, получив от начальника имение в Белоруссии с 1180 крепостными крестьянами. В следующем году Денис Иванович женился на вдове Екатерине Ивановне Хлоповой, принесшей в качестве приданого дом на Галерной улице Петербурга. Заметное улучшение материального состояния позволило супругам летом 1777 года отправиться в путешествие за границу.

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

Читать письма Фонвизина сестре Феодосии и друзьям, в которых он описывает путевые впечатления, любопытно и сегодня. Например, в Варшаве Фонвизина поразило, что «женщины одеваются как кто хочет, но по большей части странно. <...> Развращение в жизни дошло до крайности. Часто в компании найдешь мужа с двумя женами: с тою, с которой живет, и с тою, с которой развелся».

Из Германии писатель сообщает: «Дороги часто находил немощеными, но везде платил дорого за мостовую и когда по вытащении меня из грязи, требовали с меня денег за мостовую, то я осмеливался спрашивать: где она? На сие мне отвечали, что его светлость, владеющий государь, на мерен приказать мостиТЬ впередь. А теперь собирать деньги».

Фонвизин с юности мечтал побывать во Франции, но первые впечатления его явно разочаровали: «...въехали мы во Францию. Первый город Ландо, крепость знатная. При въезде в город ошибла нас мерзкая вонь, так что мы не могли уже никак усомниться, что приехали во Францию. Словом, о чистоте не имеют здесь нигде ниже понятия, – все изволят лить из окон на улицу, и кто не хочет задохнуться, тот, конечно, окна не отворяет».

А вот что пишет Денис Иванович о пребывании в Монпелье: «Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами! Удивиться должно, друг мой сестрица, какие здесь невежды. Дворянство, особливо, ни уха ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особыенным, нежели они. Человеческое воображение постигнуть не может, как при таком множестве способов к просвещению здешняя земля полнеонька невеждами. <...> А пропрос, забыл я сказать о здешнем концерте, то есть о французской музыке. Этаких козлов я и не слыхивал. Поют всего чаще хором. Жена всегда носит с со-

Портрет
Д.И. Фонвизина
из «Истории
русского театра»
(М., «Объединение», 1914)

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

бою хлопчатую бумагу: как скоро заблеют хором, то уши и затыкает». Удивил супругов и визит к одному из французских помещиков: «Пришли сказать, что кушанье поставлено. Мы сели за стол, покрытый скатертью с дырами; салфетки-же по крайней мере уже служили за осмью обедами, да столько же за ужинами. На оловянной посуде счастье можно было сквозь сколько рук она прошла: ибо всякого пальца знак напечатлен на ней остался...»

Зато Париж несколько примирил Фонвизина с действительностью. Здесь он прослушал курс лекций по физике профессора Бриссона, побывал на нескольких собраниях Академии наук, на одном из которых Денис Иванович си-

дел рядом с Вольтером. Фонвизина даже пригласили выступить перед учеными и писателями, и он прочитал доклад «О свойствах нашего языка». Кстати, его сообщение среди прочих слушал Бенджамин Франклайн – один из отцов-основателей США и первый посол этого государства во Франции. Обещал встретиться с Фонвизиным и его любимый писатель – Жан-Жак Руссо. Однако этому знакомству не суждено было состояться: знаменитый философ неожиданно скончался. Русского драматурга привел в восторг французский театр: Фонвизины каждый вечер посещали спектакли, «каких совершеннее быть не может». А еще Денис Иванович часами бродил по Парижу и с оторопью наблюдал публичные казни, во время которых толпа аплодировала палачу. Он возмущался тем, что увешанные бриллиантами куртизанки в роскошных каретах едут мимо многочисленных нищих, стоящих у домов и ждущих, когда «из седьмого этажа (ибо добрые люди живут на чердаках) им скинут в качестве милостыни кусок хлеба. «В первых же этажах обитают люди богатые с окаменелыми сердцами»...

Трудно не заметить, насколько внимателен взгляд Фонвизина, как трезво он оценивает все происходящее. Не зря князь Александр Вяземский дал такое определение заграничному настроению Фонвизина: «В нем ум коренной русский, который на чужбине как-то не у места...»

**«ЖИЗНЬ МОЯ
МНЕ В ТЯГОСТЬ...»**

Вернувшись из путешествия по Европе, Денис Иванович в начале 1782 года завершил работу над самой известной своей комедией – «Недоросль». Эта пьеса обеспечила ему «славу и вечное значение в русской литературе». Фонвизину тогда было около 40 лет – период полной зрелости ума, характера и таланта.

Между «Бригадиром» и «Недорослем» прошло шестнадцать лет жизни автора. Но, как и «Бригадир», вторая комедия Фонвизина тоже не сразу добралась

А. Рослин.
Портрет графа
Никиты
Ивановича
Панина.
1777 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

до сцены. Денис Иванович прибег к испытанному приему: начал читать пьесу в салонах Петербурга и Москвы. Любопытное описание такого чтения оставил Иван Пестель (отец декабриста Павла Пестеля; Фонвизин читал «Недоросля» в доме московского почт-директора Бориса Пестеля. – Прим. ред.): «Большое общество съехалось к обеду; любопытство гостей было так велико, что хозяин упросил автора, который сам был прекрасный актер, прочитать хоть одну сцену безотлагательно; он исполнил общее желание, но когда остановился после объяснения Простаковой с портным Тришкой об укороченном кафтане Митрофана, присутствовавшие так были заинтересованы, что просили продолжить чтение; несколько раз приносили и уносили кушанья со стола, и не прежде сели за стол, как комедия была прочитана до конца, а после обеда Дмитревской, по общему требованию, должен был опять читать ее сначала».

Правда, восторг петербургского и московского света не разделяли цензоры. Но с дозволения императрицы «Недоросль» все же был поставлен в столице. 24 сентября 1782 года его исполнили придворные актеры на сцене Вольного российского театра (Театр Карла Книпера). Постановка име-

ключился к работе над первым словарем русского языка, который составляла учрежденная в 1783 году Российская академия, возглавляемая княгиней Екатериной Дашковой. Также Фонвизин пытался издавать журнал «Друг честных людей, или Стадорум», но разрешения на это не получил. Подготовленные им статьи появились в печати уже после смерти писателя.

Под конец жизни тяжело больной драматург оказался на грани нищеты, но не терял присутствия духа. Вот как описывал знакомство с Фонвизиным писатель Иван Дмитриев. Встреча состоялась 30 ноября 1792 года в доме Гаврилы Романовича Державина. «Увидя его в первый раз, я вздрогнул и почувствовал всю бедность и тщету человеческую, – вспоминал Дмитриев. – Он вступил в кабинет Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами...» Уже он не мог владеть одной рукой, равно и одна нога одеревенела. «...» Говорил с крайним усилием и каждое слово произносил голосом охрипым и диким; но большие глаза его быстро сверкали. «...» Фонвизин сказал хозяину, что он привез показать ему новую свою комедию «Гофмейстер». Хозяин и хозяйка изъявили желание выслушать эту новость. Он подал знак одному из своих возжатых, и тот прочитал комедию одним духом. В продолжение чтения автор глазами, киваньем головы, движением здоровой руки подкреплял силу тех выражений, которые самому ему нравились. Игровость ума не оставляла его и при болезненном состоянии тела. Несмотря на трудность рассказа, он заставлял нас не однажды смеяться. «...» Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а наутро он уже был в гробе!» Денис Иванович Фонвизин, скончавшийся 1 декабря 1792 года, был похоронен в Александро-Невской лавре.

Фронтиспись
и титульный лист
Полного
собрания
сочинений
Д.И. Фонвизина.
1838 год

«Недоросль»
в постановке
любительского
театра. Москва.
1880-е годы.
Действие пятое,
явление VII.
Стародум:
«Вот злонравия
достойные
плоды!»

ЧЕЛОВЕК С МОЛОТОЧКОМ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

АНТОН ЧЕХОВ НЕ ЛЮБИЛ ФИЛОСОФИЮ И НЕРЕДКО ИРОНИЗИРОВАЛ НАД СВОИМИ ФИЛОСОФСТВУЮЩИМИ ГЕРОЯМИ. ОДНАКО В НЕМ САМОМ СТРАННЫМ ОБРАЗОМ УЖИВАЛИСЬ ЧЕЛОВЕК-СТОИК И ХУДОЖНИК-ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТ, ЧЕЛОВЕК-ТРУЖЕНИК И УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ. НЕ ПРОПОВЕДНИК, НЕ ПЛАМЕННЫЙ ОБЛИЧИТЕЛЬ, НО ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОКОРЯЕТ СОБСТВЕННЫМ ПРИМЕРОМ, ВСЕЙ СВОЕЙ БИОГРАФИЕЙ.

ГОВОРЯТ, ВСЕ ИДЕТ ИЗ детства. Но что там в этом детстве было – поди разберись. Слишком велик риск неверных интерпретаций. Философ Лев Шестов писал: «Обстоятельной биографии Чехова мы еще не имеем, да, вероятно, и иметь ее не будем по той причине, что обстоятельных биографий не бывает <...> Обыкновенно в жизнеописаниях нам рассказывают все, кроме того, что действительно важно было бы узнать». Понятно, что за художника всегда больше говорит его творчество. Но и оно растет из жизни. А сличать биографию с текстами – дело часто неблагодарное.

И все же осторожно попробую. Известные факты, которые всегда упоминают, пытаясь объяснить натуру и творчество Чехова, – крепостничество деда, тяжелая работа с детства в лавке отца – тирана и деспота. Дурной детерминизм истолковывает такое, конечно, слишком прямо-линейно: вот, дескать, какие тяготы и лишения сопровождали будущего великого писателя с самых ранних лет, не оттуда ли его надлом, пессимизм, отчаяние? Но – нет. Все гораздо сложнее.

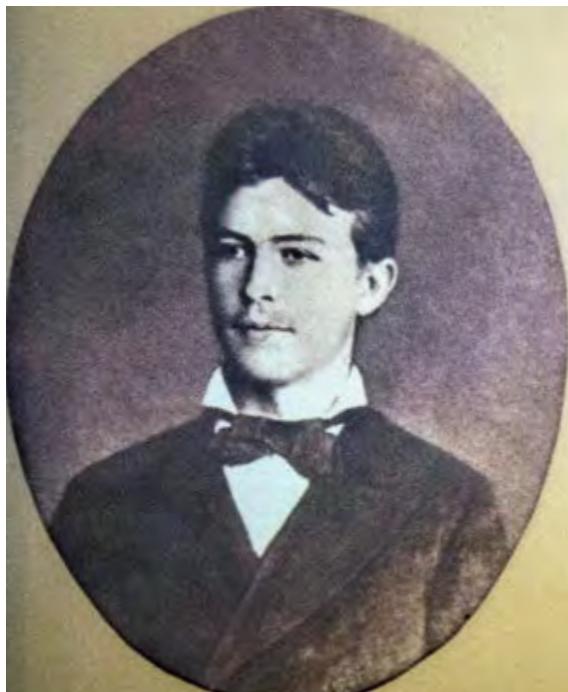
Родился Антон Чехов в 1860 году в совсем непростой семье. Да, дед был крепостным. И отец еще был крепостным до своих 16 лет. И будущий писатель мог родиться крепостным и прожить в несвободе целый год жизни. Но дед, Егор Михайлович, выкупил семью из крепостного состояния в 1841 году. Отец, Павел Егорович, пытался закрепить этот успех уходом в коммерцию. Обосновавшись в Таганроге, он сначала служил у купца Кобылина, скопил капитал, а потом и сам открыл дело, стал купцом третьей гильдии. Дела, правда, шли неважно. Зато Павел Егорыч, как человек, вынужденный самостоятельно прокладывать себе дорогу, понимал ценность образования. И он вместе с супругой Евгенией Яковлевной честно старался создать дома соответствующую атмосферу. Детям нанимали учителей для изучения французского и музы-

Родители писателя: Евгения Яковлевна и Павел Егорович Чеховы

ки (сам глава семейства играл на скрипке). Всех устроили в гимназию. И не в какую-нибудь, а в греческую, наивно полагая, что там дают лучшее классическое образование. После, впрочем, поняв, что всякие отсылки к античной культуре всего лишь провинциальный трюк, учебное заведение детям поменяли. Дома устраивали театральные выступления. Но, конечно, большую роль в воспитании отец семейства возлагал на труд. Да, он привлекал детей к работе в своем магазине и не терпел отказов. И с этой трудотерапией действительно вышла промашка.

Поскольку предпринимателем Павел Егорыч был не самым удачливым, работа в лавке превращалась в никому не нужные дежурства. Дело было организовано так худо, что можно было хоть всех таганрогских мальчишек заставить работать за привалом, пользы бы не было. Тутто, может статься, маленький Антон и столкнулся впервые с экзистенциальным отчаянием, осознав, что бытие – это не только забота, но часто еще и забота бессмысленная, что труд не всегда только созидаителен, что часто, увы, бестолков. Вот это открытие, безусловно, повлияло и на мировоззрение Чехова, и, как следствие, на все его творчество, в котором тема подлинного труда, необходимости самореализации человека часто противопоставлена сизифо-

бу проклятию. Хорошо, что дети все-таки всегда дети. И не одной только учебой и «работой» в лавке жили Чеховы. Они охотились на тарантулов, бегали на речку купаться, ловили бычков, провожали и встречали пароходы, любовались закатами. И это тоже, конечно, отразилось в творчестве писателя: умение видеть красоту в обыденном сделало прозу Чехова лиричной и легкой как воздух.

Междуд тем в начале 1870-х годов в материальном плане все для Чеховых стало затягиваться в какой-то совсем уж тугой узел. Павел Егорыч задумал построить дом, но денег не было – взял кредит. А еще родитель связался не с теми людьми: строители содрали в тридорога, а сдела-

Антон Чехов.
1879 год.
Дом-музей
А.П. Чехова
в Ялте

Аттестат
зрелости
Антона Чехова,
выданный
в Таганрогской
гимназии.
Дом-музей
А.П. Чехова
в Москве

ли кое-как. Потом незадачливый предприниматель занял денег, чтобы купить новый товар, хотя торговля давно не шла. Дальше – больше. Чтобы выпутаться из долгов, отец доверился «добрим людям», которые пообещали помочь, а на деле только довершили разорение семьи. Павел Егорыч с женой и младшими детьми бежали от кредиторов в Москву, куда годом ранее уехали старшие сыновья, Александр и Николай.

Антон с младшим братом, Иваном, остался в Таганроге, чтобы окончить гимназию. Ивана сразу забрала к себе тетка, Антон же по милости нового владельца жил в прежнем доме как квартирант. Так 16-летний подросток столкнулся с новым испытанием – одиночеством и отсутствием поддержки. Семья рассчитывала на его помощь: уехавшие в столицу родные надеялись, что Антон сможет распродать хоть что-то из старых вещей и еще как-нибудь что-нибудь заработать. Мог ли только начинавший жить человек осознавать противоречивость положения, в котором он оказался? Да и полезно ли было такое осознавать? Тратить энергию молодости на переживания о несчастной судьбе – значит дать засосать себя какому-то случайному болоту. Антон Чехов принял новую реальность stoически, решив делать что должно, а там, как водится, будь что будет. Да, учился без особого рвения, много пропускал, зато учил других: давал частные уроки – обеспечивал себя и помогал семье. Порой ходил в театр – на галерку. Антон пристрастился к сценическому искусству рано и порой на какие только не шел ухищрения, чтобы попасть на новый спектакль. Кроме того, он много и увлеченно читал, о чем свидетельствуют его письма родным. Читал, кажется, совсем без системы: Бокля и Шопенгауэра, Шекспира и Сервантеса, Тургенева и Гончарова, «Стрекозу» и «Будильник». Но дело было, кажется, не во всеядности, а в жадности молодости, в желании охватить умом и сердцем все сразу.

В ПОИСКАХ ДЕЛА И СВОБОДЫ

Окончив гимназию, летом 1879 года Чехов перебирается в Москву. В материальном плане жизнь не становится легче. Положение родных все еще шаткое, и Антон, уже студент медицинского факультета Московского университета, фактически становится главой семьи. Он сбрасывает учебу с разной поденщиной. Причем и медицинские труды штудирует, и свои первые смешные рассказы пишет, по собственным словам, «в самых гнусных условиях»: «В соседней комнате кричит детиниш (так у Чехова. – Прим. ред.) приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери вслух «Запечатленного ангела»... Кто-то завел шкатулку, и я слышу «Елену Прекрасную»... <...> Постель моя занята приехавшим сродственником, который то и дело подходит ко мне и заводит речь о медицине. «У дочки, должно быть, резь в животе – оттого и кричит». А потом в тех же условиях Чехов и тяжелую врачебную практику сочетает с газетной рутиной. «Аллаху только известно, как трудно мне балансировать и как легко мне сорваться и потерять равновесие, – пишет он в конце 1885 года. – Заработай я в будущем месяце 20–30-ю рублями меньше, и, мне кажется, баланс пойдет к черту, я запутаюсь».

В таких обстоятельствах, в типах вечной необходимости

Антон Чехов –
студент
Московского
университета.
1881 год

Обложка
«Пестрых
рассказов»
с автографом
писателя.
Дом-музей
А.П. Чехова
в Москве

Перо, которым
Чехов писал
«Вишневый сад».
Дом-музей
А.П. Чехова
в Москве

трудно оторваться от земли и увидеть смысл в беспрестанной суете, все кажется мелким, ничтожным. И это в то самое время, когда ты молод и горишь желанием сделать что-то огромное и очень важное, когда хочется, чтобы жизнь была наполнена созидательным, осмысленным трудом, а литературные опыты не приходилось бы загонять в рамки требований копеечных газет. Что толку лечить крестьян, если после они вернутся к убивающей их пахоте ради куска хлеба? Что пользы в журнальных анекдотах, если нет возможности говорить о чем-то действительно серьезном? Разве что самому не умереть с голodom. Смутно оформившиеся в детстве догадки, что не всякая деятельность приносит даже простую пользу и тем более не всякое дело, даже выполненное со всем тщанием и высосав-

шее все соки, облагораживает душу, во взрослые годы принимают все более зримые формы непреодолимых противоречий. И противоречия эти неизбежно поставили вопрос о личной свободе и смысле существования. Ведь только по-настоящему свободный человек может создать что-то подлинно прекрасное. В 1889 году Чехов пишет Суворину, что чувство свободы только стало в нем разгораться, что ему, разночинцу, пришлось ценою молодости покупать то, что писатели-дворяне брали у природы даром. И в этом же письме Чехов предлагает идею рассказа о том, «как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимналист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...».

Но ведь мало заплатить молодостью. Мало обнаружить и развить талант. Нужно еще успеть

Рабочий
стол
писателя
в усадьбе
Мелихово

Портфель Чехова. Дом-музей А.П. Чехова в Москве

1889 года Чехов заканчивает «Скучную историю» – одно из самых страшных произведений русской литературы.

«Скучная история» – это не хоррор. Не социальная антиутопия, обличающая язвы и пороки. Не психологический ужас, в котором все сходят с ума. Но это полная в своем развитии картина отчаяния. По-настоящему страшно то, что ничто не спасает человека от бессмысленности небытия. Ни любимые люди, ни любимое дело, ни даже невероятный успех в любимом деле, ни признание общества, ни самостоятельно выработанное сложное мировоззрение, ни религия – ничто! Эта бессмысленность не щадит никого. Ни равнодушного обывателя, ни увлеченного наукой ученого. А весь ужас в том, что это даже не страшно и не чудовищно несправедливо, а только невероятно скучно. Было бы иначе, можно было хотя бы возопить, как ветхозаветный Иов, или броситься в схватку с судьбой, как Гамлет, – но в этом нет никакого смысла. И нет на это никаких сил. Сознание заволакивают апатия и раздражение. Какие жалкие плоды некогда яркой, насыщенной жизни!

Лев Шестов вспоминал, что об одном из своих героев Чехов писал, что он должен был «или действовать сейчас же, или же упасть на пол, кричать и биться головой о пол». По мысли философа, так писатель мог сказать о всех без исключения своих героях, но в большей степени о профессоре Николае Степановиче

сделать огромное и прекрасное. Потому что есть еще великий уравнитель – смерть, одна из составляющих трагической триады экзистенциализма. К Чехову уже подступила болезнь. Первое кровохарканье случилось еще в 1884 году. И все, что писатель мог тогда позволить, – это убедить себя в случайности происшедшего, не придать значения, забыть. Однако грозные симптомы стали возвращаться, а в

1888 году Чехов писал, что кашляет каждый сырой день. С весны 1889 года писатель наблюдает, как угасает брат Николай. Его смерть напомнила Антону Павловичу и о его, возможно, скорой участи. А ведь он, как ему самому казалось, еще ничего не сделал. Не написал романа. Не нашел «общей идеи». Не понял «великой цели человеческой жизни». Не обзавелся мировоззрением. И в сентябре

Дом на Садовой-Кудринской улице в Москве, где жил Антон Павлович Чехов. Сейчас здесь музей писателя

Кабинет писателя в доме на Садовой-Кудринской

«К общественной работе Антона Павловича относится и участие его во Всероссийской народной переписи 1897 года, – вспоминала сестра писателя, Мария Павловна. – <...> Ему выделили целую волость с шестнадцатью деревнями, в его распоряжении было пятнадцать счетчиков... У брата был специально выданный ему полотняный портфель в надписью «Перепись 1897»

из «Скучной истории». «Он был выдающимся ученым – теперь работа валится из его рук, – пишет Шестов. – <...> У него были друзья и товарищи, он любил своих учеников и помощников, свою жену, своих детей, теперь ему ровно ни до кого нет дела. <...> Он чувствует с ясностью, которой не достигал никогда в лучшие дни и часы своих прежних теоретических изысканий, что он стал преступником – ничего не преступив. Все, что он прежде делал, было хорошо, нужно, полезно. Он рассказывает о своем прошлом, и вы видите, что он всегда был прав и мог бы разрешить самому суровому судье во всякое время дня и ночи прийти к нему – проверить не только дела его, но и по мыслы. А теперь не только посторонний осудил бы его – он сам себя осуждает».

Или действовать, или упасть на пол и биться головой... Это ведь не о каком-то вымыщенном персонаже пишет Чехов. Это он себя так чувствует. От бесмысленности небытия, от страха смерти может спасти только дело. Настоящее, важное, нужное. Чехов ищет такое дело, ничего не удовлетворяет его, он ждет какого-то нового призыва. И наконец накануне своего тридцатилетия понимает, что должен отправиться на Сахалин.

Гостиная
в усадьбе
Мелихово

Мелихово.
Музей-усадьба
А.П. Чехова

СОШЕДШИЙ В АД

Затея этого странного паломничества, наверное, никто из окружения Чехова так и не понял. Отправляясь в такое далекое и трудное путешествие, имея слабое здоровье, отрывать себя от литературы, от близких – зачем? Родные отговаривали, друзья недоумевали, знакомые иронизировали. Сам Чехов то отшучивался, то уходил в какие-то странные объяснения: говорил, например, что предстоящей поездкой решил себя выдрессировать, так как разленился, а потом объяснял свое намерение желанием пережить хотя бы два таких дня, которые запомнились бы на всю жизнь.

Наконец Антона Павловича вывел из себя Суворин. Издатель

попытался убедить писателя, что его затея – блажь, что Сахалин никому не интересен. Чехов ответил пламенной речью: «Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. <...> в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку. <...> Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, разворачивали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей». Психиатр Франкл назвал бы порыв Чехова волей к смыслу. Писатель изо всех сил стремился не превратить свою собственную жизнь в «скучную историю», он не мог смириться с идейной растерянностью своего поколения и желал вырваться из аморфности окружающей действительности. К тому же помимо того, что сам писатель боялся, как бы его презрение к суетному и пустому не переросло в безразличие к истинно важному, Чехова все чаще обвиняли

Писатель с друзьями и родными перед отъездом на Сахалин

в равнодушии и беспринципности критики.

Перед поездкой Антон Павлович штудирует материалы по уголовному праву и ситуации на Сахалине, исследования, очерки и воспоминания разных путешественников, касающиеся не только самого острова, но и смежных территорий – Амурского края, Камчатки, Сибири. Изучает специальные работы по практической навигации и морской астрономии. Вспоминая подготовку к поездке, Чехов писал: «Такая кро-

потливая анафемская работа, что я, кажется, околею с тоски, прежде чем попаду на Сахалин».

И, надо сказать, вероятность, что Чехов вообще не попадет на Сахалин, была довольно высокой. Путешествие его могло прерваться в любой момент из-за болезни, скверной погоды, ужасной организации. Однако 21 апреля 1890 года Антон Павлович начал свое путешествие. Из Москвы он выехал в Ярославль, оттуда отправился на пароходе по Волге и Каме до Перми, затем поездом добрал-

Амбулатория, в которой Антон Павлович принимал в Мелихово пациентов

Современная экспозиция в Амбулатории. Мелихово

ся до Екатеринбурга и после – до Тюмени. Это были относительно комфортные переезды, дальше – тарантасы, перекладные, дорожные аварии, почтовые повозки, ночевки в каких придется избах и задержки, задержки, задержки. Почти три месяца в пути!

Но как бы ни была трудна дорога, многое увиденное Чехова по-настоящему воодушевило. Его покорила стойкость людей, живущих в суровой природе, подкупило стремление жителей Сибири и Дальнего Востока к образованию и культуре. «Боже мой, – писал Чехов родным, – как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей». А Суворину Антон Павлович рассказывал о своей любви к Амуру. «И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России».

В июле писатель наконец-то попал на Сахалин. В первый же день после короткого приема у начальника острова, генерала Владимира Осиповича Кононовича, Чехов посетил Александровскую ссыльно-карторжную тюрьму. С этого дня на-

А.П. Чехов. 1904 год

чалась титаническая работа писателя по исследованию острова. Два месяца он провел на северном Сахалине, месяц – на южном, составил полную перепись населения: «Объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым». Но что же увидел писатель? «Знаю я теперь очень многое, чувство же привез я с собою нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом, – вспоминал Чехов, работая над книгой «Остров Сахалин». – <...> вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния».

Дача А.П. Чехова и О.Л. Книппер в Гурзуфе. Сегодня здесь находится музей писателя

Сад Дома-музея А.П. Чехова в Ялте

«РАБОТАТЬ НУЖНО, РАБОТАТЬ»

Казалось бы, после пребывания на острове тоска, которую испытывал писатель до поездки, могла только усилиться, привести к полному разочарованию в человечестве, окончательному упадку духа. И если судить поверхностно, очень легко прийти к выводу, что именно это с писателем и произошло. Ведь сколько тяжелых и мрачных рассказов он написал после своего возвращения! Одна «Дуэль» чего стоит! Все спорят и ищут истину, а живут черт зна-

ет как, словно вовсе не приходя в сознание. «Палата №6» – вообще предельная концентрация русского отчаяния. Из философии, из поиска пресловутой общей идеи, из попыток облагородить действительность исключительно силой мысли вырастает такой хтонический ужас, что остается только снова «упасть на пол и колотиться головой об пол». Потому что никакие даже самые высокие теоретические устремления ничего не изменят без действия, без решимости сдвинуть наконец хоть что-то с мертвой точ-

Дом-музей
А.П. Чехова в Ялте

Антон Павлович Чехов,
Ольга Леонардовна Книппер-Чехова
и Мария Павловна Чехова
на прогулке в окрестностях Ялты.
Дом-музей А.П. Чехова в Ялте

ки, сделать хотя бы малое, но реальное. Впрочем, малое малому – рознь. Взять хотя бы «Дом с мезонином». Как гордятся наивные благодетели, что они приносят в жизнь народа «аптечки и библиотечки». Но что народу азбука, когда нет подлинного просвещения, что пилиюли от рези в животе, когда убивает не-посильный труд с утра до ночи, что некогда и о душе подумать? А «Крыжовник», где все ждут, что все случится как-нибудь само собой, а пока надо подождать? Подождать свободы, подождать просвещения. Подождать, когда сам зарастет овраг. В рассказах все без конца разговаривают, а если чем и занимаются, то ерундой. И если кто и прозревает, то поздно, когда нет уже ни сил, ни страсти.

Какие мрачные, унылые и жуткие картины изображает Чехов! Почему? Да чтобы встрихнуть этих спящих наяву рыб, этих вдохновленных, но совершенно безвольных созерцателей, этих восторженных, но бессильных калек. Писатель всего лишь оборачивает к ним свое немилосердное зеркало, в котором все отражается без искажений. А еще художник выступает

в роли выдуманного им самим человека с молоточком, разбивающего иллюзии прекраснодушных обывателей, их самодовольство и заблуждения.

Сам же Чехов в последнее десятилетие века невероятно деятелен. И в творчестве, и в жизни – причем как в общественной, так и в частной. Он много пишет, а в конце 1890-х активно сотрудничает с Московским Художественным театром. В 1891–1892 годах выезжает в Нижегородскую и Воронежскую губернии, организует помощь голодающим. В 1892-м Чехов покупает имение в Мелихово, выращивает там собственный сад, разворачивает кампанию по восстановлению лесов в окрестностях, ремонтирует церковь с колокольней, строит в близлежащих поселках три школы. В конце 1899 года Чехов по состоянию здоровья переезжает в Ялту. Но и здесь он много

Шляпа
А.П. Чехова.
Дом-музей
писателя
в Ялте

трудится. Становится членом попечительского совета женской гимназии, жертвует деньги на строительство школы в Мухолатке, хлопочет об устройстве биологической станции. И, конечно, опять много пишет. В Ялте создаются пьесы «Три сестры» и «Вишневый сад», повесть «В овраге», рассказы «Дама с собачкой», «Архиерей», «На святках», «Невеста». А еще Антон Павлович разбивает сад вокруг дома, ухаживает за цветами и деревьями. Пока его герои мучаются, жалуются и вздыхают, тоскуют по какой-то неведомой душеспасительной деятельности, обещают себе вот-вот начать работать, но так ни за что и не берутся, их создатель трудится не покладая рук. Почти до самого последнего часа.

В июне 1904 года вместе с женой Ольгой Книппер писатель выезжает для лечения в Германию. Состояние его очень тяжелое, однако в минуты просветления Чехов снова думает о работе, его философия и его идея – это дело. 1 июля Антон Павлович похвастался, что сочинил юмористический рассказ про модный курорт, где отдыхают банкиры и откуда сбежал повар, оставив всех важных господ без ужина. А в ночь на 2 июля писатель резко почувствовал себя хуже. Все поняв, он попрощался с близкими, выпил шампанского и навсегда уснул.

А.П. Чехов
на смертном
одре в отеле
Sommer.
2 (15) июля
1904 года.
Дом-музей
А.П. Чехова
в Москве

ВЫСОКАЯ ПЕЧАЛЬ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КОГДА В ЯНВАРЕ 2023 ГОДА РАЗГОРЕЛСЯ СКАНДАЛ ВОКРУГ РУССКОГО НЕКРОПОЛЯ СЕН-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА, ЖИТЕЛИ СЕЛА ЕЛШАНКА В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ НЕ НА ШУТКУ ВСПОЛОШИЛИСЬ. И С ТОЙ ПОРЫ ВНИМАТЕЛЬНО СЛЕДЯТ ЗА НОВОСТЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С ЗАХОРОНЕНИЯМИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ НА КЛАДБИЩЕ В ПРИГОРОДЕ ПАРИЖА. ЗАВЕДУЮЩАЯ СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ГАЛИНА БОРИСОВНА ЗЕМСКОВА МОЖЕТ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ ОТПРАВИТЬ В СТОЛИЦУ ФРАНЦИИ ПИСЬМО, В КОТОРОМ СООБЩАЕТСЯ, ЧТО В ЕЛШАНКЕ ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ ПРАХ СВОЕЙ ЗЕМЛЯЧКИ – ПОЭТессы ИРИНЫ КНОРРИНГ.

... **У**ГОЛОК КНОРРИНГОВ в елшанской библиотеке невелик: на стенах – копии паспортов, студенческих билетов и фотографии девочки, девушки, женщины с большими печальными глазами. «На это обращают внимание все посетители, – говорит Галина Борисовна. – Куда бы судьба ни забрасывала Ирину Николаевну, она везде грустит о своей любимой Елшанке».

Через несколько дней Галина Борисовна уходит на пенсию и сейчас передает дела своей преемнице Марине Земсковой. Присутствует ее обратить особое внимание на книги Ирины Кнорринг. Правда, сейчас ни одной из них в библиотеке нет. Все выданы. Их читают.

Марина родилась и выросла в Елшанке, но об Ирине Кнорринг почти ничего не знает. Впрочем, и Галина Борисовна, преподававшая в местной школе русский язык и литературу, а затем четверть века проработавшая в библиотеке, до недавнего времени тоже не слышала об Ирине Кнорринг. Хотя всегда интересовалась русской поэзией.

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА

«Мой воздушный замок – семейный очаг. И ключ от замка – Елшанка», – цитирует Земсковой строки из дневника Ирины Кнорринг и советует Марине выучить их наизусть.

Еще девчонкой Галина Борисовна слышала от старожилов, что все улицы в Елшанке раньше назывались иначе: Кнорриновка, Пименовка, Казарка. Сама она жила на той, что прежде звалась Дворянской, потому что там находились помещичьи усадьбы. Когда Земскова пошла в первый класс, школа располагалась в бывшей конюшне усадьбы Кноррингов. Еще ее родная бабушка вспоминала, что барыня добрая была. Вот и все, что знала Галина Борисовна о бывших хозяевах Елшанки.

Напомнила ей о них подруга, бывшая жительница села Тамара Летуновская, работавшая в мо-

сковской библиотеке. Как-то, перебирая книги, Летуновская наткнулась на сборник русской поэзии XX века. И обнаружила в нем четыре стихотворения Ирины Кнорринг. Там же были приведены краткие сведения о поэтессе: родилась в селе Елшанка Самарской губернии в дворянской семье.

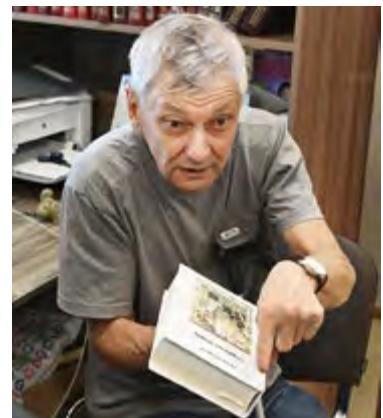
Приехав в отпуск в Елшанку, Тамара показала эту книгу Галине Борисовне и ее подругам-учительницам. В школе тут же прошли поэтический вечер, на котором читали стихи землячки. А когда Летуновская вернулась в Москву, то разыскала историка русской эмиграции, биографа семьи Кноррингов, писательницу Ирину Невзорову. Та приехала в Елшанку и передала в библиотеку копии фотографий Ирины Кнорринг и членов ее семьи. Так жители села впервые увидели лица людей, которые несколько веков обустраивали Елшанку и ее окрестности. Более того, выяснилось, что затеявшееся среди лугов Заволжья село может даже претендовать на славу литературного гнезда. Сочинительством увлекался отец поэтессы – Николай Николаевич Кнорринг. Писал статьи о коневодстве его родной брат Борис, дочь которого, Нина Борисовна, живя в Копенгагене, выпустила мемуары о Елшанке – «Ближе к сердцу: мой русский дом». А его сын, Олег Борисович, во время Великой Отечественной войны работал фотокорреспондентом на фронте, снимал в Берлине подписание гитлеровцами капитуляции. А после войны готовил фотопортажи для журнала «Огонек». И, наконец, сама Ирина Кнорринг, чьи стихи снискали признание в эмигрантской среде Франции. О них лестно отзывались Георгий Адамович и Владислав Ходасевич. На видном месте в сельской библиотеке висит фотокопия письма Анны Ахматовой: «По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова

ва, которым нельзя не верить. Ей душно, скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи».

Эти слова Галина Борисовна советует Марине тоже заучить наизусть. Ведь ей не раз придется отвечать на вопросы об Ирине Кнорринг. Дело в том, что недалеко от Елшанки, в поселке Серноводск, с XVIII века действует курорт с минеральными водами, куда приезжают подлечиться люди со всей страны. С лекциями о поэтессе Ирине Кнорринг перед ними выступает Сергей Липатов, после чего многие курортники приезжают на экскурсию в Елшанку.

Сергей Липатов – учитель физики в местной школе, живет в соседнем селе Чекалино. Денег за свои лекции он не берет. Увлеченно рассказывает о жизни поэтессы: о том, как вместе с родителями в 1920 году она эвакуировалась из Севастополя в африканскую Бизерту, о переезде Кноррингов в Париж, о знакомстве Ирины с Мариной Цветаевой, Дмитрием Менделеевым.

Для Галины
Земковой
Ирина Кнорринг
стала родным
человеком

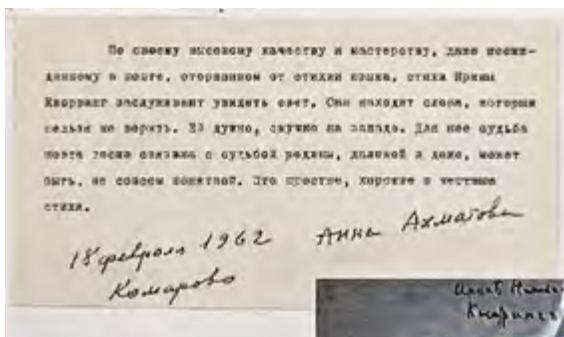
Эту книгу любимой поэтессы Сергей
Липатов спас буквально из огня

режковским, Зинаидой Гиппиус и другими поэтами и писателями эмиграции. Сергей Липатов даже сочинил несколько песен на стихи Ирины Кнорринг и исполняет их, аккомпанируя себе на баяне. С лекциями он объездил все соседние города и несколько раз выступал в самарских школах и вузах.

СЕЛЬСКИЕ ПАВЛИНЫ

В 2014 году в одной из библиотек Москвы прошла презентация поэтического сборника Ирины Кнорринг «Золотые миры». Подготовила и издала его на свои средства жена сына поэтессы – Надежда Михайловна Софиева-Чернова, проживающая в Алма-Ате. Тираж – всего 50 экземпляров. Предназначались они для родственников Ирины Кнорринг, рассеянных по России и зарубежью. Разослать книги по нашей стране Надежда Михайловна попросила Ирину Невзорову, а та передала одну из книг в библиотеку Елшанки.

Отзыв Анны
Ахматовой
о стихах Ирины
Кнорринг
в библиотеке
на видном месте

чтобы получить разрешение на переиздание стихов Ирины Кнорринг на ее родине. Надежда Михайловна была рада гостю из Елшанки, о которой читала в дневнике матери своего мужа – Игоря Софиева. После смерти поэтессы в Париже ее отец, муж и сын вернулись в СССР и жили в Казахстане. Надежда Михайловна бережно хранит архив Кноррингов и вещи Ирины, в том числе ее чернильницу, перо и блокноты.

О своей поездке Сергей Липатов подробно рассказал на собрании местного поэтического клуба «Лира». А еще он привез фотокопии дневника Ирины Кнорринг, который она вела с 11 лет. «Когда мы узнали о стихах Ирины Николаевны, о том, как тепло она отзывается о родной Елшанке, то по-другому взглянули на свое родное село», – объясняет Галина Борисовна Марине. Теперь в школе Елшанки проводятся Кнорринговские чтения, семинары и фестивали, на которые приезжают гости не только из района, но даже из Самары. Закончив дела в библиотеке, Земская предложила показать нам и своей преемнице места Елшанки, связанные с семьей поэтессы. Их не так уж и много, так что новому библиотекарю не составит труда их запомнить. Усадьба Кноррингов и Елшанская земская школа располагались вдоль берега озера Липовое, на одноименной улице, которую в селе упорно называли Кнорриновкой. Теперь она Школьная. Старожилы вспоминают, что по этой улице, которую по вечерам освещали газовые фонари, сельчане любили прогуливаться. Жена Бориса Николаевича Кнорринга, барыня Нина Владимировна, строго следила за состоянием озера, приказывала чистить его регулярно. А дед поэтессы, «старый барин» Николай Егорович Кнорринг, любил пить чай из самовара посреди озера, для чего были сооружены длинные мостки.

Мы не спеша идем по бывшей Кнорриновке. Слева плещется озеро, справа стоят деревянные

Ирина
Кнорринг
в пору
счастливого
детства
в России

Эта книга,
изданная на
средства жены
сына поэтессы,
произвела
переворот
в жизни села
Елшанка

строительства земской школы. Здесь сохранился дом, в котором целый век, в том числе и в советское время, жили учителя Елшанской школы. А еще в нем размещался интернат, переехавший позже на территорию новой школы. Теперь на старом доме установлена памятная табличка в честь Николая Егоровича Кнорринга, который был попечителем земской школы. «Ирина Невзорова хочет, чтобы здесь разместилась экспозиция Елшанского литературно-краеведческого музея», – вздыхает Галина Борисовна. – Мечта!»

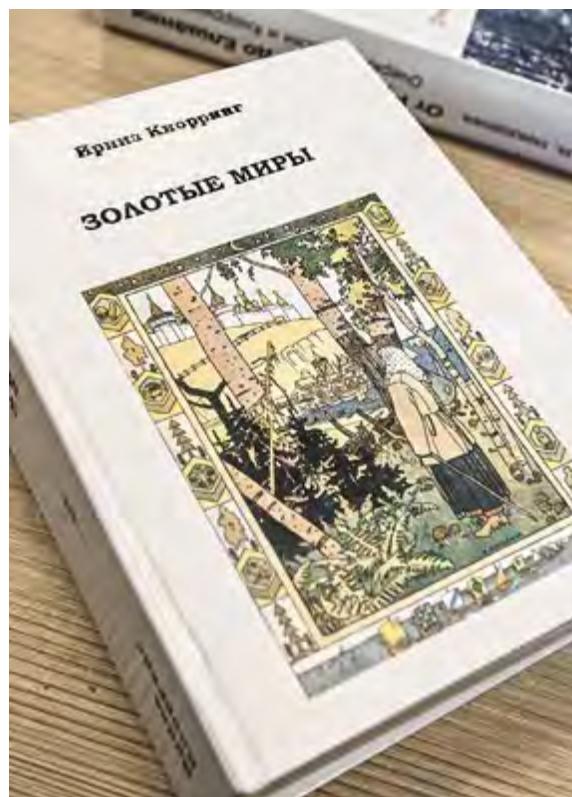
Мы проходим каменные здания больничной амбулатории (ныне не действует), возведенные для крестьян стараниями Кноррингов. Заканчивается улица бывшим домом учителя Васильевского, тоже сохранившимся до наших дней. Во дворе у Васильевских расхаживали павлины, которых привез учителю дядя поэтессы, Борис Николаевич Кнорринг. Он был ветеринарным врачом, работал в ветеринарном управлении при Министерстве внутренних дел империи, часто ездил в командировки в заповедник «Аскания-Нова». Оттуда он и доставил птиц в Елшанку. Маленькой Ирине Кнорринг павлины казались сказочными птицами. Она вообще с детства воспринимала Елшанку через призму сказок, песен, прибауток и шуток, которыми ее развлекала перед сном местная няня.

НАЧАЛО КРУШЕНИЯ

Кнорринги – представители дворянского рода из поволжских немцев. Дед поэтессы, титулярный советник и депутат Самарского земства Николай Егорович Кнорринг, любил поэзию, прекрасно декламировал стихи, знал наизусть «Демона» Лермонтова. А ее отец, Николай Николаевич Кнорринг, учась еще в пятом классе гимназии, публиковал свои юношеские вирши в «Самарской газете». Он и его брат Борис женились на родных сестрах – Марии и Нине Щепетильниковых.

Ирина появилась на свет 21 апреля 1906 года, когда ее родители были еще студентами: Николай Николаевич учился на историко-филологическом факультете Московского университета, а Мария Владимировна – на Высших курсах в Москве. Первые детские годы будущей поэтессы прошли в Елшанке, в семье Бориса и Нины Кноррингов.

После окончания университета Николая Николаевича направили в Харьков, где он стал дирек-

тором гимназии. В харьковском доме Кноррингов каждую неделю устраивали музыкальные вечера, отец будущей поэтессы прекрасно играл на скрипке, гости читали стихи и обсуждали книжные новинки. Ирина внимательно слушала разговоры взрослых, особенно ей нравилось, как говорил о поэзии коллега отца, Михаил Павлович Самарин. «Самарин сказал, что если я хочу хорошо писать стихи, то должна чаще писать», – выводит она в дневнике 30 августа 1917 года. Как вспоминал в своей книге о дочери Николай Николаевич, 19 ноября 1914 года 8-летняя Ирина вписала в его альбом свое первое стихотворение – «Четыре времена года». Кстати, стихи Ирина не всегда записывала сама, это делали и ее бонна-немка, и мать, и отец. Заметив, что дочь увлеклась рифмами, Николай Николаевич познакомил ее с правилами стихосложения. От него же Ирина впервые услышала о Марине Цветаевой (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2011 год, статья «Время! Я тебя миную») и других поэтах. На лето Кнорринги возвращались в Елшанку, где Ирина, в отличие от своих кузенов и кузин, держала себя барышней и важничала, пока те лазили по деревьям и катались на лошадях. В своем дневнике она признавалась, что была самолюбива, ревнива, скрытна, не выносила превосходства других, желала

славы, не знала горя и печали, росла избалованной белоручкой. «С ранних лет, – писала она, – привыкла к хорошей сервировке стола, к большим комнатам, к чистоте и порядку». Когда началась Первая мировая война, Ирина мечтала сбежать на фронт. А когда в апреле 1918 года в Харьков вошли немцы, то 12-летняя девочка написала в дневнике: «Прощайте все! Мы уже не в России! Немцы раскинули палатки.... Будет ли когда-нибудь Харьков русским городом?» В 1919 году Кнорринги бегут из Харькова в Крым. О том, что происходило в Елшанке, они узнают из писем Нины Владимировны. Она сообщала, что каждый вечер перед сном обходит комнаты с револьвером, проверяя, не забрался ли кто в дом. Убранную рожь ей запретили продавать. На луга Кноррингов крестьяне выпускают скот, по ночам вырубают столетние липы вокруг озера. Наконец Нина Владимировна с детьми тайно покинула Елшанку ночью. Навсегда...

В одном из школьных строений, построенных попечением деда поэтессы, в Елшанке разместится музей...

Слева направо:
Олег, Ирина,
Гали, Нина
и Игорь
Кнорринги.
Елшанка.
1911 год

ЭМИГРАНТСКАЯ ГОЛГОФА

Тяготы только начинались. Сначала Николай Николаевич с семьей оказался в Симферополе. Ирина вспоминала, что жили они в комнате без мебели, спали на полу. Привыкшая к комфорту девочка впала в уныние, ходила на старое кладбище на могилу бабушки (со стороны матери) и разговаривала с ней, прося забрать к себе. Затем семья переехала в Севастополь, где Николай Николаевич получил место преподавателя истории в Морском кадетском корпусе. 12 ноября 1920 года, перед тем как Севастополь был занят большевиками, ученики и преподаватели Морского кадетского корпуса эвакуировались на линкоре «Генерал Алексеев». Так семья Кноррингов оказалась в тунисской Бизерте. Там же Ирина получила аттестат о среднем образовании, выданный в школе Морского корпуса.

Как и многие другие эмигранты, Кнорринги жили в беспространной нищете. Отдушиной для Ирины стали стихи и книги русских поэтов, которые она старательно штудировала. Поддав под влияние Ахматовой, молодая поэтесса публикует свои стихи в эмигрантских изданиях. Но подражательство вскоре закончилось. Вот что записывает Ирина в своем дневнике 13 сентября 1923 года: «...В №32 «Звена» (газета, выходившая в Париже на русском языке в 1923–1925 годах. С 1926 года – журнал. – Прим. ред.) в статье Адамовича «Поэты в Петербурге» сказано, что прежней Анны Ахматовой нет, нет больше «перчатки с левой рукой» и т.д. И «поклонники» разочарованы. Есть, впрочем, для их утешения несметное количество девиц, подобравших эти «ахматовские обноски». Нужели же и я из их числа? Уж лучше и совсем не писать».

В надежде на лучшую жизнь Кнорринги в 1925 году перебираются в Париж. Николай Николаевич стал работать в Тургеневской библиотеке, читал лекции в Русском народном университете (там же училась Ирина),

писал статьи для газеты «Последние новости». Мария Владимиrowна сначала устроилась на работу на парфюмерную фабрику, потом – в кукольную мастерскую. Вместе с дочерью пыталась зарабатывать вышиванием и вязанием на дому. Денег катастрофически не хватало.

Ирина посещала лекции на Русском историко-филологическом отделении при Сорbonne и училась во Франко-русском институте социальных, политических и юридических наук. Старалась быть в курсе культурной жизни эмиграции. 6 июня 1925 года отец и дочь Кнорринги пришли на вечер Союза молодых поэтов и писателей. Ирина прочитала здесь свои стихи, их встретили аплодисментами. «Я была центром внимания, – вспоминала она позже в дневнике, – мне казалось, что я, наконец, попала, куда следует, нашла то, о чем так долго думала. Я говорила – началось. А теперь мне кажется – было ли это когда-нибудь?» Когда она писала эти слова, то уже знала свой страшный диагноз – диабет.

Семья по-прежнему нищенствовала, денег не хватало даже на еду. Вынужденная экономить, Ирина пешком ходила в госпиталь, где ей делали инъекции инсулина. Ее изматывали поиски подработок и долгие процедуры по оформлению всякого рода свидетельств, справок, удостоверений. Но она находила силы и время, чтобы записывать новые стихи в свои тетради, по воскресеньям отправлялась к Мережковским на заседания общества «Зеленая лампа» и старалась не пропускать выступлений известных поэтов. Вот что она записала в дневнике в среду 10 февраля 1926 года: «Был в субботу вечер Мариной Цветаевой. С какими мыслями я шла? Не знаю, не помню. Чувства уже двоились, это было уже после того вечера, когда я в первый раз увидела ее. Ее вид меня разочаровал, именно разочаровал, я представляла ее прежде всего – вульгарной, а этого-то в ней и нет. Но все-таки, идя на

В библиотеке
Елшанки
представлены
копии парижских
документов
уроженки села

ее вечер, я могла ругать ее, бросать задорное «не люблю!». А теперь – язык не поворачивается. Что она со мной сделала, чем так поразила – даже и не знаю. Голосом? Чтением? Жизнерадостностью? Простотой своей? Всем этим, вероятно. Я хотя там же критиковала ее стихи: «рифма плохая, расплывчато...»; но я все-таки чувствовала, что ее стихи задевают меня, как-то глубоко входят, даже не стихи, а отдельные строки, выражения. И голос, голос! И окончательно она обезоружила меня стихотворением, посвященным Ахматовой, строками: «Черноксыняка моя, чернокнижница!» Я ушла какая-то совсем опущенная. Словно она отняла у меня самое дорогое. Да, она отняла у меня веру в себя и в непоколебимость и правильность того, что я считала непоколебимо правильным».

Ирина продолжала посещать

собрания литераторов. На од-

ном из них она встретилась со

своим будущим мужем, поэтом

Юрием Софиевым.

Они поженились в январе 1928 года. Венчал их священник Георгий Спасский – основатель и настоятель первой русской православной церкви в Бизерте, хорошо знавший семью Кноррингов. Во время венчания отец Георгий обратился к Юрию: «У Ирины... очень поэтическая душа. Но всегда очень грустна ее муз. От вас, Юрий Борисович, зависит, чтобы на ее лире зазвучали другие ноты». Новые ноты в лирике Ирины зазвучали после рождения в 1929 году сына Игоря. Через два года вышел первый сборник поэтессы – «Стихи о себе», в 1939-м еще один – «Окна на Север». В эти годы Ирина отходит от активного участия в литературных кружках и союзах: ее занимали заботы о сыне, да и сказывались проблемы со здоровьем.

В начале Второй мировой войны Юрия Софиева мобилизовали во французскую армию, после капитуляции которой он вернулся в Париж. Здесь он влился в движение французского Сопротивления, укрывал евреев и бежавших из концлагерей советских военнопленных. В 1943 году нацисты угнали Юрия в Германию – на принудительные работы.

Ирина оказалась в тяжелой ситуации. Еды и лекарств не хватало – для диабетика это равнозначно смертному приговору. Обессиленная поэтесса прекратила вносить записи в дневник, который начала вести в 1917 году. 23 января 1943 года

В собственно-
ручно написан-
ной открытке
Константина
Бальмонта
Ирине Кнорринг
в Бизерту предо-
сторожение
от подражания
рифмам Мариной
Цветаевой

Ирина Кнорринг скончалась от диабета в больнице в оккупированном гитлеровцами Париже. Отпевали ее в церкви Покрова Пресвятой Богородицы при обители матери Марии (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2024 год, статья «Роза Елизаветы и Крест Марии»). Сначала Ирину похоронили на кладбище Иври, в 1965 году ее прах перенесли на русский участок кладбища Сен-Женевьев-де-Буа...

БОГ РАССУДИТ

Многие годы Николай Николаевич Кнорринг пытался ответить на трудный вопрос: правильно ли он сделал, что в 1920 году покинул Россию? Был ли он прав, решив увезти из России свою 14-летнюю дочь? Смогла бы она пережить трудности переходного времени и продолжать жить в родной стране? Судя по всему, его мучили строчки из стихотворения Ирины:

Зачем меня девочкой глупой
От страшной, родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли?
«Тут нас с Ириной, кажется, один Бог рассудит», – писал Кнорринг...

В 1947–1948 годах Николай Николаевич работал директором Русской школы при Союзе советских патриотов в Париже. В 1949-м он выпустил в Париже

посмертную книгу дочери – «После всего: третья книга стихов». Следующий сборник, под названием «Новые стихи», Николаю Николаевичу удастся издать уже в Советском Союзе – в Алма-Ате. Именно в этот город в конце 1955 года переехали Николай Николаевич с зятем Юрием Софиевым и внуком Игорем (мать Ирины, Мария Владимировна, скончалась в Париже в 1954 году. – Прим. ред.). Разрешения посетить родную Елшанку, которую любила Ирина, он так и не дождется. В Алма-Ате Николай Николаевич напишет «Книгу о моей дочери» и будет до самой смерти в 1967 году мучительно размышлять о том, почему судьба так жестоко обнадежила с Ириной...

На поклонном кресте в Елшанке выгравирован текст:
«На Отчизну нашу, Россию,
излей благодать Твою, Боже!»

Последней из Кноррингов Елшанку увидела двоюродная сестра Ирины – Гали. Родное село она посетила тайно и даже умудрилась сделать фотографии, которые затем разослали родным. Другая кузина Ирины, Нина Борисовна Кнорринг, в 1925 году вышла замуж за инженера-связиста из Дании. В Копенгагене она написала книгу «Ближе к сердцу: мой русский дом». В этих воспоминаниях она называла Николая Николаевича добреющим человеком с элегантными манерами. А Ирину в Елшанке она запомнила как девочку со светлыми косичками и большими голубыми глазами.

...Вдоль тропы, по которой Кнорринги ходили в церковь, и сегодня стоят серебристые тополя – их Ирина упоминала в своих стихах. Вместе с Галиной Борисовной и Мариной мы прошли той же дорогой к поклонному кресту. Он установлен на месте утраченной Никольской церкви, в которой крестили, венчали и отпевали не одно поколение Кноррингов. В ней же была крещена и Ирина Николаевна Кнорринг.

С мест упокоения Ирины Кнорринг на русском некрополе в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем и Николая Николаевича Кнорринга на кладбище на проспекте Рыскулова в Алма-Ате привезли землю и прикопали ее у основания елшанского поклонного креста. Гости села всегда интересуются его происхождением. И тогда Галина Борисовна рассказывает им историю об Ирине Кнорринг. А своей преемнице Марине она советует продолжить традицию задавать гостям вопрос: может ли человек прожить вне Родины? Ответ Галины Борисовны видят в стихотворных строках Ирины, написанных в 1924 году в Бизерте:

Я верю в Россию. Пройдут года,
Быть может, совсем немного,
И я, озираясь, вернусь туда
Далекой, ночной дорогой.
Я верю в Россию. Там жизнь идет,
Там боятся скрытые силы.
А здесь у нас темных дней хоровод,
Влекущий запах могилы.

ЖИВАЯ НИТЬ ТРАДИЦИИ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ЧЕРЫНАЙ-ТО ВОЁРОН ВОЁДУ ПИЛ, // ВОЁДУ ПИЛ, ВОЁДУ ПИЛ. // НЕ-Е НАЯПИВЫШИ, ОХ, ВО... ВОЗМУТИЛ, // ВОЯЗЫМЮТИЛ, ВО... ВОЗМУТИЛ...». ГОЛОСА ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ПЕРЕПЛЕТАЮТСЯ, ПЕРЕКЛИКАЮТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ, ОБРАЗУЯ ПРИЧУДЛИВЫЙ УЗОР, БУДТО ТКУТ МНОГОЦВЕТНОЕ ПОЛОТНО. ВОИСТИНУ, НАРОДНАЯ ПЕСНЯ СУЩЕСТВУЕТ НЕ ТОЛЬКО ВО ВРЕМЕНИ, НО И В ПРОСТРАНСТВЕ, КОТОРОЕ ОНА ПРЕОБРАЗУЕТ...

В 2022 ГОДУ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ закон №402 дал определение нематериального этно-культурного достояния России: «Совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных

ценностей, передаваемых из поколения в поколение». Иначе говоря, то основополагающее, что делает народ народом. В Омской области выявлено 40 объектов этнокультурного достояния, из них более половины – это уникальные песенные традиции.

Наследие богатейшее. Но возникает вопрос: кто наследники? Представители старшего поколения – хранители традиций в советское время не смогли полноценно передать ее своим детям и внукам. Традиция фактически прервалась. Как же возродить ее? Для этого нужно, чтобы появились люди, умеющие работать с таким наследием.

В 1989 году в Омском музыкальном училище имени В.Я. Шебалина на отделении хорового дирижирования было открыто новое направление – специализация «Руководитель народного хора». Просуществовало оно вследствие некоторых объективных причин недолго – всего семь лет. В 2008-м отделение было восстановлено с обновленной программой, а через три года превратилось в отдельную специальность – «Сольное и хоровое народное пение». Его преподавателями стали участники фольклорно-этнографического ансамбля-лаборатории «Берегиня», созданного в Омске еще в 1992 году.

Вместе с восстановленным отделением появился в 2008 году фольклорно-этнографический ансамбль «Новая деревня». Он

работает и сегодня, его участниками становятся студенты училища. Ансамбль занимается изучением и освоением традиционной музыкальной культуры Западной Сибири и других регионов, возвращая в широкий обиход песни, записанные фольклористами в деревнях Омской и соседних областей.

«У нас в области несколько населенных пунктов имеют название «Новая деревня». И свой ансамбль мы назвали так же. Ведь мы исполняем старые деревенские песни, но молодыми голосами и с молодежной энергией, – говорит руководитель ансамбля, заведующая отделением «Сольное и хоровое народное пение» Олеся Сидорская, разработавшая для него образовательную программу. – Радует, что интерес к традиционной культуре растет. Сегодня на отделение «Сольное и хоровое народное пение» наблюдается серьезный конкурс. Мы рады, когда к нам поступают молодые люди в том числе из разных деревень и сел области, потому что в их семьях еще сохранилась память о домашнем музенировании. Например, исполнение застольных песен под гармонь».

ОСОБЕННОСТИ СИБИРСКОГО ПЕНИЯ

Своевобразие песенного наследия Омской области – в его разнообразии. Ведь этот регион в разные эпохи заселялся несколькими волнами переселенцев. Первыми в Прииртышье пришли русские – казаки, старообрядцы, крестьяне, которые стали называть себя старожилами-чалдонами. Соотечественников, позже перебравшихся в Сибирь при Столыпинской земельной реформе, они называли «расейские». А еще Омская область стала новой родиной для украинцев и белорусов. И все переселенцы приносили в местную песенную традицию что-то свое.

Молодые наследники многовековой песенной традиции

«Народные песни – это наша генетическая память, выраженная в музыкальной форме», – считает Олеся Сидорская

«Вот вам яркий пример: в селе Воронцовка Полтавского района мы записывали украинцев, которые пели богатейшую свадьбу – около шестидесяти песен. И в том числе песню, которую исполнительницы услышали где-то на русской свадьбе. Песня им очень понравилась, они ее переняли и стали петь по-своему. А в свадебном обряде потомков брянских переселенцев из села Максимовка Тюкалинского района обнаружились песни их соседей – черниговских переселенцев и песни русских старожилов», – рассказывает Олеся Сидорская.

Такое взаимопроникновение деревенские бабушки объясняли приехавшим к ним фольклористам просто: «Ну, мы же в детстве вместе росли».

Любопытно и то, что в Сибири пели иначе, чем в Центральной России. «Можно охарактеризовать манеру сибирских старожилов как зычное пение в низком и среднем регистрах, с прикрытой артикуляцией, что максимально близко к обычной речи, – поясняет Олеся Геннадьевна. – У этих песен особенный характер – суровый, как сибирская природа и климат. Можно сказать, мужской». Это были своеобразные песни-повествования. Потому на хоровых занятиях преподавателям порой приходится напоминать студентам: «Не торопитесь, рассказывайте». И это понятно: современная жизнь стремительна, она сильно отличается от быта наших предков. Студенты поначалу стараются спеть песню побыстрее. А в традиционном пении исполняли песню долго, стремились рассказать ее сюжет. Кстати, поэтому народная песня, как правило, имеет большое количество куплетов.

Сибирские песни – это всегда многоголосие, с многочисленными распевами, с вставками в слова дополнительных слогов и гласных, которых в разговорной речи нет. Так делали для того, чтобы лаконичный текст лучше уложился в

протяжный напев. Для этого же предназначались дополнительные вставные слова и частицы: «раз(ы)-то», «только», «наверно», «ли да». А некоторые слова, наоборот, не пропевались полностью. Их подхватывали, вступая, остальные голоса хора. Этот прием тоже способствует протяжности распева.

«Услышав такую песню, современный человек может вообще не понять, о чем поют. Впрочем, бывают в песнях загадки, над которыми и мы – профессиональные фольклористы – бьемся по нескольку месяцев. Вновь и вновь слушаем запись, в пятисотый или шестисотый раз, и вот наконец становится понятно, что там за слово или речевой оборот», – говорит Олеся Сидорская.

В деревнях старожилов было распространено «пение со свистком». «Тонкий» голос дублировал нижний голос октавой выше, расширяя диапазон напева. «Так прямо качали, качали на голове! С мужиками-то петь ловко. Всико растягивали с заворотами. Мужики-то начинают, а я вот и тонким пела. Пела я, сильно пела!» – рассказывала в 1993 году приехавшим к ней омским фольклористам уроженка старожильческой деревни Заозёрная, замечательная исполнительница народных песен Екатерина Ивановна Терлеева.

Вершина мастерства любого певческого коллектива – исполнить песню без сопровождения музыкальных инструментов, как говорится, когда у тебя нет никакого инструментального «костыля». Это мастерство высокого уровня, доступное далеко не всем академическим исполнителям. Ансамбль «Новая деревня» в основном поет без аккомпанемента. Ведь среди песен, записанных в деревнях, подавляющее большинство исполняется без музыкального сопровождения. Есть редкие образцы песен под гармонь, но чаще всего в Сибири инструментальные наигрыши сопровождали пляски на вечёрах, бытовые танцы и частушки.

Участниками ансамбля становятся студенты училища

Последние приготовления перед концертом

БОГАТЕЙШЕЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

«Сегодня архивы на территории Омской области полны материала, который мало исследован, редко исполняется, и поэтому проблем с репертуаром у фольклорных ансамблей нашего региона нет, – отмечает Олеся Сидорская. – Причем каждая

песня уникальна. Даже в одной деревне песни могли бытовать в разных вариантах – со своими приемами, со своими вариантами голосов».

Одной из причин такого разнообразия являлась импровизация. Например, исследователей до сих пор восхищает самобытная певческая традиция села Талбакуль Колосовского района Омской области. Сдержанно-суровый и вместе с тем энергично-экспрессивный характер вокального стиля талбакульцев отражает особую культуру, сформированную в суровых сибирских условиях потомками служилых людей и хлебопашцев. К примеру, завораживающую хороводную песню «Черный ворон воду пил» поют на территории всей Сибири. Но талбакульский хоровод – единственный в своем роде. «Типовые варианты песни «Черный ворон воду пил» отличаются простой мелодикой. А талбакульский – это сложное многоголосие, там очень много неожиданных «заворотов». Кажется, даже мы не понимаем, куда этот напев в следующее мгновение развернется. Но тем он и прекрасен...» – говорит Олеся Сидорская.

Еще одна записанная в селе Талбакуль песня – «В том саду при долине». Изначально она была городским романсом. Ведь сибирские старожилы во многом следовали городской моде. У девушек-сибирячек обязательно были в гардеробе городские «парочки» из покупного материала. Причем не одна и не две – десяток, а то и больше (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2025 год, статья «Многоцветье сибирских нарядов»). Увлечение городом коснулось и музыки: в сибирских деревнях

пели авторские песни, городские романсы. Где-то добавляли свой текст, которого не было в оригинале. А главное – заимствованные у горожан песни обязательно распевались по законам местной певческой традиции. Так что их авторское происхождение подчас угадывается с трудом.

О своих особенных вариантах общеизвестных песен талбакульцы говорили: «Вот везде поют песню «Последний нонешний денечек», но у нас так ее поют, что всегда все плачут».

Погружение
в традицию
меняет молодых
людей

Традиционный
наряд
современным
девайсам
не помеха

ПОГРУЖЕНИЕ В ТРАДИЦИЮ

Веками песня была неотъемлемой частью жизни, такой же, как воздух.

«У нас все пели: тятенька, мама, братовья. Тятенька, бывало, посадит меня на коленки и смотрит мне в глаза, а я пою с ним, вывожу, стараюсь, – вспоминала Екатерина Ивановна Терлеева. – Пели всегда: плывем на лодке по реке и поем, на работу – тоже с песней. И с работы – с песней. Все в деревне пели, какие мастера были!.. Я училась от своих родителей. Просто как-то я припадала к этому, любила петь съзмалости. Когда у нас, бывало, собирались, когда свадьба. Я с ими не пела, но слышала тут же. Денинбудь на полатях лежу, все равно слышала эти переходы».

Песня сопровождала человека всегда и везде – и в праздники, и в будни. Ребенок в крестьянской семье впитывал песенную традицию, сначала просто присутствуя, а потом уже активно участвуя в праздниках и обрядах. Так что к зрелому возрасту это был уже вполне обученный певец или певица.

Но в бурном XX веке тянувшаяся столетиями песенная нить прервалась. И теперь для того, чтобы приобщиться к традиции и возродить ее, требуется время. То, что прежде являлось само собой разумеющимся, сегодня нужно изучать и хранить.

«Эта музыка передавалась из поколения в поколение, человек слушал ее с самого рождения. Ну а нам, современным людям, необходимы уже какие-то приемы адаптации, чтобы постичь глубину музыкального наследия наших предков», – считает Олеся Геннадьевна. Иначе получится неччто, лишь отдаленно напоминающее оригинал. А это совершенно недопустимо, ведь в современном обществе благодаря псевдофольклорным коллективам и так произошла подмена понятий. Очень долгое время гуляло такое утверждение, что народная песня – это «два притопа, три прихлопа», то есть все очень просто. Сегодня этот стереотип опровергается снова и снова,

но, увы, до сих пор еще остается вполне распространенным.

Народная песня немыслима без контекста. Ведь она или была частью обряда, или сопровождала определенные события крестьянской жизни, например те же молодежные собрания, называемые вечёрами. «Какой смысл выходить на сцену, как это делают многие коллективы, – не хочу никого осуждать, тем не менее есть такая практика, – и просто петь свадебную песню? Мы изучаем свадебный обряд и представляем то одну сцену из него, то другую. То же самое касается и хороводов, и вечёрочных песен, и календарных обрядов. Контекст везде имеет главное значение», – констатирует Олеся Сидорская.

Потому учеба на отделении сольного и хорового народного пения неразрывно связана с изучением традиций: в какой ситуации исполняется каждая песня, что при этом говорится, что делается.

Программа обучения построена таким образом, что студенты являются не только исполнителями, но и исследователями. К моменту государственной аттестации они описывают ту или иную певческую традицию. Представляют концертную программу, а также расшифровку песен и исследовательскую работу, посвященную специфике конкретной традиции. Сначала изучают архивы в Сибирском культурном центре и Омском педагогическом университете, «Антологию омского фольклора» Ефима Аркина, а потом едут в экспедицию, чтобы набрать новый этнографический материал. В общем, полностью погружаются в традицию.

Расшифровать народную песню – это значит переложить ее на ноты. Причем сделать это нужно максимально точно, с фиксацией всех вариантов голосов и фонетических особенностей. А это очень сложный процесс: нужно вычленить в общем звучании голос каждого исполнителя. Только тогда получится не «фантазия на тему»,

Вот так сибирская молодежь веселилась на вечёрах

а настоящая расшифровка. Да, это требует изрядных усилий. Но здесь учатся очень увлеченные люди.

«С самого раннего детства меня тянуло к народному пению. Ведь это что-то необычное, то, что может петь не каждый. Я не перестаю удивляться, как люди без музыкального образования могли петь на несколько голосов, показывать вариативность мелодии. Фольклор сильно отличается от европейских образцов музыки, к которым мы привыкли. Он очень интересен и как предмет изучения, и просто как песня, которую можно слушать.

Фольклор многогранен, это ведь не только песня. Это еще и хореография, и рукоделие, и даже народная кухня. Мне кажется, это целая жизнь, которую ты проживаешь», – делится студентка четвертого курса училища Анастасия Мартынова.

Исследовательская работа приносит довольно серьезные результаты: «Новая деревня» уже исполнила песни 34 сел из 16 районов. На сайте Государственного центра народного творчества Омской области можно послушать записи, увидеть фото исполнителей, прочитать об особенностях певческого стиля. Традиция наконец возвращается в общедоступное информационное пространство.

«Пожалуй, реестр объектов нематериального культурного наследия Омской области пополняется во многом благодаря «Новой деревне». Сначала ансамбль выявляет, апробирует и расшифровывает экспедиционный материал, а потом анализирует его с точки зрения объекта этнокультурного достояния», – отмечает Олеся Сидорская.

Важно и другое: погружение в традицию очень меняет молодых людей. «Мы видим, как ребята буквально расцветают, –

Все в облике выступающих, в том числе и прическа, должно соответствовать народной традиции

поясняет Олеся Геннадьевна. – Фольклорная музыка вдохновляет, делает очень многие вещи понятными, воспитывает. Каким образом? Сюжетами, которые заложены в этих песнях. Там очень трогательные есть сюжеты: про любовь к родному краю, любовь к своим близким. В этой музыке заложено все, что необходимо, чтобы общество могло функционировать и сохранять себя. Все, что формирует человека, его характер, его ценности».

ОБЪЕДИНЯЯ И ВДОХНОВЛЯЯ

Сегодня возвращенные из забвения песни звучат на омских фестивалях и праздниках русской традиционной культуры, которые организует Государственный центр народного творчества. А «Новая деревня» давно уже не просто ансамбль Омского музыкального училища – это культурное явление, которое живет, постоянно видоизменяясь, как и сама народная культура. Многие из тех, кто пел в этом ансамбле в студенческие годы, связывают с традиционной культурой свою жизнь. Например, выпускница из первого набора, Наталья Болдырева, уроженка Кормиловки, сейчас живет в Москве и ведет передачу «Игра-

ем свадьбу!» на Первом канале. Евгений Багринцев активно занимается продвижением традиционной культуры, он – блогер, собиратель, исследователь и участник Мужского фольклорного ансамбля канала «ВЕК». Артем Пищемука много лет является солистом Кубанского народного хора.

Выпускники отделения поют в Государственном Омском русском народном хоре, работают в Сибирском культурном центре. Сергей Парфенов много лет пел в знаменитом фольклорном коллективе «Воля», но теперь вернулся в Омск и сам препо-

«Новая деревня» в полном составе с неизменным руководителем и вдохновителем ансамбля Олеся Сидорской

Фольклор завораживает не только девушек, но и молодых людей

дает в училище. Он же организовал ансамбль традиционной музыки «Ремез».

Впрочем, некоторые оказывают заметное влияние на культурную жизнь города, еще даже не завершив учебу. Анастасия Мартынова – автор молодежного проекта «Омск Фолк Движ». «Наш проект из разряда «молодежь для молодежи», – рассказывает она. – Он для тех, кто с фольклором никак не связан, но хочет изучать традиционные танцы, песни, игры. Первостепенная задача проекта – популяризация фольклора среди омской молодежи. От ребят, которые к нам приходят, мы получаем массу положительных отзывов – всем очень интересно, все в восторге».

То есть разорванная нить песенной традиции, кажется, восстанавливается.

«Прошлым летом мы были с визитом у трех исполнительниц из ансамбля села Благодоровка Одесского района. И когда они услышали, как наши ребята поют их песни... Это было для них как неожиданная встреча с самыми родными и близкими людьми. Они увидели, что песни, которые пели их родители, поют сегодня и будут петь и завтра, и послезавтра. И для ребят это тоже было удивительно, – рассказывает Олеся Сидорская. – Все это очень важно. Потому мы стараемся расшифровывать песни, публиковать их с QR-кодами, чтобы человек мог их не только прочитать, но и послушать в аутентичном исполнении. И слышатся совершенно уникальные вещи. Например, подарили книгу с QR-кодом жителю какого-то села, а он в этой записи услышал голос своей бабушки. Это же просто фантастика!»

Так что можно не беспокоиться: изумительное сибирское много-голосие не сгинет, не уйдет в небытие. Здесь по-прежнему будут жить песни, которые пелись веками. И это прекрасно. Ведь народные песни – это одна из бесценных составляющих нашей великой культуры. ■

ЛИЧНЫЙ ВЫБОР, ОБЩЕЕ ДЕЛО

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ЦЕРКОВЬ УМИРАЛА. ЕЕ ДОСКИ СГНИЛИ, И ЛЕДЯНЫЕ СЕВЕРНЫЕ ДОЖДИ ЛИЛИ СКВОЗЬ ДЫРЫ В СТЕНАХ И КРЫШЕ. ГЛАВА БЕССИЛЬНО СКЛОНИЛАСЬ НАБОК, ПОЧЕРНЕВШИЕ НИЖНИЕ БРЕВНА УТОНУЛИ В ПЫШНЫХ ЗАРОСЛЯХ КРАПИВЫ И ИВАН-ЧАЯ. А КОГДА-ТО СЮДА ПРИХОДИЛИ ЛЮДИ, ПЕЛИ ВЫСОКИМИ ГОЛОСАМИ, ЗАЖИГАЛИ ВОСКОВЫЕ СВЕЧИ И ЧИТАЛИ МОЛИТВЫ. НО ВСЕ ЭТО ИСЧЕЗЛО.

ПОТОМ ИЗ ЦЕРКВИ сделали склад, потом клуб. Но исчезли и они, потому что не стало людей. Деревня умерла. И церковь одиноко доживала свой век в пустой неприветливой глухи. Но как-то раз здесь снова появились люди. Они бережно соединили разъезжавшиеся бревна и вычистили засыженное птицами нутро. И случилось невозможное: вернулась жизнь, пото-

му что однажды личный выбор пришедших сюда людей стал их общим делом.

Вот уже восемнадцать лет добровольческий проект «Общее Дело. Возрождение деревянных храмов Севера» занимается сохранением деревянных храмов и часовен в Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Костромской областях, Республиках Коми и Карелии. В рамках этого проекта, который органи-

зовал настоятель московского храма Преподобного Серафима Саровского в Раеве протоиерей Алексей Яковлев, состоялось 620 экспедиций. От разрушения были спасены 192 храма. Вместе с четырьмя волонтерами «Общего Дела» я прошла их личными дорогами, чтобы понять, что привело моих собеседников к деревянной часовенке на земле и невидимому храму в душе.

Работа
волонтеров
позволяет
деревянным
храмам дождаться
профессиональной
реставрации

ИРИНА: «СЕВЕР МЕНЯ ЗАЧАРОВАЛ»

«Я – инженер-строитель, преподаю в Воронежском государственном техническом университете, веду различные дисциплины по курсу «Технологические процессы в строительстве». Рассказываю своим студентам, как грамотно построить любое здание из современных материалов и конструкций. Но в детстве, задолго до того, как начала раз-

бираться в кирпиче и бетоне, я каждое лето проводила в заповеднике под Воронежем. Там была замечательная турбаза с уютными деревянными домиками в сосновом лесу на берегу извилистой речки. В моей жизни было много дерева, я его с детства любила. И когда этого теплого материала вдруг не стало рядом, заскучала по нему. Поэтому я с радостью откликнулась на волонтерский проект, кото-

Ирина
Евгеньевна
Спивак,
доброволец
проекта

рый занимался спасением деревянной храмовой архитектуры. Много лет не могла найти единодушную команду, которая делала бы это последовательно и профессионально. Пока однажды в радиопередаче не услышала про «Общее Дело». Позвонила, и меня пригласили в экспедицию. Я предполагала, что расскажу о своем опыте реставрации деревянных храмов студентам. Поэтому в тот год выбрала самый сложный и самый удаленный объект – храм Святых Афанасия и Кирилла Александрийских в деревне Окуловская Архангельской области. Чтобы добраться туда из Воронежа, я сменила три поезда, а потом еще пять-шесть часов тряслась на «буханках» по бездорожью.

Моим первым открытием в экспедиции стала необыкновенная северная природа. Я – человек теплолюбивый и южный, поэтому никогда не думала, что Север может так зачаровать. Огромное небо, которое будто лежит на земле. Дикая природа, медведи бродят в шаге от нашего лагеря, тайга с множеством грибов и ягод. И над всем этим – над просторами, над зарослями иван-чая на месте бывших деревень, над далекими лесами – пахнет храмом. Потом я была в семи

экспедициях. Специально старалась выделить время летом, чтобы, как только в институте закончится защита дипломов, присоединиться к команде. С моей легкой руки в экспедиции оказался и один из наших студентов. Как-то накануне очередного отъезда я принимала зачет, и выяснилось, что один из слушателей не посещал занятия – на зачете увидела его в первый раз. В качестве нагрузки к билету за прогулы дала ему листовку с телефоном «Общего Дела». И шутя взяла с него слово: раз он не ходит на лекции по архитектуре, пусть съездит на Север, отработает незаслуженную оценку и поможет благому делу. «Запросто», – ответил он. Я не поверила. До этого я предлагала присоединиться к «Общему Делу» другим студентам, но дальше обещаний с их стороны дело не шло. На этом мы и расстались. Свой зачет Михаил – так звали прогульщика – получил, и я про него забыла. А когда уже ехала в экспедицию, то узнала, что среди нас будет еще один уроженец Воронежа. Каково же было мое изумление, когда в поезд вошел тот самый студент. Выяснилось, что Михаил действительно поехал на Север и первая экспедиция ему настолько понравилась, что он тут же отправился в следующую, где мы с ним и встретились. У Михаила была необычная для архангельского села внешность: дреды, странная одежда. Я волновалась: не знала, как к нему отнесутся жители Севера. К Михаилу действительно долго присматривались. Но он был так дружелюбен и обаятелен, что все его полюбили. Я очень гордилась своим воронежским студентом.

Потом, уже регулярно отправляясь в экспедиции, я старалась выбирать объекты, где была нужна моя помощь как архитектора. Неделя на Русском Севере – небольшой срок, за который нужно успеть сделать фотофиксацию объекта, выполнить все замеры, начертить необходимые планы, разрезы, узлы, эскизы деталей и элементов, чтобы

Храм Прокопия Устюжского до консервации. Республика Коми, Койгородский район, поселок Нючпас

привезти как можно больше материала и уже потом в Москве разработать по этим чертежам полноценные проекты. В экспедициях была возможность познакомиться с разными методами ведения реставрационных работ. Порой приходилось на ходу изобретать что-то новое, консультироваться со специалистами. Хорошо, что для командиров экспедиций «Общее Дело» проводит курсы по плотничьему мастерству в музее-заповеднике «Кижи». Я побывала там в

2022 году, и знания потом очень пригодились нам в экспедиции. Понимать, что такое памятник архитектуры, как правильно относиться к нему, очень важно.

В экспедиции «Общего Дела» всегда очень бережно относятся к памятнику. Мы понимаем, что нужно сохранять. Задача команд «Общего Дела» – не реставрация, а консервация. Она предполагает, что надо временно закрыть памятник, чтобы он не разрушился, сделать наружную кровлю, заделать окна, очистить его внутри от птичьего помета, скосить траву по периметру здания, расчистить продухи для вентиляции фундамента: многие храмы вросли в землю, их венцы начали гнить. Мы должны успеть защищить памятник от разрушения и как можно быстрее передать информацию о нем архитекторам, которые подготовят полный проект, после чего приступят к реставрации объекта. Если не успеть консервировать эти уникальные объекты, многие из них через два-три года будут безвозвратно утрачены».

Экстравагантный вид волонтера Михаила, поначалу смущал местных жителей

РОМАН: «ЭТУ РАБОТУ НАДО БЫЛО ДОДЕЛАТЬ ДО КОНЦА»

«По меркам «Общего Дела» я – совсем молодой волонтер, в первый раз поехал в экспедицию только в 2023 году. Потом ездил еще два раза. Вот, собственно говоря, весь мой опыт.

Об «Общем Деле» я, как и Ирина, услышал по радио. Но волонтерство меня тогда не интересовало, людям я и без того помогал. А вот поехать работать в Карелию или на берег Белого моря было интересно. Зашел на сайт, записался, через несколько месяцев раздался звонок: «Общее Дело» собирает команды к очередному сезону. Моя первая экспедиция была в деревню Мошьюга на одноименной реке в Республике Коми. Место замечательное, но далекое. Местные жители сначала настороженно отнеслись к приезжим, особенно когда узнали, что мы – москвичи. Но каково было их удивление, когда, разобравшись, они выяснили, что москвичи не только приехали безвозмездно восстанавливать их колокольню, но еще и заплатили за это свои

деньги. Тогда и они включились в работу, начали угощать нас своими припасами.

В Мошьюге мы работали на колокольне рядом с храмом, в нем сейчас располагается клуб. А вот колокольня осталась бесхозной. Наш отряд продолжал работу, которую наши предшественники начали еще в 2022 году. В колокольне стянули полы, там можно было провалиться, поэтому внутрь никого не пускали. Сначала мы поменяли пол на втором и третьем ярусах, а в следующую экспедицию с нами поехал профессиональный промышленный альпинист: предстояла работа на

Храм
Прокопия
Устюжского
после
консервации

Роман
Прохоров,
командир
экспедиций
проекта

куполе, от которого остался один каркас. Мне тоже хотелось восстанавливать купол, поэтому перед экспедицией я прошел курсы и получил сертификат промышленного альпиниста.

Не могу сказать, чем именно меня зацепило то первое объявление «Общего Дела». Профессия моя далека от работы с деревом, я занимаюсь управлением грузовыми перевозками. Может быть, хотелось помочь храму. Неважно, деревянному или каменному. Было в этом что-то особенно важное для меня. В обычной жизни я помогал другим, но это были как будто совсем простые поступки. А вот за весомое, большое дело в одиночку не брался. А еще в моей жизни было много дел, которые я не доводил до конца. Но тут я понял, что именно это дело обязательно надо доделать. Мне, конечно, хочется поехать в новые места, но к «своей» колокольне в Мошьюге я точно еще вернусь. Кроме того, я – человек православный, и, возможно, подспудно, неосознанно мне хотелось быть причастным к вере. В обычной жизни в церковь я хожу не-

часто. А здесь есть возможность сломать барьер. В экспедициях «Общего Дела» участвуют и невоцерковленные, и последователи других вероисповеданий, но для меня было важно, что здесь собрались люди, для которых душа – не пустое слово. Мне хотелось проявить свою веру. Сообща сделать что-то значительное, не связанное с моим личным интересом. Чтобы в мир ушло. Чтобы осталось. Утром мы все вместе читаем молитву, после которой со всем по-другому работает. Это даже сложно назвать работой, думаю, слово «сопричастность» будет более точным.

Возможно, один пример сделает мою мысль понятнее. Как-то вечером дело шло к дождю, и нужно было переложить доски под навес, чтобы они не намокли. А я очень устал, да и предполагал, что дождь, может быть, и во все не начнется. В моей душе все протестовало: зачем выполнять бессмысленную работу, когда хочется, чтобы тебя просто оставили в покое? В этот момент другой человек, такой же уставший, как я, спокойно взял дело на себя и

Роман Прохоров
во время работы
на объекте

Опустевшие
деревни
Севера –
грустное
зрелище

за десять минут со всем управился. Он почувствовал, что во мне происходит какой-то надлом, и подставил плечо. Человеку ничего не объясняешь, он просто видит твое внутреннее состояние и помогает, да еще и делает это так, чтобы не поставить тебя в неловкое положение... Очень чутким надо быть».

АЛЕКСЕЙ: «ЗДЕСЬ ТВОЕГО СОСЕДА ЗАБОТИТ СУДЬБА СТАВРОГИНА»

«Я попал в «Общее Дело» из любопытства. Люблю путешествовать, давно хотел попасть в Карелию, так что откликнулся на предложение о поездке. А тут еще и возможность сделать благое дело появилась. Решил попробовать и с первой же экспедиции «заболел» Севером.

Мне важно, что виден результат, что мы все вместе немного поменяли мир к лучшему. Так, что это заметно. Ключевое здесь слово – «мы». Очень редко в Москве видишь такое единение, а в экспедициях люди будто сливаются в некий общий организм, настолько точно они начинают понимать друг друга. Там действительно можно говорить «мы», и это, наверное, основное, что тянет обратно.

Меня сразу назначили командиром, но так было в жизни всегда. Видят, что человек ответственный, и нагружают общественной работой. Но я не жалуюсь, еду не куда хочу, а куда пошлют. У меня за плечами уже 14 экспедиций

с «Общим Делом». Поездки эти, с одной стороны, похожи – по мотивации, по духу собравшихся там людей. А с другой – настолько разные, что мы даже начали давать каждой экспедиции свое название. Потом встречаешься с человеком, спрашиваешь: «Северное сияние», или «Педагогическую», или «Философскую», или «Песенную» экспедицию – помнишь? И он сразу понимает, о чем речь.

Скажем, была у нас «Песенная» экспедиция. Так сложилось, что

собрались в ней те, кто поет, на гитаре играет. Каждый вечер у нас концерты. Закончилось тем, что в последний день экспедиции к нам с гармошкой пришел плотник, работавший в соседнем храме. Так и сидели у костра до утра – с гармошкой и гитарой. Была у нас и «Поморская» поездка. Мы знали, что Архангельский край – поморский, но столкнулись с поморским бытом только в той экспедиции. Мы работали в деревне, где есть рыболовецкий колхоз: всюду висели поплав-

Храм Трех Святителей.
Архангельская область,
Приморский район,
деревня Кадь

ки, грузы, сети, на берегу стояли баркасы. Местные говорили только про рыбу, других тем не было. Была у нас даже «Эфиопская» экспедиция. Восстанавливать вместе с нами деревянные русские храмы поехал эфиоп. Он нам постоянно рассказывал про свою страну: «Православная вера, 100 миллионов жителей, мы про вас многое знаем, а вы про нас – ничего!» Еще была экспедиция «Педагогическая». В ней подобрались молодые педагоги – и социальные работники, и школьные, и дополнительного образования, так что любой разговор через пятнадцать минут у нас переходил на педагогическую тему.

А еще каждый год у нас происходит что-нибудь невероятное. Когда мы приезжаем в экспедицию, у нас всегда мало времени, мало ресурсов, много работы и, как правило, плохая погода. И ты понимаешь, что не успеешь. Ничего такими силами не сделать. Однако каждый раз мы не просто выполняем все необходимое, но у нас еще остается один свободный день. Я объясняю это единением людей: тут

что-то подметили, тут улучшили, тут задержались на работе по-дольше. И смотришь – все сделано. Например, прошлогодняя экспедиция у нас была в деревню Козлы на Зимнем берегу Белого моря. В деревне три жителя, зайцы непуганые по улицам бегают. И разрушенный храм. Мы покрыли его ондулином, внутри все убрали, пол отремонтировали, сделали лестницу – за один год управились. Очень холодно было, ветрище с моря дует, а все радостные: «Успели!»

Я не предполагал, что «Общее Дело» станет такой важной частью моей жизни. Сначала это было чистое любопытство, а потом оказалось, что ждешь этой встречи целый год. Закончишь экспедицию – и уже думаешь о следующей. У многих так, наверное. Люди со стороны часто интересуются: «Как съездил в экспедицию?» Я объясняю: «Это примерно так же, как с аквалангом опуститься на дно Красного моря. Там другой мир. Выныриваешь, тебя спрашивают: «Как там?» Что ответить? «Там рыбка с перьями, коралловый риф, пузырьки идут». Человек, наверное, что-то понимает, но совсем не твои настоящие чувства и переживания.

В экспедиции 99 процентов участников – наши по духу. Когда начинается набор в экспедицию, кидаю клич по старым адресам: пора, собирайтесь! Старой гвардии набирается пять-шесть человек. А потом появляются новенькие. Я каждого спрашиваю о мотивации. Перед поездкой мы проводим собрание, в первую очередь для тех, кто сомневается. Они задают вопросы, мы отвечаем, смотрим друг другу в глаза. Страхи у новичков перед экспедицией бывают разные. Они боятся, что «Общее Дело» – это секта. Боятся, что не справятся, что их съедят медведи, что утонут, переправляясь в лодке по Белому морю. Но я знаю, что в экспедиции будет 50 процентов своих и этот костяк «переварит» любых новичков.

Еще нас очень объединяет Евангелие, совместная молитва. Это

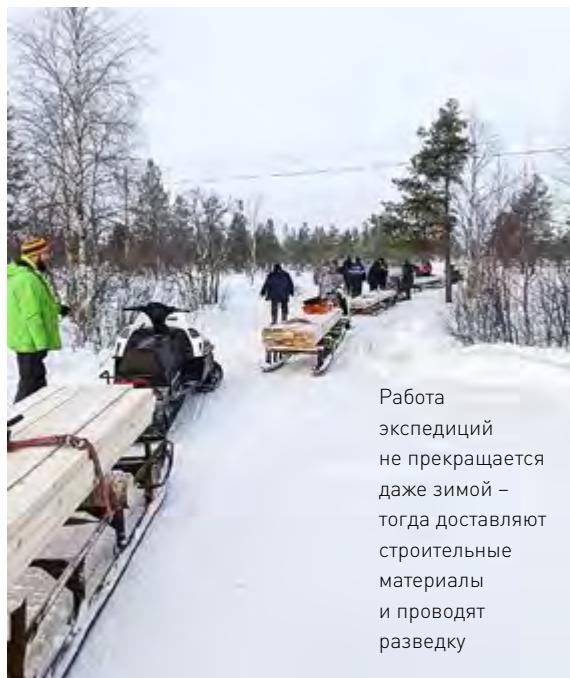

Алексей
Баринов,
командир
экспедиций
проекта

камень, на котором все стоит. Остальное вторично. У многих сердце болит, что разрушаются храмы. Даже невоцерковленные или иноверцы едут, просто чтобы помочь. Или из любопытства – интересно на Север попасть. Но это вторичная мотивация, первично то, что мы – люди православные. Утренняя и вечерняя молитва, которая читается со-обща, дает чувство единства, уверенности, что приехал не зря...

В этих церквях чувствуется связь поколений. Ты понимаешь, что русские мужики строили эти храмы, ходили сюда молиться, здесь их крестили, венчали, отпевали. А сейчас эта святыня находится в небрежении, как красивая вещь в грязи. И хочется ее поднять, очистить, поставить на подобающее место. Хотя я понимаю, что Бог в ребрах, а не в бревнах, но храм символичен. Вокруг него собираются люди, которые в буквальном и переносном смысле его восстанавливают.

В экспедиции очень важны вечерние душевые разговоры у костра. Если у себя на работе я спрошу про Достоевского, меня не поймут. А здесь оказывается, что человека рядом, как и тебя, заботят судьбы Раскольникова, Ставрогина, Верховенского. Достоевский для меня – противоположность Толстому. Я пытался в Толстом разобраться – не получилось, он мне интуитивно не близок. Святые Отцы различают духовную и душевную жизнь. Толстой к душевному, мне кажется, относится, а духовный мир описывает Достоевский. Он – самый интересный и самый главный для меня русский писатель. Вот вместе разбираемся: и почему Мышкин поступает как

Работа
экспедиций
не прекращается
даже зимой –
тогда доставляют
строительные
материалы
и проводят
разведку

апостол Павел и как в одном человеке могут быть одновременно бездна и небо? Перед тобой будто открывается россыпь драгоценных камней, глядишь и любуешься».

«А на автогарке в ватсапе у меня Даниила Багров, – отвечает Алексей на мой вопрос перед прощанием. – Потому что сила и в самом деле в правде. У гроба карманов нет, упование на внешнюю успешность – для меня неправильный путь. Там Достоевского не встретишь».

СЕМЕН: «ТАМ ЧУДЕС МНОГО ПРОИСХОДИТ»

«Родом я из Бурятии, поселок Таксимо, что на БАМе. У нас построили храм, начали приезжать миссионеры, в том числе из Белгородской епархии. Там я познакомился с белгородскими батюшками, с семинаристами сдружился. Это повлияло на мои взгляды, и я уже осознанно пришел в церковь. Потом уехал работать на Север, затем осел в Москве. Поначалу ездил в храм Христа Спасителя: интерес-

Волонтеры перекрывают сгнившие крыши, чтобы защитить храмы и колокольни от непогоды

но было, никогда не был в таких огромных соборах. Затем устроился в Свиблово на работу и церковь тоже решил поближе найти. Так оказался в храме Преподобного Серафима Саровского в Раеве. В свою первую экспедицию, как почти все, попал случайно. У меня был отпуск, я собирался с друзьями в Хакасию. И тут увидел в храме объявление о плотничих курсах при храме в Раеве. Так я попал на открытый выпускной Школы плотницкого мастерства. Отец Алексей Яковлев рассказывал выпускникам об «Общем Деле». Невозможно было не проникнуться его горячими словами, он и мне сказал: «Вы должны обязательно съездить хотя бы в одну экспедицию». Я отправился в первую попавшуюся – в Пялозеро, в Карелию. Мы жили там без электричества, без удобств, без связи, в палатках. Все это меня очень впечатлило. Дал себе слово: буду хотя бы в одну экспедицию в год ездить».

Вторая моя экспедиция была в Чаколу под Архангельском. Мы настелили в сельском храме Великомученицы Екатерины пол, и после экспедиции в нем отслужили первую почти за сто лет литургию. На ней крестились местные жители. Особенно мне запомнилась одна хорошая женщина, она нам всегда помогала. У нее недавно муж погиб. Раньше они вместе рыбачили, женщина продолжала его дело и каждый день приносила нам рыбу. Она некрещеная была, но по душевному своему устройству – христианка. Накануне первой литургии мы к ней пришли и рассказываем: завтра ваши односельчане придут креститься. Она: «И я бы хотела». И действительно покрестилась. Одна из разведывательных экспедиций была у меня в Заонежье. Предстояло осмотреть четыре часовни. Так получилось, что две из них уже были восстановлены, но никто об этом не знал. Какие-то неизвестные добродетели это сделали и никому ничего не сказали. Третью часовню рядом с Вороным островом мы разведали, в ней требуются работы, этим летом туда отправится экспедиция.

А вот к самой дальней часовне, в деревне Пурдега, добраться не получалось. Был сильный снегопад, а снегоходы по первому снегу не ездят, он рыхлый. Местные жители ждут, пока охотники выйдут в лес на своих советских «Буранах» – только они и справляются с целиной – и проложат тропу, по которой следом поедут остальные. Но тогда был декабрь, еще никто дорожки не пробил. И мы пошли к часовне через снежную целину, в одну сторону километров восемь – по колено в сугробах. Пробирались часа три с половиной. Дни короткие, мы только в сумерках вышли к храму в Пурдеге. Это забытая всеми деревня, последние фотографии которой были сделаны более десяти лет назад. Нашли часовню, быстро обмерили ее и по своим же следам вернулись в лагерь. На следующий год меня спрашивают: «Ты Пурдегу уже знаешь – командром поедешь?» – «Поеду». Так что это была моя первая командрская экспедиция.

В Пурдеге нам предстояло спасти часовню конца XVIII века. Она сохранилась чудом: вокруг не осталось никаких следов жизни, ни одного бруска от дома, ни камня. Ничего не напоминало о том, что там была деревня. Поляна да лес вокруг. Я до сих пор не понимаю, почему там люди поселились. Обычно деревни ставили рядом с водой, а тут до ближайшего, к тому же заболоченного, озера надо было идти минут пятнадцать. Но люди там жили долго. Еще до войны там текла жизнь.

Сруб пурдежской часовни сошел с фундамента, крыша обрушилась, нижние венцы прогнили. Каким-то чудом на поперечной центральной балке остался обломавшийся с маковки крест. Семидесят лет так и простоял над провалившейся крышей. Команда в экспедицию набралась боевая. У нас не было связи, электричества и воды, пришлось самим отыскать источник неподалеку от часовни. Искупаться тоже было невозможно. Из-за болота к ближнему озеру приходилось пробираться по пояс в воде. Холодно было, шли дожди, хотя стоял

Сообщество единомышленников – весомый аргумент, чтобы вернуться в экспедицию

Семен Корчинов,
командир
экспедиций
проектов
(на первом
плане)

июнь. А я еще и свою новую палатку отцу, который поехал со мной в эту экспедицию, отдал. Пришлось жить в старой, которая протекала. Но я такой экстрем люблю...

А еще в экспедициях и вправду происходят чудеса. Вот у Чаколы с годами река Пинега обмелела. Бывает, вода так сильно уходит, что реку не переплыть. Даже маленькая лодка садится на мель, только в специально отведенных местах паромы ходят, да и то приходится ждать, когда воды наберется достаточно. А нам надо было перевезти материал для стройки. Лесовозы с бревнами доехали до парома, а паромщик говорит: «Не смогу вас перевез-

ти, воды в реке нет». С нами был местный житель, Леша, он помогал нам в экспедициях с 2014 года. Он не то чтобы верующий, просто небезучастный. И тут он вдруг начал молиться. Молитв, говорит, не знаю, просто начал просить Николая Чудотворца: «Помоги!» А если в верховьях Пинеги проходит хороший дождь, то река наполняется водой, которая валом идет к устью. И вот он молится, и у нас на глазах в реке начинает подниматься вода. Паромщик первый заметил. «Быстро, — кричит, — загружайтесь! Вода идет». Перевезли мы машины с бревнами, вернули их обратно — вода стоит. Уехали — и вода ушла.

Для многих волонтеров «Общего Дела» потрудиться в экспедиции — значит прикоснуться к истинной вере

Люди, которые ездят в экспедиции, по душевному устройству похожи. В свой отпуск, на личные деньги они едут в чужую деревню, с которой их ничто не связывает. Восстанавливают храм, в который, возможно, больше никогда в жизни не попадут. Понятно, что эти люди руководствуются не меркантильными, а более высокими интересами».

Тем временем на сайте «Общего Дела» открыт набор добровольцев в летние экспедиции. Волонтеров зовут пройти 20 километров пешком от ближайшей станции, чтобы продолжить консервацию церкви Святителя Николая Чудотворца в деревне Унежма. Проехать 80 километров на попутке до деревни Кутонаволок, а затем еще 25 на катере до деревни Варишпельда, чтобы завершить реставрацию часовни Спаса Преображения. После парома Ныкола — Двинской добраться до деревни Хаврогоры, чтобы спасти часовню Георгия Победоносца. И они пройдут, дадут и переплынут, будьте уверены. Потому что их там уже заждалось хоть и нелегкое, но светлое и благодатное общее дело.

Впервые за сто лет в восстановленных храмах служат Божественную литургию

Фотоматериалы предоставлены Добровольческим проектом «Общее Дело. Возрождение деревянных храмов Севера».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Н. В. Кисляков.
Юноша Ломоносов
на пути в Москву.
1948 год

ПО СЛЕДАМ ЛОМОНОСОВА

АВТОР

ЕЛЕНА ПЕТРОВА

У ИСТОКОВ ОСНОВАНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, ОТПРАЗДНОВАШЕГО В ЯНВАРЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА 270-Й ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ, СТОЯЛИ ДВА ЧЕЛОВЕКА. ФАВОРИТ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, «ТЕОРЕТИК УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ИДЕИ», 27-ЛЕТНИЙ ОБЕР-КАМЕРГЕР ИВАН ИВАНОВИЧ ШУВАЛОВ. И ПРОСЛАВЛЕННЫЙ УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ, ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ, «ПРАКТИК УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ИДЕИ» МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ.

АВЕДЬ НАЧИНАЛСЯ путь Ломоносова в науку очень непросто: за четверть века до рождения университета он пришел в Москву учиться, сбежав из родительского дома в далекой деревне Мишанинской Куростровской волости Двинского

уезда. Обстоятельства и причина побега известны: отец и мачеха собирались его женить и приобщить к семейному рыболовному промыслу, а молодой человек стремился к знаниям и мечтал получить образование. Пришлось срочно спасаться бегством сначала в Холмогоры, где

ему удалось добыть паспорт, а оттуда, пристав к «каравану с мерзлою рыбой», – в Москву.

Путешествие Ломоносова из Архангелогородской губернии в Москву было нелегким и долгим. Нам сегодня довольно сложно представить себе, как оно проходило, что пришлось испытать и с какими трудностями столкнуться в дороге 19-летнему юноше. Даже сейчас, при современных путях сообщения и средствах передвижения, преодолеть такое огромное расстояние – а Ломоносов прошел около 1200 километров – довольно затруднительно. Скажем, чтобы проехать этот путь на автомобиле, потребуется не менее 15 часов. Так что трехнедельный переход Михаила Васильевича на санях с рыбным обозом зимой 1730 года представляется и вовсе чем-то героическим.

Меня эта история всегда завораживала и восхищала. Давно хотелось пройти по маршруту великого русского ученого и хотя бы немного соприкоснуться с теми удивительными северными краями, которые увидел он по пути. И вот наконец в нынешнем году мечта моя в какой-то мере осуществилась. В конце февраля 2025 года с группой путешественников краеведческого клуба «Отчий край» мне удалось побывать в тех местах, повторив – пусть и совсем небольшую – вожскую часть пути молодого Ломоносова.

Кстати, исследователи утверждают, что точный маршрут обоза, с которым шел Ломоносов, доподлинно неизвестен. Можно лишь предполагать, как он шел – по аналогии с обычными путями других подобных торговых караванов. Однако все сходятся на том, что маршрут проходил через Шенкурск и дальше – вдоль реки Ваги (крупнейшего левого притока Северной Двины) по территории Вельского уезда, входящего теперь в состав Архангельской области. Неизвестно, правда, заходил ли обоз в сам Вельск, данные на этот счет разнятся. А дальше путь обоза пролегал через поселок Верховажье на Вологду.

ФОТО АВТОРА

Шенкурск, дом Амосова
(начало XX века; улица Мира, 2),
объект культурного наследия
регионального значения

к концу XVIII века от всех этих укреплений практически ничего не осталось.

В то время, когда Михаил Ломоносов пришел сюда с обозом, Шенкурск являлся главным городом Важского уезда Архангелогородской губернии. Здесь находилось управление дворцовой канцелярии, а с 1780 года Шенкурск стал центром Шенкурского уезда. Возле крепости размещались гостиные дворы с торговыми лавками, где рыбный обоз из Холмогор вполне мог остановиться на отдых и ночлег. К крепости примыкал посад с жилыми дворами.

Вплоть до второй половины 1930-х годов над одноэтажными и двухэтажными постройками города высились два храма (сейчас на том месте, где они когда-то находились, установлен деревянный поклонный крест). Кирпичный одноглавый собор Благовещения Пресвятой Богородицы, увенчанный характерным для этих краев грушевидным «важским» куполом, был построен между 1735 и 1762 годами, уже после пребывания в городе Ломоносова. А вот в величественный деревянный собор Михаила Архангела, поставленный еще во второй половине XVII века и украшенный девятью изящными главками, будущий великий ученый вполне мог и заглянуть по пути, чтобы помолиться своему небесному покровителю перед дальней дорогой. Мог видеть он и Свято-Троицкий монастырь, основанный в Шенкурске в 1637 году как мужской,

ШЕНКУРСКАЯ СТАРИНА

Город Шенкурск (ударение, как и у многих других географических названий Русского Севера, ставится здесь на первый слог) живописно раскинулся на правом, высоком и обрывистом берегу реки Ваги. В рельефе города – особенно если смотреть на него с реки – отчетливо выделяются три больших холма. На центральном и самом высоком из них когда-то располагалось древнее городище, которое за минувшие века было подмыто и практически уничтожено речными водами. До сих пор река продолжает вымывать отсюда глиняные черепки, об-

ломки бронзовых украшений, рыболовные крючки и другие старинные артефакты.

Раньше холм этот назывался городом Шенга-Курья: рядом протекает небольшая речка Шеньга (ранее – Шенга), а «курья» – это речной залив, заводь, узкий проток. В исторических актах городок упоминается с XIV века. В начале XVII столетия на Шенге-Курье стояла деревянная крепость, окруженная рвом и земляным валом, от которого сегодня сохранились только фрагменты. В город вели четверо ворот. Острог был укреплен почти десятком башен. Гарнизон имел пять пушек. Правда,

Один из холмов
Шенкурска

Шенкурск. Собор Благовещения Пресвятой Богородицы, справа – собор Михаила Архангела. Начало XX века

а ко времени прихода в город Ломоносова преобразованный в женскую обитель. К сожалению, Благовещенский собор в 1930-е был снесен, а храм Михаила Архангела в 1936 году сгорел. Троицкий собор монастыря сохранился и сейчас восстанавливается.

Сегодня главная улица Шенкурска, протянувшаяся через весь город от понтонной переправы параллельно реке Ваге, носит имя Михаила Васильевича Ломоносова, а в сквере по соседству с бывшим монастырем установлен бюст знаменитого ученого. Конечно, город сильно изменился за прошедшие столетия. Однако, гуляя по дощатым тротуарам его улочек, спускаясь с шенкурских холмов по скрипучим деревянным лестницам, переходя по мостики через ручьи, вполне можно представить, каким он был прежде. Городская застройка сохранила свой исторический характер: здесь по-прежнему преобладают одноэтажные и двухэтажные дома, построенные, правда, уже на рубеже XIX–XX веков. В Шенкурске много типичных для этих мест жилых бревенчатых домов на высоких подклетах и с мезонинами. Есть также несколько деревоэволюционных деревянных и кирпичных общественных зданий. Любопытно, например, что отделение полиции помещается все в том же каменном доме середины XIX века, где до 1917 года располагались городские присутственные места и уездное полицейское управление. А в красивом деревянном здании уездной гимназии сегодня располагается школа. Одноэтажный кирпичный дом воинского начальника конца XIX века занимает сейчас районный архив. В одной из бывших городских усадеб – по своему размаху типично купеческой, но на деле принадлежавшей предпримчивому крестьянину Логунову, – расположился краеведческий музей.

Ломоносов проходил через Шенкурск в конце декабря 1730 года, когда Вага была надежно ско-

ФОТО АВТОРА

Деревянные
лесенки
Шенкурска

Понтонная
переправа
через реку Вагу
в Шенкурске

вана льдом. Это облегчало переправу на другой берег: реку можно было перейти прямо по льду. Между прочим, именно так местные жители поступают и сегодня, чтобы сократить путь до автобусной остановки: она находится на автомобильной трассе, напротив центра города, но на противоположном берегу Ваги. Ниже по течению, немногого в стороне от города, установлен понтонный мост, но наш автобус, на котором мы приехали в Шенкурск из Вельска, проехать по нему не смог: именно в тот день мост начали ремонтировать. Пришлось оставить

транспорт на берегу, пройти по понтону в Шенкурск пешком, а вернуться уже по «народной» тропе на льду, значительно срезав расстояние.

Дойдя примерно до середины реки и оглянувшись на прощание, мы увидели освещенные закатным солнцем крутые шенкурские холмы и высокий крест на одном из них в память о когда-то стоявшем здесь великолепном храмовом комплексе. Далее наш маршрут, как и путь Ломоносова когда-то, вел к городу Вельску, расположенному в 143 километрах к югу, выше по течению реки.

ФОТО АВТОРА

ФОТО АВТОРА

СТАРШЕ МОСКВЫ

Этот небольшой уютный городок примостился на левом берегу Ваги в том месте, где в нее впадает река Вель. От последней Вельск и получил свое название. Сегодня в Вельск можно без особых проблем приехать на поезде из Москвы, Санкт-Петербурга или Архангельска. Первый типовой деревянный вокзал появился в городе в 1942 году. А современное двухэтажное здание железнодорожного вокзала, стилизованное под древнерусский терем, было построено в 2004-м. На сайте вокзала любой путешественник может

прочитать следующее: «Деревянная архитектура, дух русской культуры, колорит средневекового русского города, напоминает старинную Русь. Он имеет свою историю и сохраняет по сей день свою харизму». И действительно, несмотря на то, что в этом провинциальном северном городке нет выдающихся памятников архитектуры, он явно выделяется особым характером и бережно хранит свои традиции. Добравшись до Вельска, мы первым делом прошлись по Набережной улице. И всем советуем сделать то же самое, если вы

Железнодорожный вокзал в Вельске

когда-нибудь окажетесь в этом городке. Дело в том, что это не совсем обычная набережная. Проложена она не над самой рекой, как можно было бы подумать, а над широкой полосой заливных лугов, за которыми, примерно в полукилометре от Вельска, и находится русло Ваги. Вышло так не случайно: люди весьма предусмотрительно построили город на некотором удалении от своеобразной реки. Расположился он на высокой речной террасе, чтобы уберечься от ежегодных весенних половодий.

Здесь, на Набережной улице, мы и повстречали самого Михаила Васильевича собственной персоной. Побывал ли он в Вельске во время своего судьбоносного перехода из Холмогор в Москву, так до конца и не выяснено, сведения на этот счет расходятся. Одни источники утверждают, что маршрут обоза шел через Вельск, поскольку именно здесь еще с конца XVII века пролегал Московский тракт – главный почтовый и торговый путь из Архангельска на Москву. А другие пишут, что обоз из Холмогор

Панорама Вологодской улицы с высоты птичьего полета в Вельске Вологодской губернии. Начало XX века

в декабре 1730 года направился другой дорогой – по противоположному берегу реки Ваги. Как бы то ни было, это не помешало вельчанам разбить на Набережной улице Ломоносовскую аллею. Она была торжественно заложена 23 сентября 2011 года – к 300-летию со дня рождения великого ученого. В 2020-м в самом начале аллеи установили памятник молодому Ломоносову, выполненный московским скульптором Артемием Родионовым. Высокая бронзовая фигура изображает решительно шагающего будущего основателя Московского университета – совсем как на хрестоматийной картине Николая Кислякова «Юноша Ломоносов на пути в Москву», написанной художником в 1948 году. Особенно органично смотрится эта скульптура зимой, поскольку одет Михаил Васильевич, естественно, по-зимнему: в теплый тулуп, валенки, меховую шапку и рукавицы. Милая деталь: кто-то из сердобольных вельчан заботливо укутал шею бронзового Ломоносова длинным вязаным шарфом, чтобы тот не замерз в долгой дороге.

Между прочим, маленький городок Вельск на десять лет старше Москвы: впервые он упоминается еще в 1137 году в уставе новгородского князя Святослава Ольговича как пункт сбора церковной дани. В 1550 году он именуется посадом, а с 1780-го получает официальный статус города и становится центром одноименного уезда. Во времена Ломоносова Вельск был уже важным торговым центром. Местные купцы торговали дёгтем, смолой, скипидаром, пенькой, беличьими шкурками и другими товарами местных промыслов. Бочка с дёгтем даже перекочевала на утвержденный императрицей Екатериной II герб Вельска, в знак того, «что обыватели сего города оным производят знатный торг». Торговали здесь также рожью, овсом, льняным семенем и волокном. Каждый год в январе в Вельске проходили торговые

Церковь Успения XVIII века с традиционным «важским» куполом на городском кладбище Вельска

ФОТО АВТОРА

Памятник М.В. Ломоносову на Набережной улице в Вельске, автор – А.С. Родионов

ярмарки, на которые съезжались купцы из других городов – Вологды, Москвы, Ярославля, Архангельска. Строения в Вельске были в основном деревянными: из 247 домов только четыре были каменными.

Исторический центр Вельска сохраняет свой старый облик, по нему очень приятно неспешно прогуливаться. Здесь много любопытных деревянных домов и купеческих особняков. Невозможно пройти и мимо бывшего Преображенского собора, освященного в 1913 году и перестроенного в Дом культуры в 1930-е. Со стороны набережной до сих пор хорошо видна его апсида. Здесь же установлен стеклянный стенд с историческим изображением собора, причем оно выполнено в таком масштабе, что если визуально совместить реальную апсиду с нарисованной, то все пять изображенных на стекле массивных барабанов четверика будто вырастают над ней. Особое внимание привлекает знаменитый дом со львами и единорогами. История его занимательна. Он был построен в 1884-м крестьянином Семеном Бабкиным – его инициалы и год постройки написаны на фронтоне. Изначально дом был двухэтажным и находился в селе Леменьга Шенкурского уезда, что

ФОТО АВТОРА

ФОТО АВТОРА

Вид бывшего Преображенского собора Вельска на стеклянном стенде при визуальном наложении на существующую апсиду

ФОТО АВТОРА

в 100 километрах к северу от Вельска. В 1902–1903 годах верхний этаж приобрел крестьянин Василий Березин, который перевез его в соседнюю деревню Заручей и установил на высоком подклете. В 1960 году дом перешел к М.М. Кичёву, потому сейчас он и называется домом Кичёва. В 1998-м дом был признан объектом культурного наследия регионального значения, но без должного ухода постепенно разрушался. И все же судьба оказалась к нему благосклонна: в мае

2014 года его выкупил Вельский краеведческий музей. Дом перевезли в Вельск, отреставрировали, и теперь в нем размещается музейная экспозиция, посвященная домовым росписям Поважья. Уникальность этого дома – в сохранившихся удивительных росписях: под балконом смотрят друг на друга стоящие на задних лапах лев и единорог, а между ними нарисован цветочный вазон. Еще одна пара – лев с единорогом – изображена в верхней части

Дом М.М. Кичёва
в Вельске

Дата основания
Вельска,
запечатленная
на одном
из домов

фронтоне по обеим сторонам от балкона. Выступающая часть кровли украшена яркими цветными ромбами и треугольниками, над балконом красуется еще один цветочный вазон, а по бокам – «морозные» узоры. Эти росписи были выполнены одновременно со строительством дома местной артелью потомственных живописцев (или «маяров» – так их здесь называли) Петровских из деревни Чурковской. «Морозные» узоры – причудливый синий орнамент на белом фоне, действительно напоминающий изморозь, – были их фирменным знаком. Сказочные орнаменты сохранились и внутри дома, была расписана даже стоявшая в нем мебель.

Мы добрались до музея только к вечеру, когда он уже закрылся для посетителей. Но тут проявилась удивительная сердечность, свойственная жителям Русского Севера: сотрудники музея задержались ради нас и, несмотря на поздний час, провели экскурсию. Покидать гостеприимный Вельск не хотелось. Однако нам нужно было ехать дальше. И следующей остановкой на нашем пути стало село Верховажье, через которое в декабре 1730 года рыбный обоз Ломоносова точно прошел.

СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ

Об этом знаменательном событии местные жители помнят до сих пор. В 2004 году на бывшей Московской (ныне – Пионерской) улице был установлен памятный знак в виде стилизованного верстового столба и двух высоких плит из серого гранита. На одной из них помещена надпись, сообщающая, что «этой дорогой в 1730 году проходил первый великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов», а на другой – его портрет. Верховажье – одно из древнейших поселений Вологодской губернии. Первое упоминание о нем встречается еще в так называемой «Книге Большому чертежу» – пояснительном тексте к не сохранившейся до нашего времени генеральной карте Московского государства, составленной по указанию Ивана Грозного. С 1678 года село именовалось Верховажским Посадом. До конца XIX века это был бойкий торговый пункт, отсюда сплавом по Ваге отправляли значительную часть продукции Вельского и соседнего Кадниковского уездов. Очень выгодным было и расположение села на оживленном почтовом и торговом тракте. Отсюда вывозили лён, пеньку, смолу, дёготь, скрипидар, канифоль и хлеб. Ежегодно в марте в Верховажском Посаде проводились знаменитые десятидневные Алексеевские ярмарки. В справочнике «Вся Россия» (XIX век) сообщалось, что «ярмарка есть лучшая в уезде». На нее приезжали крупные ярославские, вологодские, галичские купцы, сходилось народу до 12 тысяч человек. О том, как выглядел Посад, писал учитель верховажской школы Тимофей Васильевич Ажгубков: «Улицы были прямые, широкие. Вдоль заборов и частоколов были сколочены добротные деревянные тротуары. Городок утопал в зелени. Купцы и мещане обсаживали дома и усадьбы деревьями, кустами акаций и сирени. Это было и красиво, и полезно, и даже необходимо в противопожарном отношении, потому что посад был деревянный. <...>

ФОТО АВТОРА

Подвесной мост
через реку Вагу
в Верховажье

Город не поражал величием. Не отличался архитектурно роскошными зданиями. Чего не было, так не было! И все же все приезжие отмечали какой-то приятный и приветливый вид этого нашего городочка».

К сожалению, зеленые сады не спасли от пожара. Беда случилась 31 августа 1879 года: в тот день выгорел почти весь Посад. После этого село так и не смогло вернуть своего былого значения, население его значительно сократилось. Поступствовало этому также и то, что в 1898 году начала действовать железная дорога Вологда – Архангельск: преселочный торговый тракт утратил свое значение, а с ним угасла и торговая звезда Верховажья.

Современный облик села сложился уже после страшного пожара XIX века, его в основном формируют старые купеческие дома. Главной достопримечательностью Верховажья является, пожалуй, его длинный подвесной мост, перекинутый через реку Вагу в конце 1950-х годов. До этого мост здесь был свайный и его приходилось каждый раз разбирать перед половодьем, а после ледохода опять восстанавливать. Длина современного моста – более 100 метров. Когда идешь по нему, он очень сильно раскачивается, так что переходить его большими группами нельзя, мост может оборваться. Местные жители рассказывают, что раньше в дни праздничных народных гуляний приходилось ставить у моста специального постового, который регулировал дистанцию между проходившими по мосту людьми. Зато с него открывается великолепный вид на реку. Полюбовавшись на него, мы поспешили в Вологду.

Обоз Ломоносова после Верховажья также взял курс на Вологду, а оттуда, миновав Ярославль, Ростов Великий, Переяславль-Залесский и Сергиев Посад, прибыл в Москву в январе 1731 года. Здесь Михаила Васильевича ждали великие свершения. Но это уже совсем другая история...

Памятный
знак в честь
посещения
Верховажского
Посада
Михаилом
Ломоносовым
в декабре
1730 года

ФОТО АВТОРА

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.ру

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

Читайте журнал на сайте
[**https://rusmir.media**](https://rusmir.media)

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru